

А. Я. Живой
Небесный король: Покровители

Небесный король – 2

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Аннотация

«Покровители» – вторая книга серии – Когда писался «Эфирный оборотень» шла первая Иракская война, которая началась с захвата Кувейта. А теперь уже сам Ирак захвачен американцами. На подходе война с Ираном. В романе-продолжении они поставлены на место русским спецназом, в рядах которого случайно оказался Антон Гризов, вернувшийся из армии и позабывший о своих возможностях. Но, пришло время, и он вспомнил о своем предназначении. И о том, что может творить будущее. Основное действие романа происходит на территории захваченного американцами Ирака.

Алексей Живой
Небесный король: Покровители
Роман

Глава первая. «Экватор»

...Свои искореженные вертолеты спецназовцы взорвали, чтобы никто не догадался, кто на них летел. Пусть поломают голову. Сейчас важно выиграть время. Бежать после такой жесткой посадки пока никто не мог, досталось всем. Поэтому просто шли, как могли, подбадривая друг друга.

Так прошло часа два, как показалось Антону. Два ужасно тяжелых часа. Солнце все еще жарило как ненормальное, но уже немного приблизилось к горизонту.

– Как думаешь, что это была за стоянка с палатками? – вдруг спросил Костян, поравнявшись с Колей Быстрым.

– Думаю, какая то поисковая партия по нашему профилю. Иначе, зачем им залезать так далеко в пустыню, да еще тащить с собой столько бронемашин и вертолеты.

– Вот то-то и оно, – кивнул Костян, – разумею, что ищут они то же, что и мы. Надо поспешать. А то не ровен час, найдут раньше нас.

– А где мы сейчас?

– Уже недалеко от предполагаемого района, – сказал Костян, – час назад я сверился по спутнику. Максимум день пути.

Коля кивнул.

– Должны успеть.

Гризов, который ковылял сзади за Колей, еле выдирая ноги в ботинках из песка, слышал весь разговор. От него, похоже, и не скрывали этой информации. «Значит, приближаемся. Это хорошо, – думал журналист усталым и ушибленным мозгом, – чем быстрее найдем, тем быстрее вернемся домой. А то эта командировка что-то затянулась».

Постепенно Антон так разомлел, что уже перестал соображать кто он и где он. Гризов брел по пустыне как перегревшийся механизм, которому было ужасно жарко и тяжело. Рюкзак давил на плечи. Автомат тянул к земле. Антон молча переставлял ноги, даже не глядя под них. Взгляд его затуманился.

За время дневного перехода журналист успел заметить множество ящериц, сновавших под ногами и даже двух змей. Змеи, однако, не проявили к нему никакого интереса и не стали кусать, а уползли своей дорогой в пески. Один раз он услышал отдаленный крик в небе и, подняв голову, увидел небольшую стаю птиц. Напрягая зрение, Антон признал в них стервятников.

– Не дождетесь, – сказал он кружившим в небе птицам, сплюнул и побрел дальше.

Постепенно зной стал спадать. Солнце опускалось. А когда, наконец, старший объявил привал, журналист сбросил рюкзак, рухнул на него и мгновенно отключился, как перегревшийся механизм. Сколько прошло времени, он не знал. Но когда его растолкали, были уже сумерки.

– Идти сможешь? – спросил Костян.

– А то пристрелите? – уточнил Гризов, перед которым еще все плыло после сна на жаре. Во рту стоял вкус песка, который хрустел на зубах.

– Да нет, обождем пока, может, еще сгодишься, – ответил Костян.

– А надо? – не сдавался Гризов, – вроде вечереет. Может, поспим еще?

– Надо двигаться, – сжег мосты старшой, – А то на том свете отдохнешь. Американцы рядом. Да и по прохладе идти легче.

С этим Гризов не мог не согласиться. Он нехотя встал, надел на себя потяжелевший вдвое рюкзак и побрел за остальными. А все так хорошо начиналось.

Странное дело, если недопить, то не спится. Много алкоголя в крови валит с ног, а немного действует как допинг. Эту сентенцию Гризов обдумывал лежа на узкой кровати мотеля «Репино» в обнимку с интересной девчонкой. Завали ее Леля. Познакомились они вчера в какой-то кафешке на первой линии Васильевского острова, куда студентов с «журфака» неожиданно занесло отметить окончание очередной сессии. Неожиданно, потому что до этого они отмечали радостное событие целый час в баре по соседству и уже решили, что пора расходится, а то от перепития начнутся студенческие волнения. Остались лишь самые стойкие, среди которых находился и Гризов, радостно выпивавший за прохождение экватора. Однако стоило выйти на улицу и пройти в сторону метро нетвердые сто метров, как обнаружилось еще одно заведение, которое никак нельзя было обделить своим вниманием. Там и продолжили. Там и обнаружилась Леля.

Уже изрядно выпив, Антон вдруг ощутил прилив грусти. Ему вспомнилась армия, подъемы, разводы, кросс по пересеченной местности в противогазе, караулы, ночные кошмары в виде двух ванн с картошкой, которую надо вычистить до рассвета, чтобы успеть заснуть еще на часок. Все это было уже так давно, почти три года прошло, а иногда казалось, что было это только вчера.

По ночам Гризову до сих пор иногда снилось, что вдруг проснется он не у себя в комнатке на Грибоедова, где временно разрешила пожить сестра, а снова на пружинной армейской койке. И ждет его спросонья не медленная чашка кофе перед телевизором, а подъем за тридцать секунд, пока горит спичка усатого сержанта, а потом бег от инфаркта с голым торсом да в кирзовых сапогах.

Когда такое накатывало, казалось, что эти впечатления не выветрятся никогда. Слишком уж яркими они казались, особенно поначалу. Но к счастью Гризов находил в своей новой мирной жизни много такого, что подтверждало древнюю мудрость, – время лечит.

Хотя некоторые его сослуживцы так и не смогли преодолеть жизнь по распорядку. Армия засосала их целиком. За два года службы армия позволила им понять, что распорядок это как раз то, что наполняет их жизнь смыслом. А точнее позволяет не забивать голову заботами о завтрашнем дне. Некоторых она растворила в себе навсегда, сделав прапорщиками. А другие трансформировались уже на гражданке. Например, Малой, сидевший в армии за «Роялем», соседним с постом радиоперехвата Гризова, пропьянствовав, сколько положено, очень скоро разыскал поблизости от места своего проживания воинскую часть и опять пошел служить, только теперь по контракту. А Майкл подался на службу в милицию. Сменил один устав на другой. Распорядок – великая вещь. Многие без него просто не могут выжить.

И только Гризов наслаждался жизнью на воле. Ему до чертиков надоел забор, который два года отделял его от мирной жизни. Возвращаться назад не хотелось ни за какие деньги, а тем более, добровольно. Хотя, глядя на тех, кто не служил и хвастался этим, Гризов поглядывал на них презрительно. Словно это были какие-то импотенты по сравнению со здоровыми мужиками, оттянувшими свое. Все-таки служба в армии позволяла понять, что такое свобода и заставляла ее ценить. Хотя бы за это стоило сказать ей спасибо.

Антон уже давно перестал шараться от офицеров и отдавать им честь, ибо гражданская одежда хранила его как шапка невидимка. Офицеры и армейские патрули его теперь просто не замечали, не обращали внимания. Одно это поначалу забавляло. Потом прошло.

Воспоминания об армии чаще всего приходили только по ночам вместе со смутной тягой к каким-то полетам и превращениям. И приходили он с каждым годом все реже. В первые месяцы на гражданке Гризов даже сходил на прием к «психу», то бишь к психотерапевту, желая выяснить, не повредился ли он в уме за время прохождения армейской службы, не считая плоскостопия и «грибка» приобретенных дополнительно. «Псих» никаких особенных отклонений, кроме излишней впечатлительности не обнаружил. Это обнадеживало. Врач посоветовал больше гулять и не брать в голову всякую ерунду про армию, постепенно само пройдет. А если интересно, то записывать хотя бы месяц подряд все свои сны. Для этого нужно купить тетрадку с ручкой и положить их рядом с кроватью. Просыпаться среди ночи и, пока не забыл сон, записать его крупным почерком. Главное не смотреть в окно, а то все сотрется из памяти. Так мол, сам сможешь проследить за тем, что тебя сейчас мучает, а что уже нет, ибо во снах отражается все, в чем ты себе боишься признаться днем. Время лечит, повторил «Псих» на прощанье народную мудрость. И оно, похоже, лечило.

Антон записывал свои сны полгода. Каждую ночь. И каждую ночь ему снилась армия в каких-то фантастических декорациях. Словно это была не настоящая армия со всеми тяготами службы, а съемки боевика про российскую армию в Голливуде. В центре была армия, в вокруг всякие готические замки, небоскребы, горы, моря, пришельцы из далекого космоса и потустороннего мира. Постепенно армия во снах пошла на спад, как и

предсказывал «псих». И, прежде всего это было связано с новой гражданской жизнью, которая давала новые острые ощущения, медленно, но верно вытеснявшие старые.

...Первым шел Голуаз, Костян замыкающим. Присматривал за немного расклеившимся журналистом. Когда стало прохладнее, мозг начал постепенно оживать. Ночью идти оказалось заметно легче. Перед выходом слегка перекусили сублиматами, на которые желудок Гризова не видевший ничего с момента высадки на берегу Ефрата, откликнулся положительно. Конечно, хотелось мяса и пива, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Журналист подумал, что съел бы сейчас целого слона.

Когда зажглись первые звезды, и на земле наступил кромешный мрак, Гризов решил, что спецназовцы сбрендили, – идти сквозь такую темень по пустыне, в которой еще неизвестно что водится, было безумием. Но они, как ни в чем не бывало, слазили в рюкзаки и достали оттуда компактные приборы ночного видения. У журналиста в рюкзаке отыскался такой же.

Смотреть на мир через прибор ночного видения Гризову показалось даже забавным. Все выглядело как в фильмах ужасов, каким-то мрачно зеленым. Но зато прорисовались очертания песчаных холмов, и стало возможно продолжать движение. Беспокоило Антона только то, что змею в этот прибор все равно не разглядишь. А змей он не любил. Они мелкие и ядовитые. Наступишь, – не обрадуешься. Но, Гризов старался об этом не думать, вяло шагая по ночным пескам. Чтобы как-то себя отвлечь от тяжелых мыслей, связанных с опасностью для жизни, Антон стал думать на отвлеченные темы в планетарном масштабе.

«Интересно, рассуждал он, где мы сейчас вообще-то находимся? Летели вроде бы на юг от Евфрата. Хотя, я отключался в вертолете, могли ведь повернуть куда угодно. Но если все же на юг, то значит углубились в сторону границы с Саудовской Аравией. Хотя какая здесь граница, наверняка ни дорог, ни постов, ни КПП ни таможни, здесь ведь кругом пески. Документов никто не спрашивает. А попадешься американцам, так просто расстреляют...»

И вдруг он отчетливо вспомнил, где видел того американца, вылезавшего утром из палатки. Во время их прошлой встречи, тот тоже вылезал и смотрел на него пристально. Только вылезал он из машины оккупационного командования и смотрел на Гризова, как тот снимает убитых на перекрестке американскими солдатами женщин. Это был один из тех генералов. Только что он делает здесь, в пустыне, за сотни километров от Багдада, машин и нормальных дорог?

«А что я здесь делаю? – подумал Гризов и устало вздохнул».

Одно поступление в институт с ходу без подготовки, спустя два года армии, вызвало колоссальный стресс, как было теперь модно говорить, и наполнило Гризова радостью. Для начала он радовался целый месяц. Потому что в конце этого месяца, выяснилось, что четверки по французскому («вы хорошо говорите, четверки вам хватит для поступления»), полученной на вступительных экзаменах, для поступления не хватило. Именно этого бала. А лето было почти потрачено. *Je ne mange pas six jours*, как говорится. Нужно было что-то решать. А было это еще в те замечательные времена, когда, не поступив на одно отделение, просто перевестись зачетом на другое было невозможно. Нужно было пересдавать все экзамены. И Гризов решил пересдавать на заочное, где приняли во внимание его предыдущие успехи, но сдавать пришлось все по новой. И он сдал, и стал студентом-заочником «журфака».

Как оказалось, это был не самый плохой вариант. Очень скоро обнаружились очевидные полюсы для активного человека: учиться надо было только две недели в году, правда, целых шесть лет. А временной промежуток между сессиями заполнять написанием нескольких курсовиков, да прочтением нескольких толстых и мутных книг типа Маразма Роттердамского, который к концу книги сам забывал, о чем писал в начале.

В общем, получалось все логично, вроде бы и при деле, учишься, то есть. И в то же время масса свободного времени, можно и поработать. Гро'ши, в конце концов, тоже пора

было зарабатывать, хотя бы на тот же студенческий образ жизни. А образ был прост и понятен, — гуляй пока молодой. Чем, собственно, Антон и занимался все свободное от обучения время. Особенно первое время. Но потом, попив и погуляв, освоившись на гражданке, все-таки мирная жизнь брала свое, призадумался хлопец о выборе пути жизненного после поступления в Университет. Пораскинул мозгами и пошел зарабатывать журналистский опыт.

Начать решил с малого, — стать телезвездой. Благодаря природной наглости пристроился на питерском телевидении среди известных товарищей. Умудрился даже годик поработать корреспондентом в передаче «Адамово ребро», сняв на этом поприще несколько сюжетов про интересные личности. Работал не за страх, а за совесть. Ночей не спал. Но когда в его молодые годы от такого напряжения вдруг начало сдавать здоровье, он понял, почему все журналисты и режиссеры телецентра квасили по черному. Тогда он впервые осознал, какой напряженной была у журналистов работа. Про опасность для жизни узнал позже, когда, отчаявшись ждать миллион долларов, ушел через радио в газету «Северная стрела» на более твердые деньги, благо писать сочинения всегда умел.

Сначала работал репортером в отделе новостей, — писал про всякие телекоммуникационные штуки, буйным цветом после перестройки появившиеся на широких российских просторах и, само собой, в Питере. Писать про все это ему было сподручно, как-никак «Радиополитехникум» закончил, только из армии, из войск, где этих штук видимо-невидимо было. Но действительность превзошла все ожидания: прогресс не стоял на месте. Заокеанские некогда недруги, предварительно проплавив откат в министерство Связи, понавели в постперестроечное пространство необъятной России множество всяких телефонных станций, эшелоны пейджеров и даже внедрили новейшую для нас мобильную связь, на корню задушив кое-как развивавшийся собственный рынок телекоммуникаций. И это все, не говоря уже о компьютерных технологиях, которые шагали по стране семимильными шагами. Компьютер быстро перестал быть чем-то огромным, занимавшем всю стену в НИИ «Электротехники», ужавшись до размеров чемоданчика с телевизором.

Об этом корреспондент «Северной стрелы» Антон Гризов и писал. Сначала ему пришлось целый месяц потратить на то, чтобы серией публикаций в стиле «точка-тире» объяснить далеким от связи обывателям значение и назначение прибора со странным названием пейджер. Что тут нажимать и где у него кнопка. Однако, усилия не прошли даром. Пейджинговые компании открывались одна за другой, росли как грибы после дождя, обещая переплести друг друга качеством связи и таинственными дополнительными услугами. Скоро простой народ, благодаря стараниям Гризова, принял пейджер и породнился с ним. А когда это, наконец, произошло, этот вид связи постепенно стал терять популярность. Самые продвинутые пользователи пейджеров уже прикупали себе мобильные телефоны стоимостью в несколько тысяч долларов. А купив, радостно таскали их за собой, в виде небольшого ящичка с ручкой, антенной и супербатарейкой, поскольку просто в карман все это еще не влезало.

Рынок телекоммуникаций быстро рос, развивался прямо на глазах, сменялись целые поколения приборов и появлялись новые технологии. Уделив часть жизни описанию рынка телекоммуникаций, Антон в силу универсальности натуры и врожденной любознательности ко всему запутанному и скрытому от первого взгляда, как-то плавно перетек на сопредельные темы. Это были: электроника на службе у разведки, промышленный шпионаж, чужие среди нас, новейшие средства вооружения и др. Острота темы его привлекала. А поскольку прогресс не стоял на месте, и новейшее оружие уже давно было напичкано радиопримочками, даже простой американский пехотинец был обвешан ими как новогодняя елка, то Гризов как-то параллельно начал писать и обо всем оружии, а также обо всем что летает, плавает и ездит. В общем, о транспорте. Хотя чаще всего этот транспорт имел вседорожное шасси или гусеницы, комбинированную броню и башню со 125-мм пушкой. Ну, или, на худой конец, два турбореактивных двигателя, размах крыльев тринадцать метров и бомбы с оптическим наведением, а в целом до двадцати двух тонн боевой нагрузки в

бомбоотсеке на выдвигающихся пилонах.

С падением международных барьеров, весь этот транспорт пришел в движение и стал часто выставляться на всевозможных авиашоу и танкодромах, не столько, для того чтобы повеселить падкую до развлечений российскую публику, а просто потому, что стал товаром, за который дорого платят. Весь этот транспорт летал, выделявая всевозможные пируэты, плавал и стрелял, чтобы показать высоким гостям из жарких восточных стран воочию, чтобы те смогли оценить в деле всю мощь российской армии, до сей поры спрятанную от посторонних глаз. При этом генералы тактично намекали восточным друзьям, что эти изделия стоят гораздо ниже, чем предлагают за аналогичные вещи американцы. Что за те же деньги здесь в России можно затариться по полной программе, а не на пятьдесят процентов как в США. За один визит вполне реально вооружить новенькими танками и противоракетными комплексными целую дивизию. А если заплатить наличными и чуть мимо кассы, то и две дивизии. О таких пустяках, как вывезти с территории страны эшелон неучтенных танков, гостей просили не беспокоиться, – этот сервис российская сторона брала на себя.

...В последние полчаса Гризову стало казаться, что он слышит какое-то шуршание по сторонам от их небольшой колонны. Несколько раз он даже замечал какие-то низкие тени и слышал отдаленное поскуливание и повизгивание. Пустыня совсем не вымирала ночью, как могло показаться, а наоборот оживала. Отовсюду на путников, забредших в самое сердце песков, тарасились сотни настороженных глаз. И это очень нервировало журналиста, который при каждом новом звуке все крепче сжимал автомат. Ему казалось, что со всех сторон за ним наблюдают хищники. Он читал, что в местных пустынях довольно богатая фауна. Здесь во множестве водятся гепарды, которые охотятся на антилоп. Львы, гиены, волки и шакалы. Ну, и само собой разумеется, всякая мелочь, включая тушканчиков.

Поэтому, когда впереди раздался грозный рык, журналист не удивился, а скорее испугался. Все-таки встречаться ночью со львом, ему не хотелось. Перехватив свой автомат покрепче, Антон осторожно двинулся вперед, где, слившись в один клубок, по земле катались человек и зверь.

Это был Голуаз, который пытался оторвать от себя здоровенного волка, мохнатую шею которого изо всех сил сдавливал двумя руками. Антон хотел выстрелить, но побоялся убить человека. Пока он решал, что делать, из-за спины появился Костян с ножом в руке и, изловчившись, одним точным движением всадил широкое лезвие волку в бок и с оттягом вытащил обратно. Раздался дикий вой, от которого у Гризова мурашки забегали по коже. Голуаз сбросил с себя раненного волка, выхватил свой нож и быстрым движением перерезал ему глотку, прикончив зверя. На землю полилась еще теплая кровь черного, как казалось в прибор ночного видения, цвета. Немного подергавшись, волк затих.

– Здоровая сволочь, – сказал Голуаз, отряхиваясь, и убирая нож в специальный карман, – спасибо, старшой.

– Не порвал он тебя? – уточнил Костян, убирая свой нож.

– Обижаешь, – обиделся Голуаз, – нас хорошо учили. Я бы его сам порвал, если б ты не поторопился с подмогой.

– Ну, извини, – ответил Костян, – в следующий раз дам тебе шанс разобраться самостоятельно.

В этот момент снова послышался близкий вой.

– И этот шанс не так далек, – проговорил подошедший Коля, и, обернувшись ко все еще сжимавшему автомат Гризову, добавил, – погоди палить, журналист. Не шуми раньше времени. Эти волки вряд ли снова сунутся. Хотя, кто их знает. Тут другое интересно.

Голуаз и Костян, отвлеклись от волков, уставившись на Колю.

– Я метрах в пятидесяти наткнулся на какой-то колодец. Кладка из сырцового кирпича, древняя. Но с ним что-то не так.

– Что не так? – уточнил старшой.

– С виду, колодец как колодец, только пересохший. Но метрах в ста отсюда еще один есть. Я туда камушек бросил, а там «дз-и-нь», решетка. Спрашивается, зачем?

– Вентиляция? – спросил Костян.

– Надо проверить. Да и квадрат подходящий, сам знаешь.

Костян задумался, стоя над трупом убитого зверя. Наконец, решил.

– Тебе повезло, журналист. Встаем здесь до утра. Осмотрим местечко. Можешь вздремнуть чуток.

Гризов посмотрел на почти впитавшуюся в песок лужу крови, послушал отдаленный вой волков и переспросил:

– Вздремнуть? Да я до рассвета глаз не сомкну.

– Это ты зря, – хлопнул его по плечу Коля Быстрый, – расслабляться надо в любой обстановке.

Долгое время Антон писал о всяких новинках в области российского и заграничного вооружения, причем был патриотом и хвалил, естественно, свое, родное: самолеты, корабли, танки. А поскольку все это выставляется на различных салонах в разных городах, вынужден был все это посещать лично. Завел связи, познакомился с главными конструкторами многих боевых машин, военными чинами, примелькался. Его стали любить генералы и полковники, причем даже ФСБ и ГРУ, ибо он без дополнительных затрат со стороны «Закрытого Акционерного Общества имени Дзержинского» пропагандировал русское оружие. А у газеты «Северная стрела» после смены ориентации Гризова с чисто связных новостей на военно-шпионскую тему с примесью криминала только прибавилось читателей. В итоге все были довольны: и военные, и начальство, и сам Гризов.

Пока с течением времени Антон не начал понимать, что оружие продается хорошо, только определенная часть денег идет мимо кассы государства. Точнее, неопределенная часть. Но, явно не малая толика. Танки пропадают целыми эшелонами, а корабли выходят из портов на российские маневры, а обнаруживаются спустя месяцы где-нибудь в составе суринамского военно-морского флота. И все шито-крыто. Выиграло тут в нем журналистское чувство гордости. Захотелось вывести на чистую воду парочку нечистых на руку генералов. Да и за державу стало обидно. И как-то само собою сложилось, что начал он по собственной инициативе расследовать дело о пропаже в лесах дальневосточного региона эскадрильи одноместных всепогодных ударных истребителей «Су-35». Размах крыльев почти пятнадцать метров, потолок – восемнадцать тысяч, максимальная скорость, – две тысячи пятьсот пятьдесят километров в час. Отличная машина. Таких пропало целых пять штук.

Был слухок, что незадолго перед тем интересовались этой машиной северные братья корейцы и восточные братья иракцы. И тем и другим машина понравилась. Гризов даже был на одном из первых полузакрытых авиасалонов, из тех, куда допускали только парочку «своих» журналистов, где и наблюдал воочию активный интерес к «Су-35» одного корейского генерала по имени Чен Чжоу. Его иракский коллега, Рушди Хезбаллах, также присутствовал, и даже сквозь солнцезащитные очки на его обожженном восточным солнцем и овеванном ветрами пустыни лице читался неподдельный интерес к замечательной русской машине «Су-35». А уже летчики-испытатели, которым было поручено представить всепогодные истребители иностранным гостям, постарались на славу. «Сушки» крутились в небе над аэродромом как заведенные, поливая огнем вероятного противника в воздухе, эффектно долбили ракетами специально отстроенные цели на земле. А в завершение устроили настоящий воздушный бой с показом всех фигур высшего пилотажа. Судя по лицам, оба иностранных гостя остались довольны, хотя и не смотрели друг на друга.

Сначала Гризов даже подивился недогадливости организаторов этого шоу, – гости могли разъехаться обиженные отсутствием эксклюзивного права первой покупки. Не лучше ли было устроить отдельные шоу для каждого? Но потом, поразмыслив, глядя на восторженные лица иностранных генералов и хитрые лица наших военных, пришел к выводу, что все сделано правильно. Рынок есть рынок, теперь Чен Чжоу и Рушди Хезбаллах

бут стараться опередить друг друга, если решение уже есть, и быстрее купить самолеты, что только на руку нашим военным. Со стороны «Росавиапрома» сделку курировал генерал со звучной фамилией Громов. Антон после шоу попытался было сунуться к нему с вопросами по поводу исхода сделки, но Громов отмахнулся, мол, ничего не ясно пока, да и вообще это секретная информация, быстро сел в свою черную волгу и уехал. Поговорить с Чжоу или Рушди было вообще невозможно, оба были окружены охраной, общались только через переводчика, да и вели себя как приснопамятные члены Политбюро КПСС или нефтяные шейхи, коими и являлись. Гризов все же решил попытать счастья, журналистская наглость его не раз выручала, и направился к северокорейскому генералу. Но Чен Чжоу, едва заведя на его кармане бэйдж с международной надписью PRESS, отвернулся и демонстративно покинул место проведения аэрошоу. Его иракский коллега сделал это несколько медленнее, но Гризов предпринял попытку приблизиться к его телу с тем же результатом.

В итоге, вернувшись из поездки в редакцию, Антон написал рекламную заметку про русские самолеты и вскользь упомянул о проявленном двумя генералами к «Су-35» интересе. Других фактов не было. На том и хотел забыть об этом событии. Но спустя три месяца случайно из достоверных источников к нему просочилась информация о встрече под Питером на одном из военных аэродромов генерала Громова и северокорейского генерала Чен Чжоу. Иракского лидера по имени Рушди Хезбаллах там уже не было. На этой встрече дорогому гостю снова был продемонстрирован «Су-35». Гризов, воспользовавшись своими связями с военными летчиками и пробрался на закрытое шоу. Громову старался на глаза не попадаться. После поездки отписал небольшую заметку о неослабевающем интересе иностранной стороны, в которой угадывалась Северная Корея, к русскому всепогодному истребителю «Су-35».

Не прошло и пары дней с момента публикации заметки в газете, как редактору позвонили из компетентных органов и попросили больше не касаться этой темы, ибо контракт на продажу еще не подписан, а своими действиями журналист Гризов нанес ущерб государству, разгласив секретную информацию. Сажать его пока не будут, ограничиваются для первого раза официальным предупреждением газете. Редактор поразмыслил немного и оставил вопрос Гризову на откуп, больно уж тема интересная.

– В общем, так – сказал Свен Иванович, главный редактор «Северной стрелы», – Следующая публикация должна быть забойной. Про мелочевку на эту тему забудь. Напечатаю только большую разоблачительную статью, от которой у читателей волосы дыбом встанут повсеместно. Так что, копай, милоч, глубже. Как сможешь. Хочешь писать дальше, – пиши. Только проблемы сам решай и за жизнь свою сам беспокойся. Конечно, могут наехать и на газету, но это вряд ли, проще с человеком пообщаться. Хотя структура государственная, так что и официальный наезд не исключается. Ну, а выкрутишься, я в долгу не останусь. Вот им место редактора новостей у меня скоро освободится, Боря Сергеев уходит через несколько месяцев.

Спустя неделю, пока озадаченный журналист размышлял на эту тему, пришла информация, что начальник авиабазы, на которой проходило последнее шоу, где незримо присутствовал Гризов, внезапно был уволен в запас, хотя до пенсии тому было как до луны. Молодой был еще мужик. Гризов находился с ним во вполне приятельских отношениях, потому и пробрался на это злополучное шоу. А теперь получалось, что крепко подставил своего информатора. Решил, что заедет как-нибудь с извинениями, да закрутился с работой, журналиста ноги кормят, как говорится. А спустя еще месяц узнал, что начальник авиабазы умер от сердечного приступа.

Вот тут Гризов озадачился крепко. Мужик тот был молодой и стойкий. Литра два водки выпивал запросто и потом мог еще в прорубь нырнуть пять раз подряд. А тут, бац, одно за другим, – увольнение, инфаркт. Конечно, от такого кто угоднo запьет горькую. Но не такой это был мужик, чтоб сразу умирать.

И все же теперь Гризова начал грызть червячок сомнения: как-то с этим контрактом складывалось все не слава Богу. Однозначно, что-то темнили наши генералы. И решил

Антон теперь уже точно во всем разобраться. Влезть по самые гланды. Если ошибся и все чисто, поднимет престиж родины на недостижимую высоту. Если чего накопает, глядишь, и правда повышение выйдет.

...На утро группа осторожно обследовала два найденных колодца и прилегающую к ним территорию. На площади в пару километров нашли еще семь. Как две капли похожие один на другой. С виду все походило на обычные древние колодцы, вырытые еще первыми арабами, появившимися здесь в седьмом веке. Все они были узкими, глубокими и высохшими, но в каждом, метрах в десяти от поверхности находилась решетка. Арабам такие конструкции источников были без надобности. Спецназовцы долго бросали туда камни, и, в конце концов, решили, что воды в них никогда и не было. Очень уж все это походило на подземный военный объект, а колодцы на замаскированные вентиляционные шахты.

Гризова все это заинтересовало не меньше чем спецназовцев. Настолько, что даже усталость забылась на время. Был ли этот объект покинутым или действующим сразу не понять. Сверху один песок. Может быть, это вообще было что-то более древнее, чем тайны современных властителей. А если военный объект, то чей? Скорее всего, Саддама Хусейна, где он прятал свое тайное оружие. В любом случае это надо было проверить. Но чтобы проверить, сначала следовало отыскать вход. А входа пока не было. Да и место было какое-то странное. Все это чувствовали. На первый взгляд пески кругом не изменились. Все те же барханы до горизонта и палящее солнце. Но энергетика была совсем другой. Даже стервятники здесь не кружили, хотя в небе над древним водоемом им самое место. И зачем здесь нарыли столько колодцев, уходящих в глубину?

Возможно, когда-то здесь проходил караванный путь из Медины в сторону Междуречья, и на этом месте останавливались сотни людей, чтобы отдохнуть и напоить верблюдов. Может и так, но решетки оказались вполне современными. Голуаз спустился на веревке в один из колодцев и обследовал ее, – древним арабам сварка была не под силу. Колодец за решеткой уходил далеко в глубину. Причем, Голуазу даже показалось, что оттуда тянет ветерком. А это наводило на мысли о подземных ходах, соединявших найденные колодцы между собой или с чем-то еще.

– Ладно, – наконец изрек Костян, затапывая окурок в раскаленный песок, – первым идет Голуаз. Двигаться осторожно. Если все чисто, спускается Коля Быстрый, журналист и я. Посмотрим, что это за тайная пещера.

Едва Антон принял решение, как скоро события начали разворачиваться сами собой, словно по сценарию. Спустя две недели пропали самолеты. И Гризов начал работать. Связался с дальневосточными журналистами, сам организовал задание, и сам съездил по заданию редакции на место. Закинул массу удочек, надавил на все педали, но безрезультатно. Эскадрилья «Су-35» как сквозь землю провалилась. Стартовала на рассвете с секретного аэродрома неподалеку от реки Уссури, по плану должны были отрабатывать «встречу» звена стратегических бомбардировщиков противника над японским морем и спустя полчаса после старта звено пропало с экранов локаторов. Мгновенно, словно кануло в бермудский треугольник.

Гризов проторчал на дальнем востоке целый месяц, облазил все прибрежные сопки и военной части, куда пустили. Поговорил со всеми военными чиновниками и официальными лицами, пользуясь своей репутацией, но в результате добился всего лишь скупой информации о том, что ведутся поиски в таком-то квадрате японского моря на предмет обнаружения упавших самолетов. Нет, упасть в море они, безусловно, могли, только Гризову было очень трудно убедить себя в том, что у всех пяти новехоньких истребителей вдруг одновременно отказали моторы. Никаких перестрелок или признаков воздушного боя средствами ПВО отмечено не было или, по крайней мере, не сообщалось.

Самолеты стартовали с полными баками, что по нынешним бедственным временам,

было просто расточительством. А с полными баками они могли легко дотянуть до соседних стран. И до Японии и до Корейского полуострова. Впрочем, в этих странах никто шумихи не поднимал. Возможно, это было сделано специально, но самолет не иголка, тем более пять самолетов. А Япония и Корея страны маленькие, кто-нибудь да заметил бы прибытие пяти иностранных военных самолетов или засек в полете. А уж журналисты раскрутили бы эту тему в два счета, и поднялся бы такой шум на весь мир. Но со всех сторон над делом висела глухая тишина.

Лазая по прибрежным дальневосточным сопкам, общаясь со внезапно потерявшими дар речи генералами, пытаясь проникнуть в суть вещей, Гризов ловил себя на мысли, что ко всему этому набору ощущений примешивалось какое-то странное чувство, словно не так давно он лишился каких-то возможностей, что-то утерять в своей новой гражданской жизни, оставив в прошлом. Забыл накрепко. Прав был «псих», время лечит. Память стирала все ненужное.

Так ничего и не добившись, Антон вернулся в Санкт-Петербург. Слил всю информацию в специальный файл, но все собранное тянуло пока в лучшем случае на антураж, справочную информацию, а самой идеи еще не было. Не сформировалась.

Решив, что еще рано и материал не созрел, Антон переключился на менее важные вещи, благо работы по его профилю было, хоть отбавляй: обстановка в мире начала накаляться.

Так прошло около трех лет. Какие-то борцы за справедливость шарахнули по небоскрегам в Нью-Йорке. Мир вздрогнул от неожиданности: наконец-то нашлись люди способные наказать Америку, родину зарвавшегося быдла с деньгами, которые давили им на мозг. США срочно надо было кого-нибудь убить, чтобы доказать всем, что козлами отпущения должны быть все, кроме американцев, которые никак не хотят платить за свои преступления. Буш нашел такого козла отпущения в Афганистане, подальше от своих границ. Обвинил собственноручно вскормленного лидера террористов Бен Ладена в нарушении прав частной собственности американских граждан, подогнал поближе военный флот, подкупил соседние племена бедуинов, отпустил долги Пакистану, и начал новую войну в пустыне, подняв там целую бурю.

Пока американцы в очередной раз затевали войну ради свободы своей нации и порабощения всех других наций, Гризов по-прежнему старался отыскать след эскадрильи пропавших самолетов «Су-35», дело о которых стало его делом чести. Хотя ха прошедший период случилось много интересного, от пропажи новейшего миноносца, до поезда с бронетранспортерами на границе с Румынией. Однако, новая информация по делу истребителей, как его окрестил Гризов, поступала крайне скудно. Армейская прокуратура открыла уголовное дело по факту очередной преступной халатности в армии. Из-за разрешения взлета самолетов с полными баками, два старших прапорщика было разжаловано в младшие. А впредь было велено выпускать самолеты на боевое дежурство только с половиной запаса горючего в целях экономии государственных средств. Эскадрилья «Су-35» была признана пропавшей без вести, хотя все считали ее потерпевшей крушение, а летчиков погибшими. Дело было закрыто.

Но только не Гризовым. Почти сразу после нападения США на Афганистан Антон засек приезд в Москву с неофициальным визитом Рушди Хезбаллаха, который опять посетил авиашоу, только теперь в «Жуковском». Его не представили гостям, но Гризов узнал иракского генерала, который за это время ничуть не изменился. Разве что стал еще более загорелым.

...Продвигаясь третьим по тоннелю, Гризов настороженно озирался по сторонам в поисках чего-то необычного. Кладка стен была самая настоящая: древние выщербленные камни. Воздух сухой, но не такой как наверху. Дышать можно. Никаких современных проводов и металлических дверей. Только происхождение решеток не давало покоя.

Так они шли довольно долго по каменистой почве. Больше часа. Тоннель начал

петлять, трижды разветвлялся. На каждом из поворотов Голуаз ставил маячки и двигался дальше. А когда они набрели на широкий зал, своды которого терялись в вышине, даже устроили совещание. В одной из стен Голуаз обнаружил высеченные в камне огромные пятиметровые статуи каких-то горных старцев с бородами и кривыми мечами. Вид они имели устрашающий.

– Как ты думаешь, – спросил журналист, приблизившись, у Коли Быстрого, – кто это?

Коля долго смотрел на зал, дальние концы которого терялись во мраке даже в приборе ночного видения. Потом перевел взгляд на изваяния старцев и также долго смотрел на их жесткие лица и оружие.

– Не знаю. Какая-то секта, наверное. А может быть, предводители тайного ордена. Мысль, конечно, есть. Но, не уверен. Их же в этих местах в древности было великое множество.

Стоявший молча позади них Костян, прислушавшись к разговору, сказал:

– Коля посмотри-ка стену за этими старцами. Может, найдем что интересное.

Коля с автоматом наперевес осторожно двинулся вокруг статуй. Обойдя крайнюю статую старца, он исчез из вида. Радиомолчание длилось так долго, что Гризов уже решил, что Колю съели местные духи подземелья.

– Здесь дверь, – раздалось в наушниках у остальных спецназовцев, – причем хорошая дверь. Древняя, но петли смазывали недавно.

Спецназовцы приблизились. Дверь действительно походила на вход в чертоги Али-бабы. Испещренная арабской вязью, сводчатая, окованная пластинами из неизвестного металла, она казалась неприступной. Тем более, что никаких отверстий для ключей рассмотреть не удалось. Похоже, она открывалась изнутри.

Коля любовно погладил высеченные по металлу арабские буквы.

– Жаль будет выносить такую красоту, – и обернулся к Костяну, – да, старшой?

– Ага, – кивнул Костян, – давай взрывчатку. Сдается мне, за этой дверью местные старцы что-то от нас прячут. И думаю, что это не золото. Надо проверить.

Не успел он произнести это, как дверь ожила. Она сдвинулась со своего места и быстро отъехала в сторону. Из открывшегося проема ударил яркий свет, ослепив людей. Все четверо с дикими криками схватились за глаза и попадали на колени. А затем из проема послышалось злобное шипение.

В первую секунду Гризову показалось, что это шипят сотни разъяренных змей, выползая из проклятой двери, но, когда он вдохнул воздух, то все понял мгновенно. Последнее, что он помнил, прощаясь с жизнью, – была пятиметровая фигура каменного старца с кривым мечом в руке, нависшая над ним. И еще одно воспоминание отпечаталось в мозгу, смешавшись со старцем: Рушди Хезбаллах в окружении гвардейцев с короткими автоматами.

Антон тоже был на том авиасалоне. С первой встречи прошло почти три года. «Неужели мы так еще и не продали иракцам наши самолеты, – удивился Гризов, – или речь уже идет о новой партии?». Хотя никаких официальных заявлений не было, за это журналист мог поручиться. Словно корову продавали. Антон по долгу службы слышал однажды о том, как русские продавали авианосец индусам. Там вообще ушло несколько лет на предпродажную подготовку. Ну, тайна есть тайна, тем более, государственная.

В тот день ему удалось вывести из неофициальных источников, что Рушди в иерархии приближенных Хусейна поднялся от простого генерала ВВС восточного крыла армии до статуса министра обороны Ирака. А значит, стал еще более интересным клиентом для нашего военного руководства.

После того, как Рушди Хезбаллах побывал в Москве, по дороге в Ирак, он неожиданно переместился в Санкт-Петербург, а оттуда во Псковскую глубинку, где располагалась дивизия ВДВ. Зачем он туда приезжал, Гризову разузнать не удалось, но зато, следуя за кортежем иракского генерала на почтительном расстоянии из Питера до самых ворот

дивизии ВДВ, с помощью мощной оптики журналист смог сделать пару фотографий Рушди. Это произошло во время его встречи с русскими генералами на территории военной базы, половину из которых он пока не смог идентифицировать.

Вернувшись из поездки домой, Гризов собирался заняться расшифровкой сделанных фотографий. Но тут подоспела сессия. Рушди Хезбаллах улетел в свой Ирак, овеянный смутными подозрениями Гризова, но ничего более определенного у журналиста пока на иракского генерала не было, равно как и на корейского генерала Чен Чжоу. Если не считать, что самолеты пропали поблизости от территории Северной Кореи. А США опять грозились после Афганистана отделать северных корейцев как Бог черепаху. Даже совместно с англичанами сняли нового «Джеймса Бонда», где вывели главными злодеями всех времен северных корейцев. Но эти события и желания пока никак между собой не пересекались, поэтому Гризов решил взять тайм-аут и сдать летнюю сессию.

А после того как сдал, решил по студенческой привычке отметить это событие. Отметил, да так классно, что половина сегодняшних событий уже стерлась из его памяти. «Псих» не соврал: время лечит. Причем с возрастом все быстрее и быстрее.

И вот теперь слегка пьяный Гризов лежал на широкой кровати мотеля в Репино. Лежал в обнимку с девчонкой по имени Леля, и уже полчаса добросовестно изучал местный потолок. А сон все не приходил.

Глава вторая. «Можно курить бамбук»

Гризов повернул голову и посмотрел на спящую Лелю. Красивая пьяная брюнетка, что еще надо чтобы хорошо провести время студенту. Ничего не надо. Антон вдруг вспомнил, что ничего о ней не знает. Все произошло так стремительно.

Развязный по случаю гуляния Гризов сходу пристал к девушке в баре, мол, ваш носик хорош в любую погоду. Потянуло на подвиги. Девушка сидела одна за столиком у окна и, как ни странно, сразу откликнулась на пьяные ухаживания. Гризов заказал по коктейлю «Ерш Лайт», как он его называл, то есть водка с безалкогольным пивом. Хлопнули по рюмашке, разговорились. Причем, Леля, как она назвалась, не выказывала никакого желания пить вино, или джин-тоник, который требуют, как полагал Гризов, девушки хорошего поведения. Она легко воспринимала водочную основу напитков. Да так, что веселый студент еле успевал за новой знакомой.

Только сейчас, прокручивая в голове события бурного вечера, Антону припомнилась легкая грусть в глазах модно стриженной брюнетки. Может, случилось, что или поругалась с кем, но это Гризову было не важно. Главное, что он получил отклик. А в том, что ответ на запрос будет положительным, можно было почти не сомневаться. Для молодого и здорового организма все остальное не имело кардинального значения. Во всяком случае, не в первый день знакомства. Поэтому Гризов постарался, как мог ускорить все фазы знакомства, ибо слишком хорошо себя знал, – если не решиться на это в ближайшие полчаса, то потом ему придется увидеть в просто красивой девчонке целого человека, со своими проблемами, и хочешь не хочешь, начать вникать в них, а после этого со здоровым сексом могут возникнуть большие проблемы.

Леля тоже была студенткой, правда, где училась, не сказала. Но Гризов сильно и не допытывался. Пообщавшись, минут пятнадцать в алкогольных парах, оба вдруг почувствовали страстное желание уединиться. Совпало. Но кругом шумела и буянила молодая публика. Студенческие волнения начались. Еще через пятнадцать минут они грозили перерасти в спортивный мордобой. Уединиться здесь было негде. Поэтому когда Антон предложил бросить всех и уехать вдвоем прямо сейчас куда-нибудь за город на финский залив, Леля сразу согласилась. Уговаривать не пришлось.

У Гризова было в карманах немного денег, как-никак уже зарплату получал в родной редакции, и он, не долго думая, тормознул первую попавшуюся «волгу». Уболтал водителя сгонять в сторону Зеленогорска, сговорился о деньгах. Они вдвоем занырнули на широкое

заднее сиденье «волги», где Антон сразу приобнял девушку за плечи, а она не отстранилась. Даже наоборот прильнула всем телом. Почуввав такое безграничное доверие, Гризов даже немного обалдел, но с поцелуями не лез. Держал фасон. Внутренне он даже гордился своим умением вызывать доверие у многих девчонок и выдерживать паузу. Так как-то само получалось. Чувствовал, когда и что надо делать. Не маньяк, но и не рохля. Короче, был бабником в полном расцвете сил.

Пока «Волга» мягко проседая на ухабах Приморского шоссе уносила их из душного города, Антон пытался представить где бы сделать остановку на целую ночь. В Зеленогорске жили друзья. Они, конечно, многое поймут, но нельзя же, в самом деле, заявиться с бухты-барахты на ночь глядя с незнакомой девчонкой. Если предупредить заранее, то с незнакомой можно, а вот так без предупреждения, не стоит. Дурной тон. «Хотя, с кем они меня только не видели, подумал Гризов, но вдруг у них там, какие дела?». Поэтому к друзьям Гризов решил не ехать. Перекантуемся где-нибудь, лето на дворе.

Проехали виадук через Лисий нос. Голова не варила, хмель бушевал вовсю. Теплое тело слева настраивало исключительно на эротический лад, и оттого настроение у журналиста в загуле было просто замечательное. «А, ладно, по дороге вспомню что-нибудь, еще ехать минут двадцать, решил Гризов, отдавшись романтическому путешествию».

Один раз Антон повернул голову и, наклонившись, понюхал лелины волосы, они пахли каким-то тонким, едва уловимым запахом духов, названия которых Гризов не знал, но ему очень понравилось.

Водила, переключая передачи, то и дело разглядывал парочку в зеркало заднего вида. Видимо, никак не мог понять, почему они до сих пор не целуются в засос, ведь все признаки предстоящего были на лицо. Честно говоря, Антон и сам не мог понять почему. Наверное, не привык выставлять на показ свою личную жизнь, хотя по пьянке мог разгуляться так, что море было по колено. Однажды, еще до армии, когда спиртное было в новинку, Гризов так накушался, что провалился в хмельное небытие, а под вечер обнаружил себя сидящим на вершине четырехметровой березы, крепко ухватившись за ее ствол. Береза раскачивалась из стороны в сторону, а внизу стояли менее пьяные друзья и в сотый раз предлагали ему слезть. Когда градус алкоголя в крови немного опустился от прохладного ветра, Антон протрезвел и все-таки слез. Позволил друзьям увести себя спать. А наутро долго стоял под той березой, почесывая затылок и разглядывая ее высоченный ствол с хлипкими сучками. Он никак не мог вспомнить, что его туда занесло, и как он там удержался. Верхушка у многострадального дерева была совсем тонкой, а Гризов к тому времени нагулял добрых семьдесят пять килограмм чистого веса.

Чуть позже по случаю подготовки к встрече Нового года, все в том же юном возрасте лет шестнадцати, Гризов возвращался домой такой пьяный, что, едва выйдя из метро, сходу наехал на толпу из двадцати гопников, которые стояли у него на дороге, мешая пройти напрямик к трамваю. В результате получил легкое мозготрясение и россыпь синяков по всему телу. Все это он обнаружил только утром, разглядывая себя в зеркало и не узнавая. Странно, но он почти ничего не помнил, кроме одной сцены, как он лежал на снегу, а гопники пинали его ногами.

К чувству легкого головокружения и тошноты непонятной природы, примешивались смутные воспоминания о том, как поднявшись и отряхнувшись, Гризов побрел дальше. Но не домой, а свернул в какой-то двор, как зомби вошел в какое-то парадное и докопался ко второй компании гопников, не обращая внимания на рассеченную бровь, из которой еще ручьем текла кровь. На всякий случай его спустили с лестницы. Только после этого он немного успокоился и взял курс домой, хотя русское подсознание все еще тянуло на подвиги, ибо сознание тогда было полностью отключено.

После пары таких случаев, Антон понял, что если часто перебирать с алкоголем, можно влипнуть в какую-нибудь серьезную историю или вообще расстаться с жизнью по пьянке, а этого ему совсем не хотелось. Рановато. К тому времени в голове сами собой уже начали складываться смутные планы на жизнь.

Смерть от передозировки, звучит страшно. А смерть по пьянке, очень глупо, да к тому же как-то очень по-русски. А Гризов в глубине души считал себя уже на половину немцем. Потому, что много читал всяких психологических книжек и решил поработать над своим характером, избавиться от его плохих черт, чтобы быстрее продвинуться по жизни. Книжки сулили взлет карьеры и миллионы долларов чистой прибыли, которые нужно будет грести не иначе как лопатой, после того как перестроенный характер выйдет на полную мощность.

Одной из таких национальных черт, присущих всем русским, а значит и ему тоже, он считал необязательность. Поэтому стал старательно вырабатывать у себя привычку все делать во время, мало обещать, а уже если обещать, то во что бы то ни стало, выполнять обещанное в срок. Первые плоды появились довольно скоро: он перестал опаздывать, стал больше успевать, научился планировать свои действия и завел ежедневник. Неожиданно для себя, он даже выучил французский язык. Девчонки стали у него списывать. Оказалось, – ничего сложного. Только садись и учи. И пойдет прогресс.

Однако, апофеозом такой работы над собой стало страшное открытие: он вдруг немного отделился от остальных. Как оказалось, опаздывать, ничего не делать и совсем не беспокоиться по этому поводу, было занятием большинства людей вокруг него. А они, в отличие от Гризова, совсем не хотели меняться и работать над собой, ведь это означало дополнительную нагрузку. В лучшем случае им хотелось просто тусоваться и делать вид, что заняты серьезным делом. Например, катанием на скейте. Гризов тоже ходил кататься с ребятами на скейте, но не считал, что в этом скрыт смысл всей жизни.

С тех пор он вообще стал зарабатывать репутацию немного странного и задумчивого парня, который думает всякую ерунду и только усложняет себе жизнь в то время, как нормальные люди катаются на скейте и не тратят время на подобные глупости. Как сказал однажды Антону один из тусовщиков, вместе с которым Гризов проводил время, катаясь на скейте, чтобы быть ближе к людям, – «Я дурак, мне все можно». И подобная философия пользовалась большой популярностью в массах.

Мир вокруг начал стремительно меняться в его представлении, Гризов неожиданно разглядел много убогих черт, которых раньше не видел, и которые теперь замутили его первоначальные романтические помыслы.

В двенадцать лет Гризов играл в хоккей вратарем в детском составе команды «СКА» и хотел быть Третьяком, в тринадцать бросил спорт и захотел быть одновременно Робин Гудом и рыцарем Айвенго. В четырнадцать, прочитав всего Дюма, он решил быть Д'Артаньяном, чтобы освобождать прекрасных Констанций и делать блестящую карьеру военного. В пятнадцать уже был «Радиополитехникум» и спирт «Рояль», захотелось быть не просто военным, а разведчиком и тайным агентом. Пятнадцать-шестнадцать-семнадцать пролетели незаметно. Организм вступил в пору взросления, начал требовать своего, романтического. А душа чего-то загадочного, настоящего, фантастически крутого.

Тут, как раз, родился питерский рок-клуб, и понеслось. Задумчиво-хипповский «Аквариум», музыка для интеллигенции, в которой растворяешься и плывешь. Пить только вино и чай, курить и говорить обо всем под акустику. Прекрасная ты, загадочный я, электрический пес, два-двенадцать-восемьдесят пять, ноль, шесть, – это мой номер, номер, номер. В таком состоянии можно находиться много месяцев напролет, жаль, что иногда надо учиться и работать. Цой, «Кино», алюминиевые огурцы, романтика ночных питерских улиц. Задумчивая грусть и мокрая слякоть, шляпа, шерстяные носки, а когда-то ты был битник, угу-угу-угу. Кинчев, красное на черном, шестой лесничий, мой поезд едет не туда. Романтическая агрессия, разнесенное в пух метро после концертов.

Гризов Кинчева одобрял, но метро не ломал. Не видел в этом смысла. Хотя на концертах всегда происходил мощнейший выброс энергии, каждый воспринимал ее по-своему. Кто-то «круши-ломай», бей «их», они «не наши». А Гризов впитывал эти выбросы энергии в себя. Энергия бродила в нем какое-то время, заставляя ощущать мир острее, а потом находила выход в каких-то творческих вещах, но уже Гризовских. В то время он начал писать рассказы. Передача энергии на расстоянии, как ни крути.

Однако больше всего Гризову нравился «Пикник» своей многоуровневой сложностью. И Цой, и Кинчев, и Гребенщиков, при всем таланте, иногда бывали простыми. Но Шклярский никогда не бывал. Видимо не мог. Своей гитарой или клавишными пассажами Эдик цеплял сразу за сотни чувств. Его музыка была разной. Она то пробивала Гризова, как ветвистая молния, то обволакивала паутиной японских мыслей. От нее было не уйти. Услышав несколько раз «Пикник», Гризов понял, что выбор сделан, это навсегда. Это и есть его любимая группа.

На первом курсе «Радиополитехникума» Антон стал хипаном. Думал, что от души. Честно отрастил волосы, ходил в длинном свитере, катался «на собаках» и по трассе, ночевал в пути, где придется. Жил без денег, вписывался на флэтах, найтовал вместе с другими хипанами. Курил бамбук. Классное было время. Даже сшил себе фирменную холщовую торбу и джинсовый ксивник, как полагается. Обвешавшись всякими феньками, ходил на «Аквариум». Оттягивался по полной программе. Только наркотиков не ел.

Наркотики всех видов существуют для полных дебилов. Расширять границы реальности нужно тем, у кого вообще нет фантазии, то есть ограниченным отморожкам. А таких, к сожалению, было вокруг неограниченное количество. Хиппи одобряли наркотики, в смысле свободы выбора, Гризов не одобрял. Наркотик в любом смысле, – это смерть. И никак иначе.

За два года катания по трассе, Гризов осознал, что больше любит ездить с билетом на поезде и мыться в ванной, чем не мыться вообще и не обращать внимания на свой внешний вид, кроме фенек. Это был раскол в сознании. Первый шаг в сторону цивилизованных. Точнее полшага. Об этом ему сказал Профессор.

Это был не тот профессор, который учит, а друг, одноклассник по «Радиополитехникуму». Звали его Роман Кочетков, но по жизни к нему прилипла кличка «Профессор», потому, что это был очень умный парень, шарил в математике, писал стихи, хипповал. Был очень добрым, верил в Бога, не знал, что такое деньги и всем помогал. Гризов захипповал, можно сказать, с ним за компанию. А Профессор был настоящим хиппи. По той же причине жизнь в системе государства российского у него никак не складывалась. Он был очень одаренным, но динамил учебу, писал стихи, но часто прогуливал «Литературу». То есть жил в параллельной системе, в своей. Периодически пропадал на пару месяцев, как потом выяснялось, жил все это время в разных монастырях с монахами, помогая им разгружать уголь, хотя с виду был тщедушный, из серии «плевком перешибешь». В результате его отчислили после второго курса.

Чуть позже, лет через пять, от общих друзей Гризов узнал, что Профессор захипповался до того, что ушел в монастырь. Потом все отучились, переженились, разъехались. Больше Антон ничего о своем друге не слышал.

Но, разобравшись со своим хиппизмом, Гризов стал цивилизованным не надолго. Времена были не те, чтобы долго и формально оставаться цивилизованным. Времена были неформальные. Веселые времена. Все время тянуло на подвиги.

Спустя полгода Гризов стал анархистом. Из чувства антиколлективизма. Хиппанов было много, рокеров, битников, рокобиллов, металлистов, гопников, тоже. Анархистов было мало. Во всем городе не больше сотни. В «Радиополитехникуме» вообще никого. Гризов стал первым.

Всею виной был матросский бушлат и шерстяные матросские штаны, принесенные отцом неведь откуда. Штаны были на огромных пуговицах, которые застегивались с боку. Это страшно веселило Гризова, но было неудобно. К тому же весили они, – будь здоров. Как матросы несли службу в таких штанах, ему было совсем непонятно. Все что в них можно было делать, это, расстегнув пуговицы по бокам, писать в чистом поле против ветра. Но Антон терпел, оригинальность стоит дорого. Искусство, как известно, требует жертв.

За пару месяцев он полностью справил себе гардеробчик и раздобыл амуницию, без которой просто не мог считаться настоящим анархистом. Прежде всего, бушлат был дополнен тельняшкой, а сверху кожаным ремнем с матросской бляхой и настоящей

пулеметной лентой наискосок. Антон искренне верил, что это лента от одного из «Максимов» батки Махно. Кирзовые сапоги. Фуражка бескозырка. За ремнем заткнута еще одна гордость, – граната, спортивная метательная, но издалека как настоящая. И конечно маузер. Без него никуда. С боку сабля, детская игрушечная, но издалека тоже ничего. В руках бабушкин потертый саквояж типа чемоданчик. И в таком виде, – каждый день на занятия.

Урок математики начинался с того, что Гризов вынимал из-за пояса и раскладывал перед собой на столе все, что мешало ему сидеть: пулеметную ленту, маузер и гранату. Тетрадка места уже не оставалось. Сабля почти не мешала, но с лязгом бил по железным ножкам стула, когда он вставал отвечать урок.

К счастью учителя были с юмором. Они, конечно, боролись с проявлениями неформальности как могли, но по-доброму. Большинство считало, если ты не дурак и предмет учишь, то тебя не стоит отчислять только за внешний вид, даже в советские времена. Главное чтоб голова варила, и до диплома дотянул. А таких как Гризов, разодетых в соответствии со своими взглядами: красно-черных алисоманов и алисоманок, длинноволосых хиппанов, рокобиллов и битников в коже, с пейсами и саквояжами, было, – хоть отбавляй. Живописное было зрелище.

Так прошел еще год. Гризов немного повзрослел, перестал прикалываться от анархизма, стал прикалываться от литературы и альпинизма. Вскоре он опять отрастил волосы средней длины и сменил бушлат на пиджак. Цепь замкнулась. Цивил – Хиппи – Анархист – Цивил. И вскоре его потянуло к интеллигенции.

А вся интеллигенция в ту пору обреталась преимущественно в туризме, особенно в горном. Поэтому последние пару лет перед армией Гризов провел в горных походах и размышлениях о судьбе и о смысле жизни. А когда долго размышляешь о чем-то, то, в конце концов, приобретаешь привычку думать. А это очень опасная привычка. Неизлечимая. И самое страшное заключалось в том, что Гризов вдруг осознал, что он не дурак. А это означало, что он обречен на вечные сомнения, размышления и самокопания. Не видать ему простой и понятной как трава жизни. Ни хиппаном, ни гопником, ни даже простым цивилом. Мозг не оставит его в покое.

Сначала Гризов испугался и, опять было, принялся пить по черному, чтобы затормозить свое развитие. Но ничего хорошего не вышло, кроме стандартного мордобоя. Апопав в армию, кроме своих заморочек, с первобытным ужасом узрел лицом к лицу неприкрытую армейскую жизнь в ее честных неуставных отношениях. Умнее тот, у кого звездочек больше. И ничего с эти не поделать, такова система.

Но, в итоге, отслужил как надо на точке и вернулся. Посомневался после возвращения из армии немного, но окончательно вывел формулу: раз нельзя тормозить, надо развиваться дальше. Обратной дороги нет. Только вперед. Учится. И пошел поступать в Университет. И поступил. А теперь вот уже прошел экватор.

«Волга» проехала Сестрорецк, очередной курортный городок на пути, и Гризов вспомнил один мотельчик в Репино, немного не доезжая Зеленогорска, небольшой и очень уютный, притулившийся рядом с трассой и почти на берегу Финского залива. Хотя здесь, как ни крути, все было на берегу залива. Даже если ехать на электричке, двадцать минут от станции пешком и ты уже на берегу залива.

Старательно выговаривая заплетающимся языком слова, ибо хмель еще не улетучился, Антон проговорил водителю:

– Дуй в Репино. Там тормозни на въезде, мы сойдем.

Репино было уже рядом. Через десять минут, зашуршав шинами по обочине, «Волга» остановилась у мотеля «Озерный край». Антон сунул водителю достаточно денег. Принимая гонорар, водила разочарованно кивал, так и не дождавшись поцелуя пассажиров в засос. Любопытный, зараза.

Гризов тяжело, но с радостью выбрался из машины и помог вылезти Леле, которой

было уже хорошо. Вдохнув полной грудью свежего воздуха, они сделали двадцать нетвердых шагов до мотеля, аккуратное двухэтажное здание которого утопало под кронами сосен. Мотель был построен в финском стиле: вытянутое приземистое здание, кирпич, дерево, белые окна. Все просто и понятно. Они сняли на одну ночь угловую комнату на первом этаже, за которую Гризов отдал почти все оставшиеся деньги, и рухнули в кровать. Окна выходили на залив, где понемногу смеркалось.

Для продолжения банкета по случаю знакомства Леля предложила немного выпить, но только с закуской. Антон прихватил с собой из кафе на Васильевском острове пару бутылок пива, а Леля початую бутылку водки. Студенческая норма. Все это они выставили на століке рядом с широкой кроватью. В сомнамбулическом состоянии, вняв просьбе красивой брюнетки, Гризов поднялся и сбегал магазин, который обнаружился неподалеку. Раздобыл там пяток яблок и бутылку лимонада на утро. Вернувшись, с радостным удивлением обнаружил, что Леля проявила редкую хозяйственность и уже накрыла импровизированный стол: бутылки расставлены, откуда-то появились небольшие аккуратные стаканы, даже шоколадка, развернута и призывно сверкает оберткой. Гризов добавил к столу свои яблоки с лимонадом.

Решив поухаживать за дамой, Гризов накапал ей сто грамм водки, а сам взял бутылку пива «Балтика№6». На предложение выпить крепких напитков вежливо отказался.

– Ну, – сказала Леля, поднимая стаканчик с водкой, – тогда давай выпьем.

– Давай, – подтвердил Гризов.

Они сидели на кровати перед походным столом. Леля выпила первую «рюмку» и принялась за вторую, самостоятельно налив себе еще. Гризов глазом не успел моргнуть, как она проделала эту операцию без посторонней помощи еще дважды, смачно закусив яблоком, а потом шоколадкой. Антон даже не успел проявить себя джентльменом. Это было уже не уместно. В голове крутилось избитое «Между первой и второй...». Хотя, никаких комплексов Леля при этом, похоже, не испытывала. Зато Гризов несколько озадачился. Либо у девушки было большое личное горе, либо она была здорова пить.

Затем, покончив с большей частью содержимого бутылки, Леля вдруг отодвинув тумбочку с напитками в сторону, набросилась на Гризова и стала срывать с него рубашку. Антон, конечно, ради этого сюда и приехал, но предполагал, что прелюдия будет чуть дольше и романтичней. А тут начался сразу экшн.

– Эй, осторожней – слабо попытался притормозить процесс Антон, – пуговицы оторвешь, это моя новая рубашка.

– К черту рубашку, – выдохнула Леля, – новую купишь.

После этого Гризов сдался. Послал все к черту и позволил древним инстинктам вырваться на волю. Тогда он перехватил инициативу, повалил Лелю на кровать и сорвал с нее все ненужные вещи. А затем мгновенно погрузился в пучину бешеных страстей.

После третьего раза Леля решила закурить. Она нашарила сумочку среди разбросанных по кровати и полу вещей, достала сигареты и лежа на кровати зажгла сигарету. Затем откинулась на спину и, выпустив струю дыма, прошептала:

– Хорошо.

В комнате царил полумрак. Сквозь единственное окно, закрытое занавесками, пробивались последние отблески летнего заката. Гризов мельком взглянул на девушку из-под прикрытых век, и снова закрыл их. Ему тоже было несказанно хорошо, но он балдел молча, словно боясь расплескать это состояние через лишние звуки. Но неожиданно для себя вдруг сказал:

– Курят только сексуально неудовлетворенные женщины.

– Я похожа на такую? – переспросила Леля, не поворачиваясь к нему, и погладила себя по животу.

– Не очень, – задумчиво пробормотал Антон.

– Может быть, ты еще и не куришь? – поинтересовалась Леля.

Теперь она подползла поближе и стала гладить его по груди своими пальчиками. Антон

как раз подумывал бросить.

– Почти бросил. Кайфа уже не приносит, один вред. А вообще не люблю, когда от девчонки пахнет пепельницей.

Леля резко отодвинулась.

– Хам и невоспитанный тип.

Антон повернулся, подпер щеку рукой и поинтересовался, кивнув в сторону почти добитой бутылки водки:

– Слушай, прости, конечно, но у тебя, что какие-то проблемы? Надо расслабиться?

Леля немного обиделась и завелась.

– А ты мне что, отец родной?

– Да нет, – растерялся Гризов, – не отец. Так, помогаю расслабиться.

– Ну, вот и помогай.

Гризов понял намек, крепко обнял отстранившуюся было девушку, и не отпустил. После четвертого раза Леля крепко заснула. Антон наоборот, только проснулся. А еще позже, после получасового разглядывания потолка решил, что заснуть, похоже, точно не удастся, пока весь хмель не выйдет. И решил прогуляться, подышать свежим воздухом.

Он осторожно вынул свою руку из-под головы спящей брюнетки, та пробормотала что-то нечленораздельное во сне, но, судя по обвинительному тону, это было похоже на «верните руку на место». Антон выбрался из-под одеяла, осторожно, чтобы не греметь посудой, оделся. На цыпочках, словно розовая пантера, вышел из номера, прокрался мимо пустой стойки консьержки и оказался среди сосен.

Летняя ночь висела над Финским заливом. Сессия закончилась. Наперекор всем прогнозам неотвратимо надвигалось тепло. Хотя, в Питере тепло понятие непонятное, фантастическое и неуместное. Как кабриолеты и машины с тонированными стеклами в нашем дождливом климате, где солнце появляется пять раз в году. Может быть шесть.

После бурного вечера наступившая тишина была непривычной и давила своей массой. Хотя, прислушавшись к ночным шорохам, уставший за последние сутки от учебы, пьянок и секса журналист, немного расслабился. Ночные звуки приятны. Они неторопливы и навевают романтические мысли. Взглянув в сторону залива, до которого было не более трехсот метров, он разглядел тонкую полоску света. Начало июля. Белые ночи еще в самом разгаре. И он решил прогуляться по берегу ночного залива в одиночестве.

Глава третья. «Ночные бомбардировщики»

Углубившись в прибрежный лесок, состоявший из крупных сосен, Гризов повернулся спиной к шоссе, нащупал в темноте тропинку и нетвердой походкой направился к воде. Очень скоро он услышал шум волн, набегавших на прибрежный песок. Просветы между деревьями увеличились, и Гризов ступил на песчаную полосу побережья. Это был пляж, утыканный грибками и кабинками для переодевания. Преодолев первую полосу заграждений, Антон выбрался на открытое пространство и подошел к самой воде. Здесь песок соприкасался с доисторическими валунами, за которым начиналась полоса тины и водорослей, протянувшаяся вдоль всей линии прибоя.

Гризову захотелось снять ботинки, потрогать песок голыми ногами и закурить. Он так и сделал. Снял ботинки, постоял на еще хранившем дневное тепло песке, а затем примостился на плоском прибрежном валуне и с наслаждением закурил.

Справа от него маячила темной глыбой гостиница «Репинская». Слева вдалеке виднелся оставшийся позади, спящий Сестрорецк, слегка намеченный огнями. На другом берегу поблескивал Ломоносов. Как, в сущности, все это было рядом. Гризов мысленно поблагодарил товарища Сталина хотя бы за то, что тот отвоевал у финнов столь красивые территории, где Гризов мог теперь сидеть и курить, наслаждаясь покоем.

Волны накатывали одна за другой, то и дело обдавая трезвеющего журналиста холодными брызгами. Антон с удивлением различил голоса за своей спиной и, обернувшись,

заметил, что он тут не один. Пляж был просто усыпан гуляющими парочками и даже целыми компаниями, большинство из которых сидело на песке и курило, глядя на светлое ночное небо, заполнившее надводный мир. Он даже попытался сосчитать их по тлеющим в ночи огонькам сигарет, но вдруг его ухо уловило посторонний для этой идиллии звук. Нет, залив шумел по-прежнему, сосны качались и поскрипывали. Но ко всему этому примешивался пока едва уловимый звук, – это был шум турбин самолета.

Звук усилился. Гризов оторвал свой взгляд от мерцающего горизонта и направил вверх. Буквально через несколько секунд он увидел звено самолетов. Нет, это были не какие-нибудь «АН-26», оборудованные для сбора информации о погоде или разгона облаков перед важными мероприятиями. Ведь, в сущности, только их, да еще редкие пассажирские лайнеры и возможно увидеть в небе курортного района. Но стреловидный силуэт не оставлял сомнений. Это были военные самолеты, скорее всего, штурмовики.

Самолеты летели клином, один чуть впереди. Он вдруг быстро пронесся над головами отдыхающих, оторвавшись от остальных. Гризов продолжал следить за ним с интересом профессионала и пытался определить его тип и марку. Ему, как журналисту, хоть и пьяному, даже стало интересно, что это за учения проводят среди ночи в нашем северо-западном военном округе, да еще отправляют военные самолеты туда, где им в принципе летать запрещено. Ответа долго ждать не пришлось. Самолет неожиданно сделал крутой разворот над финским заливом, на секунду на фоне светлого неба мелькнул его хищный профиль, и направился обратно в сторону прибрежной полосы. Этой секунды наметанному глазу Гризова было достаточно. Это был он, одноместный всепогодный.

Самолет вдруг резко пошел на снижение и держался теперь не выше пятисот метров. Остальные четыре остроклювые птицы, тоже делали разворот над водной гладью финского залива, но гораздо медленнее. Словно давали возможность неожиданно появившимся зрителям вдоволь полюбоваться их хищной статью. Гризов вдруг ощутил себя на каком-то дурацком, фантазмагорическом реалити-шоу, и спинным мозгом почувал, что эти самолеты ищут его. Именно его.

Не успел он еще как следует обдумать эту странную мысль, как первый самолет выпустил одну за другой две ракеты по побережью. Едва отдыхающие увидели, что по ним открыли огонь, на пляже поднялся страшный визг. Люди бросились врассыпную. Журналист не двинулся с места, лишь крепко затянувшись сигаретой. Со странным спокойствием он наблюдал, как ракеты проходят низко над его головой и уносятся дальше. Он почему-то был уверен, что быют не по песчаной полосе. Нет. Рядом. Чуть дальше.

И когда всего в нескольких сотнях метров за его спиной раздалось, один за другим, два мощных взрыва, Гризов абсолютно точно знал, куда именно попали ракеты. С треском обрушилось несколько сосен, сломанных взрывной волной. Гризов очнулся от оцепенения, сполз с камня и спрятался за грудой валунов, потому что чувствовал, что это еще не все.

Первый «Су-35» пронесся над ним и исчез в темноте восточной стороны неба. Остальные четверо клином тоже прошли над ним, но не просто так. Журналист услышал, как в небе возник характерный вой, который могли издавать только пикирующие авиабомбы. «На всякий случай», – отрешенно подумал Гризов.

Вой резко усилился, устремился к земле, а когда достиг ее, то все вдруг стихло. На миг возникла звенящая тишина, которая вдруг разорвалась с оглушительным грохотом. В небо взметнулись фонтаны огня, поднимая на воздух груды кирпича, бетона, переломанных стволов, искореженные автомашины и просто глыбы земли. Словно из-под земли на волю пробил себе дорогу поток лавы, разбудив долго спавший вулкан. Темное на востоке небо стало еще чернее. Туча пыли заволокла окрестности, а взметнувшиеся в небо обломки посыпались с небес на землю, засоряя сотни метров окрест. Ударная волна прокатилась по пляжу. Всех кто прятался в прибрежном лесу, наверняка убило. Волной снесло все грибки и кабинки для переодевания, а просыпавшийся на песок мусор, мгновенно превратил отличный пляж в городскую свалку.

Журналист лежал меж валунов, вжавшись в камень. У Гризова звенело в ушах, его

засыпало землей, но к счастью ничего более тяжелого на него не упало. Он был жив. Самолеты ушли в темноту неба, оставив полностью развороченный кусок побережья. И, Гризов даже боялся подумать, что он увидит на месте мотеля «Озерный край».

Антон пролежал еще какое-то время, собираясь с духом. Его привел в себя чей-то громкий плач. Гризов поднял голову и увидел, что метрах в тридцати от него плачет девушка. Рядом с ней в двух шагах от валуна, за которым они, видимо, прятались, лежал парень, нелепо выгнув руки и ноги, и неестественно вывернув шею. С первого взгляда Гризов понял, что парень пытался бежать, но взрывной волной его отбросило назад и размозжило голову о камни, переломав заодно и все кости.

Издалека послышался вой сирен. «Пора, решил, наконец, Антон, сколько можно прятаться от жизни». Он встал и как зомби побрел в сторону мотеля «Озерный край», обходя поваленные грибки, рассыпавшиеся в прах кабинки и обломки стволов еще недавно крепких сосен. В воздухе висела земляная взвесь, было трудно дышать. Перед тем как войти в зону поваленного леса, Гризов остановился и в последний раз оглянулся на широкую гладь Финского залива. Зыбкая летняя ночь закончилась, рассвет набирал силу. Постояв несколько секунд, словно впитав в себя на прощанье этот мирный пейзаж, журналист снова зашагал в сторону Приморского шоссе.

Впереди что-то горело, похожее на адский огонь. Сосны валялись вокруг в таком чудовищном беспорядке, словно здесь только что упал Тунгусский метеорит. Перебираясь через поваленные стволы, метров через сто, Гризов добрался до края воронки и остановился, не веря своим глазам: мотеля «Озерный край» больше не существовало в природе.

Воронка была огромна, метров пятьдесят в диаметре. От приземистого двухэтажного здания с уютными белыми окнами не осталось и следа, также как и от его постояльцев. Гризов тупо вглядывался в развороченную землю, куски битого кирпича и горящие за дальним краем воронки, перевернутые вверх дном, искореженные автомобили. Он не мог поверить, что все вот так быстро и нелепо произошло. Зачем? Почему именно сейчас? Да и кто вообще все это натворил?

Все, кто мирно спал в этом мотеле, мертвы. Также, как и пьяная девочка Леля. Она погибла во сне вместе со всеми. Погибла, потому что это он ее сюда притащил. Погибла, как и те, кто провожал белые ночи на берегу залива. Гризов не мог отделаться от мысли, что один виноват во всех этих смертях.

Словно отголосок прошлой жизни, той, что была до армии, ему вдруг вспомнилась Катя. Воспоминание было смутным, словно образ Кати находился за толстым звуконепроницаемым стеклом. Нет, она не умерла, не пропала, не бросила его, дождалась из армии. Но, вернувшись, спустя короткое время, Гризов понял, что они вдруг как-то безо всяких видимых причин стали чужими друг другу. Все-таки два года это срок, он позволяет проверить свои чувства, как говорят в ЗАГсе. Но до ЗАГса они не дошли. Тихо, мирно расстались. Да и к чему громкие слова, если все было понятно и так. Несмотря на все положительные предпосылки, все-таки НЕТ.

С той поры прошло уже почти два года, и Гризов иногда спрашивал себя, правильно ли он поступил. И внутренний голос почему-то уверял его каждый раз, что правильно. Ибо Гризов в глубине души верил в то, что если встретишь свою судьбу, то сомнений не будет. А тогда они были. Несмотря на все положительные предпосылки, были.

С противоположной стороны воронки засверкали многочисленные мигалки и завывали сирены. На место происшествия приехало сразу несколько машин милиции и скорой помощи. Гризова, стоявшего между обломками сосны, с противоположной стороны наверняка было не видно, кругом дым, пыль, бурелом. Он решил признать то, что увидел, случившимся, а вмешательство милиции в это дело ничего уже не исправит. Поэтому можно было уходить, не привлекая внимания. А то станет свидетелем, а свидетели, как известно, долго не живут. Лучше самому попытаться разобраться во всем. Теперь для него это личное дело.

Гризов попятился назад, вернулся на пляж и прошел по мокрому песку добрый

километр, прежде чем снова выбрался на шоссе подальше ото всех мигалок. Затем он еще долго шагал по ночному пустынному асфальту. Слева по ходу шумел Финский залив. Светало. Но Гризову было наплевать на рассвет. Лишь перед самым Зеленогорском, когда до друзей было уже рукой подать, он поймал шальную «Газель» и подъехал последние пять километров пути. Но к друзьям не пошел. Закатился сразу на вокзал, купил газету в круглосуточном киоске и, примостившись в зале ожидания, стал ждать первую электричку на Питер.

В газете писали, что Бен Ладен так и не пойман. Пронырливый и скользкий президент всех американцев не смог разыскать в Афганистане террориста номер один. Тот как в воду канул. Помимо чисто политической информации коллеги-журналисты сообщали, что народ Афганистана, согласно достоверным американским источникам, приветствует освободителей. Простые люди с радостью пьют «Кока-колу», о которой мечтали столько лет, мужчины-моджахеды выразили желание сдать оружие и научиться играть в бейсбол, а освобожденные от рабства ислама женщины теперь мечтают стать девушками по вызову и демонстрировать свои прелести за доллары всем желающим. Скоро в Кабуле планировалось первое в истории освобожденного Афганистана шоу в стиле «Плей-бой», пока под охраной военных.

«Да, с грустью подумал Гризов, если хочешь уничтожить национальную культуру в какой-нибудь стране, то туда надо завезти «Кока-Колу», «Пепси-Колу» и «Плейбой». Не надо даже водки. Очень скоро все и так станут животными».

Объявили посадку на первую электричку. Гризов выбросил газету в урну. Забыв купить билет, вошел в вагон, сел на деревянную скамейку, притулился у окна и кемарил до самого прибытия на Финляндский вокзал.

Оказавшись снова в городе, он впервые задал себе самый неприятный вопрос «Что дальше?». Домой почему-то не хотелось. Не то, чтобы боялся бомбардировок в центре Питера или каких-то бандитских наездов по поводу проведенных журналистских расследований. Просто не хотелось. Хотя теперь, похоже, можно было ожидать всего. Странно, но Антон был уверен, что это не стандартная мафия, там он так сильно еще никого не достал. Так, покусывал пока, за это не убивают. Тем более не ракетами. Слишком много чести. А вот с самолетами он, похоже, кому-то крупно наступил на хвост. Предположения, конечно, были, но кроме них ничего существенного. Хотя эта версия выглядела самой правдоподобной, все равно не верилось. Чтобы так, из-за одного журналиста посылать целую эскадрилью сравнивать с землей мотель, перепахать кусок пляжа, наделать столько шума, все это как-то не укладывалось в голове. Бред какой-то.

Все это время Гризов стоял на перроне Финляндского вокзала и размышлял о своей судьбе, мирно прожевывая пирожок и по привычке рассматривая заголовки газет в киоске. Когда пирожок закончился, Антон рассудил так «Кому суждено умереть под бомбами, тот не утонет». И поехал домой спать.

Следующие несколько месяцев прошли на удивление спокойно. Гризов ел, спал, ходил на работу писать статьи. Особенно ни от кого не прятался. На него никто больше и не охотился, не бомбил, не расстреливал. Ближе к осени ему стало казаться, что все, что произошло с ним в ту ночь на берегу Финского залива возможно и не происходило. Это наверняка был пьяный бред. Однажды, он даже выбрался на место тех событий, чтобы удостовериться, что мотель «Озерный край» стоит себе, целехонек. Но его там не было. Шоссе залатали, воронку засыпали и уже возводили на том самом месте новый мотель. Все-таки это был курортный район. А дорогая земля долго пустой не бывает.

Самым примечательным событием этой осени стало шоу «Война в Ираке-2». Литтл-Буш, наплевав на все мировое сообщество, решил укрепить свой поникший рейтинг. Для этого, как всегда, требовалось убить пару миллионов мирных граждан какой-нибудь отдаленной страны. Желательно, из тех, кто не любит «Кока-Колу». И выбор снова пал на Ирак, ибо Хусейн неоднократно плевал в сторону США и грозил кулаком, а Литтл-Буш этого больше решил не прощать. Тем более надвигались очередные выборы. Рейтинг, дело

серьезное. Есть у Хусейна оружие массового поражения или нет, это было уже не важно. Как говорят врачи, был бы больной, а болезнь найдется.

Стянув свои военно-морские и военно-воздушные силы в Персидский залив, США начали самое глобальное шоу в истории человечества. Нет, войны римской империи, должно быть, тоже были впечатляющими, но у римлян не было телевидения. Они не начинали войны после телевизионных репортажей, хотя, тоже знали, чем развлечь массы.

Война началась. Гризов смотрел репортажи с места событий, и думал, до чего же опустилось человечество, с тех пор как у него появилось телевидение. Он ловил себя на мысли, что от той ракеты, которая так красиво стартовала с подводной лодки в направлении Багдада, через несколько минут умрут сотни людей, и он наблюдает за происходящем в прямом эфире. Да не просто наблюдает, а внимательно рассматривает всю подготовленную каналами для него статистическую информацию в виде сносков под кадром: сколько убитых, сколько раненых, сколько сожгли танков, сколько сбили вертолетов. Что лучше автомат Калашникова или винтовка «М-16». Насколько крут суперджип «Хаммер». При этом, сколько такая махина сжигает топлива за пять минут, и что именно для того, чтобы пожиратели гамбургеров возили свои усталые задницы в широких машинах, и была затеяна эта война, никто ничего не сообщал. Эти люди готовы затеять войну, лишь бы не менять своих привычек. На остальных обитателей планеты им глубоко наплевать.

Гризов смотрел это грандиозное реалити-шоу и в тайне надеялся, что вот сейчас бравые иракцы покажут самоуверенным американцам, где раки зимуют. Достанут свое секретное оружие и надерут задницу. Но конец оказался печален. Гризов разочаровался в восточных боевиках. Бомбы подкладывать мирным людям в дома они мастера, а вот схлестнуться с регулярной армией, да еще идейных противников, американцев, и проиграть, это позор. Задницу не надрали, и довольные американцы, сидя на броне танков, словно в 1941 году головорезы дивизии СС «Адольф Гитлер», вступали в древний Багдад.

«Да, подумал Антон, если этих носителей вируса «Кока-Колы» не остановить, они всю землю загадят своим присутствием». Многие журналисты, рискуя жизнью ехали в Ирак. Многие, прибыв туда, отсиживались в укромных уголках, где американское оккупационное командование гарантировало им неприкосновенность, и развлекали зрителей репортажами типа «Анна, смотрите, как за моей спиной красиво пролетела ракета». Гризов решил не ехать. Дело уже сделано. Не стоит участвовать в шоу.

Однажды рано утром в комнатухе на канале Грибоедова неожиданно зазвонил телефон. «Кто это в такую рань?» удивился журналист, и, стараясь не допустить раздражения в голосе, поинтересовался уже в слух:

– Ну и кто там, блин, так не вовремя?

– Извини, конечно, если разбудил, – раздался в трубке знакомый голос главного редактора газеты «Северная стрела».

– А, это вы, – пробормотал сонный Гризов – чем, как говорится, могу?

– Тут такое дело, Антон, – как бы издалека начал Свен Иванович, – Через три часа в Пулково на запасной полосе приземляется борт 1010. Это военный борт. Транспорт «Ил-76», который летит в Ирак и везет целую пачку журналистов, которые пишут и снимают серьезные репортажи о горячих точках. То бишь спецрейс для нашего брата. В общем, предлагаю тебе проветриться и слетать на недельку в Ирак. Вместе с вами летят военные и парочка дипломатов, охрану во время пребывания в Багдаде обеспечат. Пропусками для журналистов в разрешенные зоны снабдят, я позаботился. Голодать не будешь. Ну, а мне нужен забойный репортаж и фотографии. Так, чтоб кровь в жилах застыла. Ну, что, испугался?

Гризов на секунду задумался. Ему предлагали стать участником шоу. Но с другой стороны, любой журналист – участник шоу, игрок в независимость, так почему тогда не сыграть в свою пользу. Кроме того, хотелось развеяться, а лучшего способа встряхнуться, чем оказаться под пулями и обстрелами для настоящего журналиста не придумаешь. Без риска для жизни, эта самая жизнь не так вкусна. Кроме всего прочего, перед внутренним

взором Антона постоянно маячили пропавшие самолеты и угроза умереть в собственной постели под бомбежкой. Так какая разница там или здесь. А в случае удачи есть шанс продвинуться. Рассудив так, Гризов ощутил себя Д'Артаньяном, который решил посветить всего себя без остатка военной службе и стать маршалом Франции.

– Хорошо, я лечу.

– Ну, вот и славно, – проговорил Свен Иванович, – Собери барахлишко и через три часа будь в зале ожидания «Пулково-2». После того, как спецборт сядет, туда, специально за тобой на пять минут выйдет майор Корнеев. Покажешь ему свое удостоверение и паспорт, этого хватит. Сам понимаешь, визы получать не надо. Он проведет тебя через контроль и посадит в самолет. Ну а дальше, – по обстановке. Гляди в оба, снимай. Без забойного репортажа с морем крови не возвращайся.

– Хорошо, – ответил Антон еще сонным голосом в трубку и подумал, что газета «Северная стрела» начала стремительно желтеть. «Море крови» ему подавай. Может еще и отрубленные головы, руки и ноги? Наверняка не откажется. Современного толстокожего обывателя ничем более слабым и не шокировать.

– Ну, удачи! Через неделю свидимся. Сильно в пекло не лезь, ну да что тебя учить. Лучшая жилетка, – бронежилетка. Как вернешься, позвони.

– Договорились, шеф.

В трубке послышались гудки. Гризов бросил ее на рычаг и посмотрел на квадратные часы, стоявшие на письменном столе. Почти семь утра. Получается, что борт приземляется в десять. Это означает, что пора вставать и собираться в дальний путь.

Осознав это, Гризов по еще не совсем забытой армейской привычке пулей вылетел из кровати, натянул майку и треники, с закрытыми глазами побрел умываться. Поливая холодной водой свое опухшее ото сна лицо с узкими прорезями для глаз, Гризов снова вспомнил армию с ее обычными ранними и, кроме того, тренировочными подъемами. Вспомнил, как их поднимали по три-четыре раза за ночь, заставляли одеваться и строится на плацу в любую погоду. И столько же раз приходилось «отбиваться». Тренинг «Подъем-отбой», ему казалось, он не забудет никогда. Антон вспомнил свое тогдашнее страстное желание, даже мечту, поскорее вернуться на гражданку, потому что там, ты можешь просыпаться когда угодно и даже после этого еще долго валяться в постели. Человек, который не прошел сквозь невозможность выспаться, этого не поймет никогда. Не прочувствует.

Покончив с моционом, Антон зашел на общую, коммунальную кухню. Залез в свой холодильник, вскрыл банку тушенки, высыпал на сковороду и разогрел вместе со вчерашними макаронами. Расположился за столом в одиночестве, благо соседи в такую рань, еще спали, и неторопливо перекусил. Лететь далеко, часов пять, не меньше. Поэтому следовало заправиться. Когда придется перекусить в следующий раз еще не понятно. Покончив с макаронами, набадрил себе вчерашнего кофе. В шкафчике с хлебом нашлась почти свежая булочка с маком. Все. На этом прием пищи закончен.

Вернувшись в комнату, Антон вытащил из глубин шкафа свой компактный альпинистский рюкзак, сложил туда самое необходимое для такого случая: крепкие сандалии, рубашку, майки, шорты, колониальную панамку, солнцезащитные очки, фонарик, диктофон, кассеты, пачку батареек. Немного поразмыслив, добавил коробку спичек, зажигалку, многофункциональный нож, изоленту и пару банок мясных консервов. Мало ли что в дороге может приключиться. С особой осторожностью упаковал свой редакционный «Никон», который периодически хранил у себя дома. В кармашек засунул блок пленок «Кодак». На первое время хватит.

Нет, Гризов не был профессиональным фоторепортером, но снимать умел, питал страсть к фотографии. А поскольку часть мотался по отдаленным командировкам, то приходилось и снимать самостоятельно, как настоящий русский многостаночник. В отличие от иностранных коллег, которые возили с собой целый штат помощников для написания статьи, – фотографов, менеджеров, секретарей, – Гризов обходился собственными силами.

Разобравшись хотя бы приблизительно с одеждой, Гризов никогда прежде не бывал в Ираке, но решил лишнего не брать, вспоминая свой первый горный поход. Тогда, боясь замерзнуть на высоте, он нагрузил в рюкзак массу теплых штанов и свитеров. В результате таскал лишние десять килограмм и чуть не умер от натуги, поскольку бросить было жалко, вещи то хорошие, хотя в походе негодились совсем. Весь путь через Кавказ Антон проделал в одних тренировочных штанах и майке. Изредка надевая то-то теплое на стоянках. Вспомнив о печальном прошлом, на этот раз Гризов решил взять только то, в необходимости чего был уверен. Остальное как-нибудь раздобудет на месте, если понадобится, или перебьется. Журналисты, как кошки, народ живучий.

Мельком взглянув на часы, было уже начало девятого, Антон оделся в джинсы и походную куртку, издавека напоминавшую студенческую форму стройотрядов советских времен. Зашнуровал крепкие и легкие туристические ботинки. Забросил рюкзак за плечи и вышел на улицу, осторожно прикрыв за собой дверь: соседи по-прежнему спали после вчерашних семейных праздников.

Прежде чем отправится в дорогу, Гризов дошел до ближайшего перекрестка, на котором кучковались ларьки в надежде прикупить бутылочку лимонада. Приблизившись и осмотрев витрины, журналист обнаружил засилье американских напитков в российской торговле. «Пепси-Кола» с «Кока-Колой» были, даже «Миринда» с «Седьмым Апом», а вот ни одного русского лимонада на наблюдалось. Но Гризов не сдавался и, обшарив все вокруг, в последнем ларьке обнаружил-таки заветный «Колокольчик». Открыл его, с наслаждением отхлебнул и взглянул на часы: без двадцати девять. Надо ехать в аэропорт.

Поскольку родная газета обещала все оплатить, то Гризов тут же на перекрестке поймал такси. Бросил рюкзак в широкий багажник и, велел ехать в Пулково, устроился на заднем сиденье «Волги», попивая шипучий лимонад. Машина рванулась вперед. Журналиста мягко вдавило в сиденье. Путь на восток начался.

Таксист оказался лихачом. Уже много людей ехало по своим делам и самое пробочное время было в разгаре. Но водителя «Волги» это совсем не волновало. Врубив какую-то тяжелую музыку на полную, кажется Manowar, он ловко выкруливал, лавируя между другими машинами потока, и лихо подрезал иномарки. Наблюдая за его профессиональными действиями, Гризов начал сомневаться, что доедет до Ирака. Его земной путь мог закончиться в любую минуту. Круче этого таксиста были только водители маршруток. Эти короли дороги вообще ездят без башни и не признают пробки. Не обращая внимания на сигналы светофоров, они смело рулят по газонам, пешеходным переходам, трамвайным путям, видимо, ощущая себя танками, от которых шарахаются даже «Мерседесы». Из-за таких крутой чуваков ежедневно происходит множество аварий со смертельным исходом, гибнет масса людей, но они неисправимы. Они все русские по духу, им хоть кол на голове теши, даже если за рулем маршрутки армяне или китайцы. Попав в эту страну, через несколько месяцев любой китаец пропитается русским духом и станет лихачом, если только родная диаспора не спасет его от влияния среды с помощью «Цы Гуна» или «Тай-цзи Цюаня».

Но этот таксист умудрялся пока ехать без ДТП и преодолел благодаря своему опыту лихача уже половину города. Через пятнадцать минут «Волга» уже неслась в среднем течении Московского проспекта и скоро должна была оставить позади город-герой.

Мягко покачиваясь на заднем сиденье, Гризов смотрел в окно, наблюдая за проносящимися домами и людьми, но думалось почему-то не о предстоящем путешествии. Ему вспомнилось как несколько месяцев назад он вот также сел на заднее сиденье «Волги» с красивой девчонкой по имени Леля, которая была чем-то огорчена тогда, но, несмотря на это, провел с ней шикарный вечер. А потом ее не стало. Из небытия прилетели черные самолеты и забрали ее душу с собой, оставив в душе самого Гризова какое-то жуткое недопонимание происходящего вокруг. Вроде бы ничего больше не случается, но в то же время он что-то незримое ощущал вокруг себя. Что-то враждебное копошилось, но пока не показывалось на поверхности. А Гризов не мог понять, что это: галлюцинации от

переработки или просто врожденная неврастения и подозрительность, постоянные спутники журналиста.

В любом случае, это хорошо, что Свен Иванович именно сейчас решил подбросить ему это задание. Выйдет случай отвлечься от мыслей. Как-никак дальние страны, захваченный оккупантами Ирак, длительный перелет на военно-транспортном самолете, коллеги-журналисты, с которыми можно всегда заложить за воротник, перестрелки, палящий зной, романтика, одним словом.

Инстинктивно перекрестившись, когда такси с визгом покрышек об асфальт, притормозило у входа в аэропорт «Пулково», Антон расплатился и вылез. Прищурившись на солнце, которое резво взбиралось на небосвод, закинул рюкзак на плечи. Бросил прощальный взгляд на питерскую землю и решительно вошел в здание.

Поднялся по лестнице, оказавшись в зале отправления, сбросил рюкзак на гранитный пол, осмотрелся внимательно по сторонам. И с первого взгляда заметил того, кого искал. Рядом со стойкой номер восемнадцать, где не было ни одного желающего пройти на регистрацию, стоял широкоплечий низкорослый мужчина в зеленом кителе с погонами майора ВДВ. Их взгляды встретились. Обшарив глазами Антона, словно тот был новобранцем, мужчина в погонах сделал три шага на встречу и командным тоном спросил:

– Гризов?

От звука этого голоса у журналиста по давно забытой, казалось, привычке засосало под ложечкой, хотя где она находится, эта самая ложечка, он долго пытался выяснить, но так и не смог. Все-таки за годы службы отцы-командиры накрепко вбили необходимость подчиняться тому, кто разговаривает с тобой командным голосом. Выработали рефлекс, согласно которому перед майором стоял младший сержант. Но, он был уже гражданским, как ни крути. А потому, помедлив немного, что уже было не по уставу, пошутил в ответ:

– Я-Я. Так точно. А вы майор Корнеев?

Глава четвертая. «Багдадский халифат под контролем»

Майору явно не понравился ответ, но, ничего не поделаешь, перед ним действительно был не новобранец. Поэтому, скрепя сердце, тот ответил:

– Да, я майор Корнеев. Мне приказано встретить журналиста из газеты «Северная стрела» и взять на борт. Документы не забыл?

Гризову, надо сказать, тоже не нравилось когда с ним, даже не познакомившись толком, разговаривают приказным тоном, как в армии, да еще на «ты», но хамить майору он пока не стал. Поживем, увидим, что дальше будет. Нахамить никогда не поздно.

– Не забыл. Все при мне, – Антон вынул из нагрудного кармана своей полубрезентовой куртки загранпаспорт и удостоверение личности с фотографией. Протянул майору, – Вот мой аусвайс с печатками.

Тот взял их цепкими пальцами, похоже, больше привыкшими вытаскивать гвозди за шляпку из досок ради забавы, чем проверять документы. Внимательно проглядел. Проверил печати. Медленно вернул назад.

– Следуй за мной, – и, развернувшись, прошел сквозь впускное отверстие рядом со стойкой номер восемнадцать.

Гризов снова надел рюкзак на плечи и пристроился в кильватер за майором. Корнеев шел не оглядываясь, уверенным шагом, слегка приседая, словно на рессорах. Наблюдая коренастого майора со спины, журналист решил, что этот вояка большой спец по рукопашному бою, карате, дзю-до, сам-бо и прочей фигне, которая помогает выжить и тренирует волю вместе с телом. Этот вывод он сделал, присмотревшись к походке, тому, как именно майор опускает подошвы ног на пол, осторожно нащупывая пол носком ботинка. Как переставляет ноги, словно со встроенными пружинами, в любой момент готовый присесть и принять оборонительную стойку, чтобы отразить нападение вероятного противника с любой стороны. Ни дать ни взять Брюс Ли рязанского разлива.

Тем временем майор первым вышел из здания аэропорта и оказался на взлетной полосе. Прямо у входа стоял «УАЗик» военного образца с зашторенными стеклами. Кроме водителя там никого не было видно. Гризов по привычке бросил прощальный взгляд на здание родного аэропорта «Пулково», сплюнул на асфальт и полез внутрь машины. Майор Корнеев сел рядом с водителем, судя по нашивкам, сержантом ВДВ.

«УАЗик» глухо заурчал мотором и повез их к самому краю взлетной полосы, где серой громадой виднелся военно-транспортный борт, который Гризов, как знаток своего направления работы, классифицировал как «Ил-76МД», в списках наших друзей из блока «НАТО» проходивший под псевдонимом «Кандид». Как припомнил Антон, это был первый советский самолет, продемонстрированный Западу на Парижском авиасалоне «Ле Бурже» в 1971 году. Разрабатывалась эта машина как мощный межконтинентальный самолет с высокой крейсерской скоростью для перевозки крупногабаритных грузов. Само собой, что среди таких грузов могли оказаться танки, бронетранспортеры, части ракет и прочие нужные для обороны страны вещи. Впервые эти самолет появились на сибирских маршрутах «Аэрофлота». А с 1974 года крылатые машины марки «Ил-76МД» стали поступать на тестирование в советские ВВС. Эта серия самолетов оснащалась хвостовой турелью.

При подъезде к самолету Гризов, прежде всего, осмотрел массивный хвост и несколько разочаровался, не увидев пулеметной турели. «Ну да, подумал он, это же мирный рейс, для журналистов, только вот авиакомпания явно не «Аэрофлот», а скорее «Минобороны». Да и капитан, не капитан, а майор ВДВ. Кто же на этой линии за стюардесс?»

В этот момент массивная хвостовая рампа опустилась, став мостом, по которому «УАЗик» с ходу заехал в огромный салон самолета, как во чрево кита. «Вот это сервис, промелькнуло у Антона в голове. Интересно, попытался развеселить он себя, а выгружаться мы тоже будем сходу, или на ходу?»

Заехав внутрь, «УАЗик» остановился в самом хвосте, припарковавшись между двумя массивными джипами системы NISSAN Patrol, микроавтобусом TOYOTA и еще одним «УАЗиком». Никаких танков и бронемашин, прикрепленных к полу и стенам, Гризов не заметил, что еще больше настроило его на мирный лад, хотя расслабляться было рано. Летели они все-таки в только что оккупированную страну, где еще теплилась война, а не в «Минеральные воды» попить нарзану.

Выйдя из машины, майор Корнеев указал в начало огромного салона где, виднелась группа людей.

– Тебе туда, – сказал он на прощанье, – суточные на неделю, а также инструкции получишь у полковника Губанова, начальника этого полета. Он же твой непосредственный начальник на время пребывания в Ираке.

Гризова опять потянуло возмутиться, но обстановка не располагала. Едва за прибывшими успела закрыться хвостовая рампа, как, запустив свои четыре турбореактивных двигателя, «Ил-76МД» стал плавно выруливать на взлетную полосу. Корпус самолета завибрировал от носа до кончика массивного хвоста.

Антон не придумал ничего лучшего, как пробраться между машинами к людям и найти полковника Губанова. Это оказалось не сложно. Когда он выбрался из-за корпусов, прикрепленных специальными тросами к полу машин, то увидел оставшуюся часть салона «Ил-76МД», которая была разделена на две части. Самолет был военно-транспортным, и для людей в нем предназначались только грубые деревянные на вид лавки по бортам, на которых, как курицы на жердочке, могли расположиться несколько сотен десантников. Но в данный момент десантников не было, зато борт вез в Ирак по своим делам нескольких дипломатов, и оставшаяся часть салона была принудительно облагорожена.

Видно, дела были срочные, иначе служители министерства иностранных дел наверняка воспользовались бы более комфортабельным самолетом. К металлическому полу транспорта прикрутили около тридцати относительно мягких кресел, разделив их на две части метровой пластиковой перегородкой. «Ну, прямо первый и второй класс, решил Гризов, увидев эти удобства». Кресла были с подлокотниками, но стандартного советского образца «радость

инквизитора». Их видимо сняли с утилизированного «Ту-134».

В салоне первого класса перед креслами, которых было установлено шесть штук в два ряда, установили пару столиков. На них уже стояло несколько початых бутылок коньяка и две полупустых бутылки водки. Вокруг которых была разбросана всякая копчена снедь: колбаса, суджук, шинка, карбонат, шейка. Дипломаты, скинув пиджаки, заполняли, как могли время длительного перелета событиями, рассказывали друг другу анекдоты и громко смеялись.

В салоне второго класса, который отстоял от первого метров на пять, кресла стояли в пять рядов по пять штук. Четыре ряда из них было частично занято. Здесь расположились коллеги-журналисты, разодетые по большей части как сам Гризов, обложенные всякими сумками и котомками. Было также четверо человек с телекамерами, одетые в попсовые костюмы с галстуками, которые при последующем знакомстве оказались московскими телевизионщиками, летевшими делать сюжет о жизни беднейшего населения Ирака. Гризову они как-то сразу не понравились. Уж если летишь снимать беднейшее население, так хоть сам оденься согласно обстановке. Впрочем, это было их дело.

Антон нашел полковника Губанова, который сидел в первом ряду и пил водку с журналистами из «Московского вестника» и военного еженедельника «Красная звезда», крепкими накаченными ребятами. Эти, наоборот, с первого взгляда Антону понравились. Типичные журналисты, любители побывать в горячих точках и поквасить водки в компании для снятия нервного стресса. Коктейль из этих ощущений и составлял смысл их жизни на данном этапе. Поскольку Гризов предпочитал в жизни то же самое, то быстро сошелся с корреспондентами, выпив за знакомство и единение журналистов всех городов. После чего, он закусил предложенным огурчиком, и предъявил свой аусвайс полковнику Губанову. Тот вяло кивнул, сказал «Садись, где хочешь, лететь долго, инструкции получишь по прибытию в Багдад» и продолжал возлияние с московскими корреспондентами.

Гризов направился к пустовавшему последнему ряду кресел, но по дороге уже на следующем ряду завязал знакомство с блондинкой Натальей, девушкой из Самары, корреспондентом журнала «Военная машина». Рядом с Натальей, как она представилась, сидел Василий, фотокорреспондент газеты «Новая Смена» из Свердловска и журналист отдела новостей Петя из той же газеты. Все журналисты, успевшие перезнакомиться за время краткого перелета из Москвы, откровенно обрадовались новому человеку в массовке и предложили присесть, благо одно место пустовало. Антона долго упрашивать не пришлось. Он присел, пропустил пяток рюмок «Сибирской водки», закусил сардинкой, и ему стало хорошо, как и дипломатам из первого класса.

Потрепавшись где-то с полчаса с коллегами и добравшись до следующего ряда, где гуляли журналисты из Краснодара и Владивостока, он задержался там еще на полчаса. На четвертом ряду сидела компания попсовых телевизионщиков, где Антон только обменялся рукопожатиями, хотя его уже слегка развезло и тянуло на знакомство с поцелуям к единственной смазливой корреспондентке из этой группы, вся роль которой читалась на ее лице с первого взгляда: «Вася, мы слышим вас хорошо, что у вас происходит... Вася?». Тем не менее, он смог сдержаться, и в результате, часа через полтора, когда самолет уже был высоко в небе и далеко от родного Питера, добрался таки до пустующего пятого ряда, за которым уже начиналась парковка джипов.

Кинув сумку на соседнее кресло, изрядно захмелевший Гризов рухнул в кресло. Чем заняться выбор был небольшой. Поскольку иллюминаторов в этом самолете не было, и посмотреть с небес на землю не имелось никакой возможности, приходилось убивать время либо разговорами, либо сном. Разговаривать он уже не мог, язык заплетался, да и не с кем было, один сидел на последнем ряду. Читать тоже не хотелось, в салоне было темновато, да и никаких книг и газет он с собой не взял. Можно, конечно, было попросить у коллег, но плохое освещение, утренний недосып и хмель решили эту проблему: минут через двадцать таких размышлений Гризов просто уснул.

По всей видимости, проспал он не меньше трех часов. А когда проснулся, то ощутил,

что крупно замерз. Самолет монотонно гудел всеми своими четырьмя двигателями. Вдоль бортов гигантского транспорта дуло так, что ни о какой герметичности не могло быть и речи. Антон пожалел, что не захватил с собой ватник. Как ему вдруг припомнилось максимальная скорость «Ил-76МД» составляла 850 километров в час на высоте одиннадцать тысяч метров. А на такой высоте было ужасно холодно. Тут уже и до космоса не так далеко.

Чтобы отвлечься Гризов стал рассматривать покатый потолок, до которого было метров пять, не меньше. Там, на высоте, были натянуты какие-то тросы. При желании в этот «салон» можно было действительно запихать несколько танков и бронемашин, а может, и чего-то посерьезней. Можно даже загрузить роту десантников.

Гризов через головы посмотрел на коллег: первые три ряда спали хмельным сном. Смазливая корреспондентка куталась в свою курточку и, судя по жестам, проклинала тот день, когда согласилась лететь на это редакционное задание. Уж лучше снимать про жизнь богатых людей в Монако. Там хотя бы тепло и можно на пляже полежать.

Остальные вели вялую беседу. И только дипломаты из первого класса продолжали бодро пить, изредка оглашая огромное пространство «салона» диким хохотом. «Крепкие ребята, подумал Гризов и решил прогуляться по самолету, делать все равно было нечего, а полет еще не закончился».

Впереди за первым классом виднелась дверь в кабину пилотов. Там рассматривать было нечего, поэтому, недолго думая, Антон направился поглазеть на машины, которые «Ил-76МД» нес в своем чреве, словно проглотивший их огромный синий кит. Корреспондент газеты «Северная стрела» прошел мимо парочки джипов NISSAN Patrol несмотря на размеры самолета смотревшимися вблизи настоящими монстрами дорог. Один из джипов он даже пнул ногой по колесу, проверяя надежность японской техники. Техника не подвела. Обошел вокруг микроавтобус TOYOTA, поднялся на цыпочках и заглянул внутрь. Салон выглядел довольно комфортабельным. «Интересно, мы, на чем там будем передвигаться по Багдаду, подумал Гризов, на этой «Тойоте» или на родных «УАЗиках»? Народу-то не мало».

В этот момент он заметил знакомое отражение в стекле микроавтобуса и резко развернулся. Пред ним стоял выросший как из-под земли майор Корнеев, за спиной которого находилось пятеро накачанных десантников в камуфляже с укороченными «Калашниками» в руках.

– Не спится? – осведомился майор елейным голоском.

– Не а, – нагло протянул Гризов и открыто зевнул, – Холодно тут у вас, дует.

– Так сидел бы дома, водку пил, – предложил майор, – там теплее.

– Дома мне надоело, – в тон ему ответил журналист, – нужны яркие впечатления. А выпить можно и по пути.

Майор скрипнул зубами, этот развязный журналист явно действовал ему на нервы. Майор терпеть не мог, когда кто-то не подчинялся уставу и делал, что хотел.

– Вам что, – перешел он на официальный тон, – полковник Губанов не объяснил, что во время полета передвижения по салону запрещены?

– Запрещены? – удивился Гризов, – нет, ничего такого не сказал. А если я в туалет, например, хочу?

– Туалет впереди, перед кабиной пилотов, – сообщил Корнеев, которого ширина души полковника Губанова, видимо, тоже не сильно радовала, – А здесь закрытая зона. Сюда заходить запрещено.

– Ладно, – буркнул Гризов, – учту.

И развернувшись, зашагал вдоль борта по направлению к кабине пилотов. Майор Корнеев начинал ему крепко не нравится. Что за тайны он тут охраняет: пять машин, чьи силуэты известны миру уже как минимум лет двадцать? Впрочем, как и сам самолет. Или они тут наркотики военным рейсом перевозят? А может просто майор по жизни зануда. Служба такая. «А, ну его к черту, решил Гризов, доберемся до Багдада, там и посмотрим, что за фрукт. А, может, и не увидимся больше».

Разыскав туалет, на удивление узкий и низкий, для такого огромного самолета, Гризов

сделал свое дело и вернулся на кресло. Охота бродить пропала. Он разыскал у проснувшихся коллег по цеху, более основательно подготовившихся к полету, лимонад. Отпил. Немного притушил огонь, бушевавший во рту, и дремал до тех пор, пока самолет не пошел на снижение.

Только перед самой посадкой, проспавший весь полет крепким хмельным сном полковник Губанов встал со своего места и со слегка опухшей физиономией, заплетавшимся языком, вкратце разъяснил журналистам суть программы пребывания в Багдаде. Гризов сразу ощутил себя на партсобрании.

– Как вы знаете, ребята, Ирак захвачен американцами, которые по просьбе нашего министерства иностранных дел, – полковник кивнул в сторону не перестававших гудеть во всю дипломатов, – согласились допустить вас в Багдад, чтобы вы смогли сообщить своим читателям и зрителям о том, что там происходит.

Тут Губанов неожиданно сплюнул на металлический пол и словно проснулся, заговорив бодрым военным голосом.

– Хотя вы все прекрасно знаете или догадываетесь, что там происходит полная фигня, то есть настоящая оккупация. Как в сорок первом при фашистах. Только американцы любят играть в демократов, мать их, а потому и допустили вас, как представителей свободной прессы. Но, думаю, никуда дальше гостиницы, в которой есть пресс-центр, вас не пустят. Попробуете сунуться куда-нибудь за пределы своей, – полковник напрягся, – ...юрис... дикции, можете нарваться на неприятности. Не от них, так от местных, которые могут порвать на части, не разбираясь, откуда вы родом. Хотя в целом к русским относятся нормально. Оружия сейчас у них на руках тьма, впрочем, как и всегда. Особенно любят они наш «Калашников» и расставаться с ним не хотят, как американцы не стараются.

Губанов замолчал на секунду.

– Ну, денег, как обещали вашему руководству, дадим. В сутки по 50 долларов на человека (с четвертого ряда раздался презрительный смех). Местные динары вам ни к чему, на доллары быстрее договоритесь прикупить чего-нибудь или перекусить, если прижмет. Пропуск с надписью «ПРЕССА» и местной аккредитацией обеспечим. Жить будете в гостинице «Мухафаз», по ихнему, – губернаторство. Это неподалеку от другой гостиницы «Аль-Рашид», слышали наверное...

Гризов напряг свою память. Да, слышал. Точнее видел сюжет по телеку. ОТЕЛЬ «Аль-Рашид» находится в самом центре Багдада. Это высотное здание, куда обычно селят заезжих иностранцев. Знаменито тем, что часть журналистов из разных стран именно с его крыши наблюдало за налетами американской авиации на город и прямо оттуда передавало свои сюжеты в эфир. Действительно, чего зря напрягаться, ноги стаптывать. Гризову запомнилось также, что на отеле была нанесена арабская надпись из позолоты «Этот отель строился в эру Саддама Хусейна», от которой прикалывались все западные журналисты и часто показывали ее как символ поклонения народа своим диктаторам. Также как и многочисленные статуи, бюсты и портреты Саддама, которым были увешаны почти все стены и утыканы площади городов Ирака. Американцам этого не понять, а вот для Гризова, выросшего на осколках ленинизма, многочисленные бюсты по всем закоулкам были вполне привычны. Народ должен знать своих героев в лицо. А то, не дай Бог, перепутают с каким-нибудь Биллом Гейтсом. Но сейчас, в век телеуправляемого человечества, можно было экономить на бюстах.

Взглянув мельком на сидящих спереди пижонов из телегруппы и смазливую корреспондентку, с выражением лица «хочу на пляж», Гризов решил, что ей там должно понравится. Сиди себе на крыше, на солнышке грейся. Тем более, что ракетные обстрелы закончились.

Вообще-то хорошо, что их селят в этот «Муха...» Мухафаз». Спасибо что не в отель «Палестина», с которым связано гораздо больше печальных новостей. Во время окончательного захвата Багдада, американские морпехи провели зачистку в гостинице «Палестина», где жила основная масса журналистов. Они проверили все восемнадцать

этажей здания на предмет прячущихся там террористов и сторонников Саддама Хусейна. Как они определяли сторонников, Гризов так и не понял. Наверное, по фотографии. Но никого не нашли. На всякий случай, выломав чердачную дверь, осмотрели крышу. И там никого не нашли. Пришлось возвращаться без результатов.

Видно это очень не понравилось начальству морпехов, и, всего через неделю, по этому многострадальному отелю шарахнули из танка «Абрамс». По телевизору сообщили, что случайно. Танкист ошибся. Взял чуть левее. Погибли двое журналистов – операторы агентства Reuters Тарас Процюк и испанского «Пятого телеканала» Хулио Ангита Паррада. Еще трое сотрудников Reuters отделались легкими ранениями. Поэтому, когда Гризов узнал о том, что их заселят в отель, прости Господи, «Мухафаз», то был скорее успокоен.

– На всякий случай намотайте на ус, – продолжал давать вводные полковник Губанов, – до начала войны сами иракцы запрещали снимать в Багдаде мечети, дома, мосты, коммуникации, военные объекты и даже бюсты Саддама. Сейчас американцы половину достопримечательностей снесли, но, что касается коммуникаций, мостов и других привлекательных объектов, то делают то же самое, что и иракцы. Иногда могут арестовать, отобрать камеру, засветить пленку, а часто просто стреляют на поражение. Это вам только дома показывают отредактированную войну, да сами вы ее редактируете, а здесь, обманывать не буду, всякое происходит. Прежде всего, с вашим братом журналистом. Пулю в лоб и, поминай, как звали. Все спишут на арабов.

Губанов замолк надолго. Гризов уже решил, что полковник иссяк, но тот вдруг снова заговорил.

– Ну, да те из вас, кто воробьи стреляные, сами знают. А остальным советую сильно под пули не лезть. На добычу полезных материалов у вас будет неделя. Осмотритесь, попривыкните пару дней, наскребете несколько своих сенсаций, а там и домой пора. Улетаем через неделю тем же рейсом. Выезд из отеля в четыре часа поместному времени, в том же составе на тех же машинах, одним конвоем. Всем быть без опозданий. Ждать не будем, опоздал, – пропал без вести.

Губанов опять замолчал на несколько секунд и улыбнулся.

– Ну, это я пошутил, дождемся всех. А если влипните во что, – вытащим. Как сядем в Багдаде, распределяемся по машинам следующим образом: на джипах NISSAN Patrol путешествует, как сами догадались, дипломатическая миссия. Команда из еженедельника «Красная звезда», как-никак о военных пишут, поедет на «УАЗиках». С ними и «Московский вестник» поместится. Ну, а все остальные, милости просим, с вещами в микроавтобус TOYOTA. Обратно в том же составе.

Гризов бросил взгляд на ребят из «Красной звезды» и подумал «Нет, я, конечно, тоже люблю родную технику, но вы ребята просто экстремалы».

Минут через десять после окончания вводной речи полковника Губанова самолет натужно загудел всеми своими четырьмя двигателями и перешел на бас. «Ил-76МД» сбросил скорость и заходил на посадку. Надежду полюбоваться мечетями Багдада с высоты птичьего полета пришлось временно оставить, – иллюминаторов в том месте самолета, где перевозили журналистов, не было.

Еще через некоторое время все сидящие в просторном салоне «Ил-76МД» ощутили, как военно-транспортная машина заскребла шасси по полосе и грузно опустилась на аэродром имени Саддама. Журналисты, всегда готовые к быстрым сборам, схватили свои сумки, и пошли в хвостовую часть к машинам, занимать указанные места.

Гризов устроился со своим рюкзаком в мягком кресле по левому борту микроавтобуса TOYOTA, в котором, похоже, был даже кондиционер. Вообще, тем, кто ехал здесь, было явно уютнее, чем экстремалам из «Красной звезды» и «Московского вестника», если не вспоминать о дипломатах на их «Патрулях». Дипломаты, к концу рейса все-таки сломались: в «Патрули» их грузили штабелями. Видимо, в посольстве отоспятся, великая дипломатическая миссия подождет.

Наконец, хвостовая рампа открылась, одна за другой машины вырулили по ней, как по

мосту, на раскаленную взлетно-посадочную полосу аэродрома имени Саддама, и Гризов впервые увидел своими глазами Багдад. Точнее это еще был не сам Багдад, а его пригороды, но то, что сейчас эти места переживают отнюдь не мирные времена, сразу бросились в глаза. Антон заметил, что все пространство аэропорта огорожено сеткой. На самой полосе виднелось несколько крупных воронок от попадания снарядов. Хотя основное здание было почти целым, чем так хвалились американцы в новостях, но это было не главное.

Вокруг слегка потрепанного аэродрома, рассредоточившись, стояла почти дюжина американских танков «Абрамс», перекрывая свободный доступ на поле. Между ними маячили бронированные джипы «Хаммер» с пулеметными турелями в задней части. За одним из пулеметов, который был сейчас направлен на приземлившийся самолет, Гризов заметил американского солдата-негра в каске, который скалил свои белые зубы, откровенно разглядывая русских в прицел. Другие солдаты в камуфляже песочного цвета стояли группами у своих «Хаммеров», лениво курили, рассматривая прибывший самолет. Для них активная война уже закончилась. Вошла в стадию опасной работы, за которую платят деньги. Глядя на людей с нерусскими лицами в камуфляже, которые не проявляли пока никакой агрессии, Гризов вдруг ощутил странный порыв схватить автомат Калашникова и садануть по ним от бедра. Вот они, солдаты вероятного противника. Стоят, ухмыляются.

Конвой выехал из чрева военного транспорта и направился к дальнему выезду с аэродрома, где был оборудован КПП со шлагбаумом, и стояли почти бок о бок два танка «Абрамс». Здесь же, словно одетая в броню стрекоза, припарковался вертолет «Апач» с полным боекомплектom. Американский сержант со взводом пехотинцев за спиной уже поджидал гостей из далекой России.

Первыми к КПП подкатили дипломатические джипы. Следом за ними «УАЗики», последней, мягко притормозив, TOYOTA. Водитель головной машины протянул сержанту необходимые документы, что-то сказал, кивнув в сторону остальных машин. Сержант внимательно просмотрел бумаги, бросил взгляд на тела в салонах за тонированными стеклами, но досматривать не стал, как и полагается. Секунду помедлив, он махнул рукой и шлагбаум открылся, выпуская русских журналистов с аэродрома на территорию оккупированной столицы. Взвизгнув покрывками, словно стартовали от светофора, машины мгновенно покинули гостеприимный аэродром.

Вдоль дороги от аэропорта до первых городских районов потянулись невысокие дома песочного цвета. От проезжавшего конвоя поднялась пыль, в которой эти дома быстро исчезли, словно в песчаной буре. По бокам автостреды, сильно потрепанной после недавних бомбардировок и артобстрелов, росли пальмы. Как подумалось Гризову, финиковые. Всю дорогу Антон ехал молча, впитывая в себя раскаленный пейзаж за окном. Лишь пару раз перекинулся общими фразами с блондинкой Натальей из Самары, которая сидела с ним рядом. Однако, когда та пару раз прокомментировала происходящее за окном и кое-что поведала о столице Ирака, выяснилось, что девушка здесь уже бывала однажды, еще до войны. Гризов живо заинтересовался корреспондентом журнала «Военная машина» и попросил ее рассказывать обо всем, что она увидит за окном и ли просто о том, что знает о Багдаде. Поделится, так сказать, общей информацией. Наталья оказалась девушкой словоохотливой, и за комментариями дело не стало.

Конвой русских въехал в город. Преодолея на своем пути еще несколько КПП с американцами, каждое из которых состояло обычно из танка или бронированного «Хаммера» со взводом пехотинцев, и углубился в центр столицы Ирака. За окном потянулись сильно разрушенные кварталы. Солнце палило нещадно. По московскому времени, которое совпадало с Багдадским, было около трех часов дня. Среди обломков зданий ходили ободранные жители, пытаясь что-то среди них разыскать.

— На каждом углу здесь висят динамики, почти как у нас до войны, — сообщила Наталья, указав на один из них.

— Зачем? — удивился Гризов, — иракцы так радо слушают, что ли? Приемников не хватает?

– Не совсем. Каждое утро Багдад будит заунывное «Алл-а-ах акбар!!!». Усиленный этими динамиками по всем закоулкам города разносится призыв к утренней молитве.

– А, понятно, – кивнул Гризов.

Наталя так интересно продолжала рассказывать о достопримечательностях мирного Ирака, что у корреспондента «Северной стрелы» появилось странное ощущение, будто он приехал на обычную экскурсию. А не в оккупированный город с заданием нарыть что-нибудь кровавое и ужасное. Такое, чтобы читатель задохнулся от оргазма.

– На Манус-стрит, что ведет к центру иракской столицы, – продолжала Наталя хорошо поставленным голосом экскурсовода, – к восьми утра по местному времени обычно уже открывают все бакалейные лавки и овощные магазины. На этой же улице находится российское посольство. Раньше от отеля «Аль-Рашид» можно было добраться за полчаса. Хотя, теперь, говорят, много патрулей. Повезет, если по пути от нашего отеля к российскому посольству, не встретишь ни одного патруля из американцев или иракских полицейских.

– А ты, похоже, здесь не заблудишься, – похвалил Гризов коллегу.

Микроавтобус неожиданно выехал на набережную реки, откуда открывался живописный вид на окрестности.

Глава пятая. «Багдад. Миссия начинается»

Антон невольно залюбовался пейзажем: берег обрывался в мутноватые волны реки, которая несла свои древние воды с севера на юг, где-то далеко сливаясь со второй полноводной рекой. Что именно он видел Тигр или не менее знаменитый Евфрат, между которым родилось и умерло множество древних царств, корреспондент точно не знал, поэтому поинтересовался у Натальи.

– А что это за река?

Та на секунду прищурилась от яркого солнечного света, слепившего глаза даже за тонированным стеклом микроавтобуса, но без запинки ответила.

– Это Тигр. Он и Евфрат сливаются у Басры в единое русло и называются там Шатт-эль-Араб. А на другом берегу, как ты видишь, полуразрушенный дворец Саддама. Это, кстати, одна из его главных резиденций. Сразу за которой расположен «буржуйский» район Джадрия. Ну, все как полагается, – богатые особняки с бассейнами, красивые парки с павлинами, живописные берег реки. Царевна Будур и так далее. В общем, все как у новых русских, только на востоке.

Джипы с дипломатами первыми взобрались на мост, чудом уцелевший после бомбежек авиации США. Наверняка, подумал Гризов, американцы его специально не бомбили, чтоб легче было захватить город, разбросанный по разным берегам реки. Промелькнул военный патруль, который состоял из «Хаммера» и пятерых морпехов, проводивших цепкими взглядами конвой российской прессы с дипломатическими номерами. Следом за джипами мост проехали «УАЗики», а замыкая кавалькаду микроавтобус TOYOTA. Из окна которого, уже на съезде с моста, Антон вдруг узрел разбитое иракское зенитное орудие, которое было спрятано под стенами некогда шикарного дворца так, чтобы не мешать влюбленным парочкам прогуливаться по набережной Абу Навус. Название набережной ему, естественно, тут же сообщила Наталя, удивительный корреспондент журнала «Военная машина», который все знал об иракской столице.

«Надо будет как-нибудь прогуляться с ней по местным достопримечательностям, если времени хватит, – подумал Гризов, чуть дольше обычного задержавшись взглядом на верхней части тела соседки, – думаю, она будет не против, рассказать мне побольше об истории Ирака, а я так люблю историю».

Сразу за мостом джипы с дипломатами ушли налево, а все остальные машины повернули направо. Конвой разделился. Поймав вопросительные взгляды журналистов, полковник Губанов, пояснил:

– Ну, вы же понимаете, что дипломаты живут в посольстве, а не в обычной гостинице.

Так надо. Если возникнут нештатные ситуации или вопросы, требующие разъяснения дипломатической миссии, задавайте их мне, а я переправлю в посольство.

«Тойота» с основной массой журналистов продолжала катиться по выщербленным улицам иракской столицы, на которых, несмотря на жару и военное положение, было не так уж мало народа. На полуразрушенных улицах, даже между завалами простые люди что-то покупали и продавали, выменивали друг у друга. На одном из поворотов Гризов узрел, чуть ли ни идиллическую картину: работающее кафе в полуразрушенном доме, столики, выставленные прямо на улице под парусиновыми тентами с непонятной надписью арабской вязью, престарелого иракца, расслабленно потягивавшего кофе из коричневой миниатюрной чашечки. На его лице отражалась полная безмятежность. Он никуда не спешил, ни с кем не воевал. Сидел и пил свой кофе. В Багдаде все спокойно.

Видимо, эти неистовые арабы так привыкли воевать за свою историю, что несмотря ни на что не ценили короткие мгновения удовольствия посреди ужасов повседневности и не отказывали себе в них никогда.

Василий, фотокорреспондент газеты «Новая Смена», тоже засек багдадский типаж и даже невольно потянулся к своей камере, чтобы запечатлеть его, но передумал. Снимать через тонированное стекло было глупо, выходить пока не разрешали, а, кроме того, микроавтобус, притормозив на повороте, пропустил стайку иракских женщин в чадрах, и, дав газу, быстро покинул перекресток.

– Да, – заметил Гризов вслух, – кругом война, а тут, на островке, полная безмятежность.

Наталья из Самары восприняла это как продолжение разговора.

– Точно. Они какие-то странные, эти иракцы. Когда я была здесь до войны, все о ней уже знали. По идее надо готовиться, делать оружие, рыть окопы, а тут, – полное расслабление и безмятежность. Это от жары, наверное. По всей стране строительный бум, вместо подготовки к войне. На месте бывшего ипподрома, разрушенного во время бомбардировок первой войны с американцами, стали возводить самую большую на Ближнем Востоке мечеть. Начали даже строить метро. Так я тогда интервью взяла у генерального директора транспортных проектов министерства транспорта Ирака Адель Ас-Саддуна. Так он сказал, что местная подземка будет состоять из двух веток. Первая соединит центр города с наиболее густонаселенным и бедным районом – Саддам-сити. В нем живет около двух миллионов человек из пяти, населяющих столицу. А вторая ветка соединит Каррада Месбах на востоке с районом Аль-Байя на западной окраине Багдада. Вот о чем они думали, когда надо было думать о войне.

Наталья задумалась на секунду и добавила:

– Они вели себя так, как будто были уверены, что их кто-то защитит. Уверены на все сто процентов и неожиданно проиграли войну.

Гризов кивнул и выдал философскую сентенцию.

– Да, как говорится, хочешь мира, готовься к войне. Хотя вот мы, например, столько лет готовились к Великой Отечественной и чуть не проиграли ее в самом начале, хотя оружия было хоть отбавляй. Но не проиграли, дух помог. Очень уж он у нас боевой тогда был, верили и в Родину и в Сталина, а кто не верил, тех расстреливали. Хотя, Великой и Отечественной она стала позже, а кто знает, какой ее планировал товарищ Сталин. Кроме того, нам было, куда долго отступать и населения, которое можно пустить на пушечное мясо, хватало. А вот эти иракцы, хотели отсидеться в городах, трясли «Калашами», всех, мол, порвем, а толку? И я надеялся, что они порвут несмотря ни на что, очень уж хотелось посмотреть, как побьют хваленую американскую армию, которая не может обойтись без спутников и батареек. Не порвали. Что-то не сработало. Тот, в кого они верили, почему-то не помог им.

Гризова пробило на разговор.

– Они, эти арабы, мне казались чем-то типа нас, когда мы в сорок первом шли на суперсовременный немецкий танк с винтовкой прошлого века или гранатой. Героизмом

покрывали недостаток техники. Это потому, что технику у нас ценили всегда больше, чем людей. А жизнь людей совсем не ценили. Арабов тоже много, вот они и не занимаются техникой. Зачем, погибнут тысячи, еще нарожаем. Но, к сожалению, такое время прошло. Пришло другое. Бесконтактная смерть идет с неба. Теперь в американской империи на службе сплошные терминаторы, а здесь что? Ну, были у них наши «СКАДы», так что же не шарахнули по американским войскам? А если было, то и химическим оружием. После начала войны позволено все. Чего ждать, когда оккупанты уже вошли в твою страну и начали отрезать ее по частям? Одним «Калашом» теперь много не навоюешь, тебе ли, корреспонденту журнала «Военная машина», этого не знать.

Наталья кивнула.

– Согласна. И все-таки у меня тогда осталось чувство, что этой войны не будет. Непонятно почему, но не будет.

«Тойота» притормозила у завала на одной из узких улочек. Оставшаяся часть конвоя русской прессы пробиралась по объездным путям к своей конечной цели, – отелю «Мухафаз». Антону инстинктивно стал разглядывать завал на дороге и ему в глаза бросился сорванный с пьедестала памятник бывшему повелителю здешних земель. Саддам Хусейн Ат-Такрити, как его звали целиком, с оторванной головой. Видно американские танкисты развлекались: накинули стальной трос на шею, сделали петлю, и дернули с наслаждением. Куклуксклановцы, хреновы. Все бы им кого-нибудь вешать: индейцев, потом негров, теперь Саддама. Именно так писанные демократы утоляют жажду крови. Ничего нового. Римляне, с которых американцы срисовали свое устройство, тоже мочили людей тысячами на благо свободы и демократии. Хороший Саддам, – мертвый Саддам, индейская мудрость.

Но с этим как раз долгое время ничего не получалось, перед самой оккупацией Багдада Саддам исчез. Растворился в небытие. Ходили разные слухи, что Хусейн тайно покинул страну, перебрался в Саудовскую Аравию или затаился до срока в подземном убежище. Но никакой ясности не было. Даже после полной оккупации страны иракского лидера не могли найти нигде. Не помогало даже колоссальное денежное вознаграждение за предательство главного туза карточной колоды (Гризов все еще поражало пристрастие американцев к дешевому пафосу и азартным играм, но именно такой подход к мировому быдлу и работал лучше всего). США шли на все привычным путем. Как не жалко было расставаться с главной святыней американцев – деньгами – они были готовы отдать даже их, лишь бы растерзать человека, который осмелился пойти против владычества США. Тем более, что главная цель, захватить нефтяные запасы, была достигнута. А отсутствие оружия массового поражения никого уже не волновало.

И вот, незадолго до неожиданного выезда в Ирак, Гризов увидел по телевизору сюжет о поимке иракского диктатора, а точнее «человека похожего на Саддама Хусейна». Америка ликовала, демонстрируя миру обросшего бородой изможденного диктатора с которым обращались как с запаршивевшим котом. Жалкое зрелище, если это, конечно, был Хусейн, а не обычная голливудская подстава, с помощью которых американцы давно создают и направляют жизнь на большей части Земли. Подобное уже не раз было с полетами в космос, половину из которых США снимали в студиях Голливуда, попросту обманывая миллионы людей, хотя и открещивались от этого всеми возможными путями.

– К сожалению, запах бензина, неотступно преследует американцев, – вернулся к разговору Гризов, – поэтому настал момент, они перешли от окольных путей к прямой агрессии. Им нужна нефть, они ее берут. Философия человека прямого действия, то есть дебила, захватчика. Они и раньше всегда так поступали, эти миротворцы постоянно кого-нибудь оккупировали или покупали. Все дело в силе, брат.

Гризов усмехнулся своим словам.

– Но ведь за силой тоже должно что-то стоять, – задумчиво произнесла Наталья, – она же ведь не рождается на пустом месте. Да ведь и сила бывает разная.

– Это ты об идеалах? О нас или про арабов? О священном гнев иракцев на завоевателей? За что воюем? Оккупация или присоединение? Народ сам этого хотел, его

только надо было освободить. Дедушка Ленин? Мы на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем? И ведь раздули, да какой пласт вспороли от Владивостока до Испании с Африкой. Проникли везде.

Девушка что-то хотела сказать, но Антон уже ее не слушал, развивая мысль. Вспоминая подходящие случаю факты из истории.

– Да, мы тоже наломали не мало дров. И тоже многих присоединили. Мы русские, как ни смешно, действительно уникальные. Хотя и ленивые. Уж на что монгольская Орда была сильна, поработила всех, от Китая до этого самого Ирака, в который монгольские тумены вторглись в тысяча двести пятьдесят восьмом году, когда Багдад был столицей халифов Аббасидов. Наши князья в Орду за ярлыками на княжение ездили, на поклон, дань везли, да помощь военную просили, а в результате на карте остались мы, а не Орда. Мы их поглотили, постепенно. Наш суперэтнос выжил, а они нет. Так что все дело в характере. В правде, брат. Или в том, что за этим стоит.

За окном промелькнул очередной американский патруль. Гризов кивнул в его сторону.

– А сейчас по земле распространяются носители вируса «Кока-Колы», а это пострашнее уничтожения тела. Эти занимаются как раз разложением духа. Может, Ирак потому и проиграл, что между бомбардировками защитники смотрели американские боевики? Значит, не сильно то и хотели воевать, только кричали много. А в душе надеялись, что оккупация это не страшно, ведь американцы говорят, что им нужно только свергнуть диктатора, а простой народ не пострадает от высокоточного оружия. Значит, местный дух умер, иначе не проиграли бы арабы эту войну.

Наталья молча смотрела на него широко раскрытыми глазами, словно на сумасшедшего, неожиданно разразившегося тирадой, но не рискнула прервать. Микроавтобус подъехал и остановился у высотного здания банального песочного цвета, в котором сразу угадывалась гостиница. Видимых разрушений не имелось.

– Прибыли на место дислокации, – подтвердил полковник Губанов, – выходим, регистрируемся у стойки, получаем бэджи с надписью «ПРЕССА» без которых на улицу ни шагу. Заселяемся по номерам и отдыхаем. Пить водку не советую, жарко. Работать начнете завтра, а сегодня вечером будет еще один вводный инструктаж. Всем быть в двадцать ноль-ноль в конференц-зале.

Разговор угас сам собой. Гризов взял рюкзак и вместе с остальными направился к выходу. Над входом причудливой вязью вытянулась загадочная надпись, которая, как ни странно, уже имела рядом свой перевод по-английски. В метре от арабской надписи висела простенькая вывеска с надписью Hotel MUHAFHAZ. А слева на стене огромный портрет Саддама изрешеченный крупнокалиберными пулями.

Внутри отель «Мухафаз» выглядел не так уж плохо. Волне потянет на три звезды по-русски. Журналисты стайкой собрались вокруг выцветшей от жары стойки приема посетителей, небольшой холл сразу заполнился голосами. Обсуждали, кому, где сидеть, но, как выяснилось, всех уже расписали заранее. По военному четко: тебе сюда, а тебе сюда. Персонал в гостинице был местный, но мужской. Вместо ожидаемой Гризовым миловидной арабской девушки, тучный араб средних лет раздал всем ключи и ткнул пальцев в книгу учета, где следовало расписаться в получении.

«Ну, ничего, – подумал Антон, поднимаясь по лестнице на третий этаж, где находился его номер, – если не восстанете, через пару лет под игом кока-кольных братьев разрешите даже своих детей в порнографии снимать, а не только женщинам работать в сфере услуг».

Поселили всех на одном этаже в двухместных номерах. Гризову достался номер окнами во двор, вместе с ним жил корреспондент «Московского вестника», которого звали Коля Быстрый. При знакомстве уверял, что это его настоящая фамилия, а не псевдоним. Два номера рядом с ним заняли представители еженедельника «Красная звезда» приехавшая на «УАЗиках».

Василий, фотокорреспондент газеты «Новая Смена» из Свердловска и журналист отдела новостей Петя из той же газеты обосновались напротив. Сразу за ними поселили

коллег из Краснодара и Владивостока. А вот Наталью наделили местом в конце коридора, в номере вместе со звездой из московского телешоу, с лицом «Хочу на пляж». Отчего-то Гризову показалось, что они не подружатся. В соседних с ней номерах расположились остальные телевизионщики из попсовой компании со всей своей аппаратурой.

Оказавшись в номере, где даже работал кондиционер, Гризов вдруг почувствовал себя усталым или уже ощутил начало акклиматизации. Так или иначе, единственным его желанием оказалось желание спать. Не обращая внимания на коллегу по работе, который стал тут же распаковывать свое барахлишко, Гризов швырнул сумку с драгоценным «Никоном» в угол, скинул ботинки, и, рухнув на кровать, мгновенно провалился в сон.

Когда он проснулся, Коли Быстрого рядом не было, видимо ушел в гости к соседям. Судя по доносившимся громким звукам и голосам из номеров, оккупированных экстремалами из еженедельника «Красная звезда», это были крепкие ребята, которые не вняли совету полковника Губанова и решили снизить влияние местного климата и ускорить процесс акклиматизации, сделав его незаметным для организма.

Антон осоловело уставился на часы: восемнадцать двадцать. До общего сбора оставалось еще почти полтора часа. Не имея больше желания валяться в номере, журналист решил рискнуть и для начала побродить вокруг отеля, далеко не забегая, чтобы начать постепенно вникать в местный колорит. Неделя не так много, пора начинать работать с места в карьер. Где и что искать, пока понятия не имел. Летел сюда без подготовки. Но надеялся, что профессиональное чутье само выведет его на сенсацию. Так уже бывало.

Гризов подтянул из угла свой рюкзак, аккуратно достал из него «Никон» и одежду. Поразмыслил, чтобы надеть. На улице стояла жара градусов под тридцать. Больше всего подходили случаю шорты и колониальная панамка, но журналист не знал точно, как отреагируют аборигены на шорты. Поэтому выбрал широкие самовентилируемые тренировочные штаны непонятно-серой расцветки, майку и поверх нее матерчатую жилетку фотографа. Если сегодня выживет на такой жаре, то завтра наденет шорты. На всякий случай взял сумку с фотоаппаратом. Зарядил пленку, мало ли что может произойти незапланированного.

Водрузив на голову колониальную панамку, журналист вышел в коридор и закрыл дверь. Ключ был почему-то один на двоих, поэтому придется сдать его толстому арабу за стойкой, иначе Коле Быстрому будет не попасть в номер. Не успев замкнуть за собой дверь, Антон услышал приглушенные шаги в конце коридора и развернулся. К нему на встречу шла блондинка из Самары.

– Решил прогуляться, не дожидаясь общего собрания и рекомендаций?

Гризов кивнул, разглядывая девушку, которая тоже была одета в летнюю «походную» одежду: песочные матерчатые брюки, однотонная рубашка с карманами, солнцезащитные очки. На плече сумка, в которой вполне могла поместиться камера и диктофон.

– Да ты, как я вижу, тоже не в бассейн собралась? Ни купальника, ни полотенца. Хочешь, прогуляемся немного вместе. Расскажешь мне еще о здешних достопримечательностях. Да и к тому же одинокая белая женщина, гуляя по Багдаду, неизбежно привлечет внимание страстных арабов. А так сойдем за парочку туристов-экстремалов, никто и не примет нас за журналистов.

Блондинка тряхнула стриженной челкой.

– Почему бы и нет, но только, – она указала на бэдж с крупной надписью «ПРЕССА», который Гризов автоматически прикрепил к своей жилетке, – так нас скорее примут за парочку журналистов-экстремалов.

Антон отцепил бэдж и сунул его в карман жилетки.

– Придется рискнуть и выдать себя за местного жителя. Хотя они, по-моему, без автомата Калашникова на улицу не выходят.

– Ну, тогда договорились. Пойдем, я покажу тебе местный рынок. Знаменитый на Ближнем Востоке рынок Аль-Казимия.

Оставив ключи на стойке, они вдвоем покинули отель и нырнули в боковую улочку. На

ней им не встретилось ни одного человека. Недалеко впереди короткая улочка упиралась в другое высотное здание.

– Мы действительно живем неподалеку от другой гостиницы «Аль-Рашид», как и говорил полковник Губанов, – сказала Наталья, указав на высотное здание, – это она и есть.

Гризов молча шагал рядом своей спутницей, рассматривая обшарпанные стены древней столицы мира. Очень скоро короткая улица закончилась и, повернув на право, они оказались на небольшой площади у подножия высотной гостиницы «Аль-Рашид». Здесь, по сравнению с только что пройденной пустынной улочкой, кипела жизнь. Стояло несколько лотков с фруктами и даже один торговец газетами.

Засмотревшись на этот пейзаж, Гризов споткнулся о какой-то завал из камней на дороге и вспомнил, что еще недавно здесь гремели артиллерийские залпы и падали с неба ракеты. Разрушения виднелись по всюду, так что следовало смотреть под ноги, чтобы сохранить голову.

Патрулей пока не попадалось, только несколько задумчивых иракцев, проводивших странно одетых путников мутными от жары взглядами. Гостиница стояла на пересечении двух улиц. Свернув на право, Наталья продолжила экскурсию.

– В конце Рашид-стрит, на которой стоит гостиница, попадаешь в огромный людской муравейник. Он шумит, движется, источает мириады запахов. Это и есть настоящий восточный рынок...

Фраза показалась Гризову немного заученной, но Антон не стал уточнять, не работала ли Наталья экскурсоводом до того как стать журналистом.

Тем временем они достигли этого самого муравейника. На большой площади, обрамленной несколькими полуразрушенными домами, действительно толпилась добрая сотня человек и, разложив свой нехитрый товар прямо на камнях мостовой, торговала, не смотря ни на что. Гризов посещал подобные места в Турции и, честно говоря, там они провели на него странное впечатление. Он ожидал увидеть орущую, рвущую на части толпу жадных до денег торговцев, но был сильно удивлен. Турки торговали как-то интеллигентно. Нет, конечно, свой товар предлагали всем, кто проходил мимо, не молча ожидали. Но товар был стоящий, а если ты что-то брал, даже немного, тебе обязательно дарили что-то сверху. Либо гроздь винограда, либо пару бананов. И всегда доброжелательно улыбались. Не хитро, а именно доброжелательно. Если ты что-то купил даже один раз, – ты уже лучший друг торговца. Придешь снова, дадут больше. Закон восточной торговли. И это было чертовски приятно. Хотелось самому снять с себя последнюю рубашку, ведь силой ее никто не отбирал.

Все это сильно контрастировало с базарами в России, где хамство и наглость большинства восточных товарищей было всегда на первом плане. После того, как он увидел базар там и базар здесь, в голову Гризова пробралась странная мысль: «А не после общения с нами, они стали вести себя так на наших базарах?». Верить в это очень не хотелось, но факты были на лицо.

Осмотрев полуразрушенный рынок, Гризов решил, что знаменитый на Ближнем Востоке рынок Аль-Казимия сильно пострадал от налетов американской авиации и теперь выглядел довольно жалко. Торговали преимущественно едой и одеждой. Кроме того, выделялась явная группа мародеров, торговавшая таким несусветным набором вещей, что с первого взгляда было видно, что это не профессиональные торговцы, а желающие нагреться на чужой беде. Здесь были и ношенные тапки с бубенцами, ложки, посуда, телевизоры, магнитофоны, зажигалки, детские игрушки, позолоченные подсвечники и различные украшения.

– Среди лавок со старинными персидскими коврами и дешевой посудой, можно найти все, вплоть до батареек и вездесущих китайских рубашек, – продолжала играть роль гида белокурая Наталья, на которую торговцы таращились во все глаза, даже забывая про свой товар.

Местный колорит начал действовать, вкупе с восхищенными взглядами торговцев на блондинку. Гризову даже показалось, что он мгновенно перенесся в древний Багдад.

Настолько древний, что точно было не понять какое было время на дворе. То ли время владычества Александра Македонского, то ли Персидского царства, то ли вообще времена строительства зиккуратов и пресловутой Вавилонской башни, с которой и началось смешение языков. То есть, с того момента, как люди перестали понимать друг друга.

Стоя посреди этого рынка Гризов вдруг на секунду ощутил дыхание веков. Несмотря на многие современные постройки, зачастую нелепо смотревшиеся рядом со старыми, древность здесь была повсюду. Она была и слева и справа, и даже на камнях под подошвами сандалий журналиста Антона Гризова. Ведь по этим камням кто только не шагал: и воины Александра Великого, и персы, и римляне. И даже те, кого Гризову было даже не представить: ассирийцы и прародители всей цивилизации шумеры. Конечно, Багдада тогда еще не было, но обитали эти древние народы где-то рядом и уж в здешних местах бывали точно.

– Пойдем дальше, – Гризов взял за руку Наталью, оторвав ее от разглядывания какой-то безделушки, и к неудовольствию торговца увел с рынка, – что такое рынок, я представляю, хочу посмотреть, что тут есть еще.

Покинув площадь, они вышли на перекресток двух широких улиц, названия которых Наталья, к сожалению не знала. К удивлению журналистов здесь было довольно оживленно. В самом центре перекрестка, перегородив движение, стоял американский танк «Абрамс». Название этого танка всегда вызывало у Гризова странные ассоциации. С тех пор как он услышал впервые это название, ему хотелось узнать, сколько именно денег израильское сообщество тайно вложило в производство танка «Абрамс».

Рядом с танком стояло две бронемшины «Хаммер», вокруг которых сгрудилось не меньше дюжины американских пехотинцев с винтовками «М-16» наперевес. Широким кольцом, охватывая всю эту броневую мощь, колыхалось пестрое людское море. Целая толпа народу перегородила улицу, не пропуская через нее две легковые машины типа «Форд-Мондео» с номерами американского оккупационного командования. Люди размахивали транспарантами, на которых было написано по-английски «НЕТ ВОЙНЕ», «ЖЕНЩИНЫ ЗА МИР» ПРОТИВ ВОЙНЫ» и что-то еще. Присмотревшись, Гризов разглядел, что всю митингующую в центре иракской столицы толпу составляли женщины. Причем, с виду исключительно европейские женщины. Что здесь делает такая толпа европейских женщин, Антону было пока не понятно, но ситуация уже подходила под определение «материал». Гризов и Наталья, мгновенно оценив эту ситуацию, переглянулись и поняли друг друга без слов. В глазах у обоих словно загорелась надпись «Работаем». Все мысли о простой прогулке улетучились.

– Кто это, ты часом не знаешь? – уточнил Гризов у всезнающей коллеги.

– Я слышала, что среди приезжих американцев особую активность в Багдаде в последние дни перед войной развила организация Women for peace. Представительницы антивоенных групп из разных районов США расставляют свои пикеты на самых оживленных магистралях Багдада. Может это они?

– Задержались до окончания войны? Похоже на то, – кивнул Гризов, доставая свой «Никон» из сумки, – Дома, видно, совсем делать нечего. А что же они бастуют здесь, а не в Америке перед Белым Домом?

– Они заявляют, что бастуют против войны вообще, а не против президента Буша, поэтому дома они пикетов не устраивают.

У Гризова чуть не сорвалось с языка «Глупые бабы», но, глянув мельком на Наталью, он сдержался. Жизненный опыт уже подсказывал ему, что не все бабы на свете были глупыми. Иногда попадались и поумнее мужиков, и бизнесом рулить и машиной управлять, но глубинной сути проблемы между полами это все равно решить не могло.

Журналисты разошлись в разные концы площади с целью взять интервью у участников антивоенной манифестации. Уговорились встретиться здесь же, в начале улицы ведущей к рынку Аль-Казимия.

Антон сделал несколько общих снимков, не привлекая внимания американских

карателей. Убрал фотокамеру в сумку. Затем приблизился к одной из этих «освобожденных женщин запада», представился, показал свою аккредитацию и спросил, почему они здесь и чего добиваются. Его объектом оказалась некая Сара из штата Кентукки, полная брюнетка в шортах. Увидев журналиста, понимающего по-английски, она пришла в восторг и, чуть не выронив транспарант с надписью «ЖЕНЩИНЫ НЕ ЛЮБЯТ ВОЕВАТЬ», с которой Гризов готов был поспорить, радостно залепетала в подставленный диктофон:

– Мы из Америки. Мы активисты движения «ЖЕНЩИНЫ ЗА МИР» и это значит, что мы против войны. Да, мы знаем, что у многих иракцев аллергия на все американское. Но мы хотим доказать, что не все американцы разделяют агрессивные настроения! Мы решили приехать сюда и создать живой щит из иностранных граждан, прибывших добровольно в Ирак.

– Благородная миссия, – уточнил Гризов, – Простите, а почему тогда вы не устраиваете пикетов перед Белым Домом, ведь источник войны находится там? И, кроме того, война уже закончена. Ирак захвачен.

Сара подозрительно осмотрела журналиста, и уточнила:

– Вы поляк?

– Нет, я румын, – соврал Гризов.

– А где это?

– Недалеко от северного полюса, – развил тему Гризов и надавил на жалость, – У нас постоянные войны, не хватает еды, так что мы знаем, что такое борьба за мир и как дорого обходится демократия.

Сара немного успокоилась.

Глава шестая. «Случайный свидетель»

Несколько секунд она старательно думала, а затем все же произнесла в ответ на вопрос:

– Мы не пикетируем Белый Дом, потому что поддерживаем политику Джорджа Буша и доверяем нашему президенту. У него сейчас самый высокий рейтинг на планете.

– Пардон, – уточнил Гризов – у товарища Усамы Бен Ладена рейтинг в планетарном масштабе не ниже.

Сара даже передернуло от такого сравнения. Подыскивая достойный ответ журналисту, она замолчала на мгновение.

– Тогда что же выделаете здесь в оккупированном Ираке? – воспользовавшись заминкой, уточнил Антон и кивнул на машины американского командования по-прежнему окруженные толпой митингующих женщин с плакатами, – почему мешаете своим доблестным солдатам выполнять великую миссию?

– Мы выступаем против войны, – едва ли не выкрикнула в подставленный диктофон Сара, словно поражаясь непонятливости журналиста, которому надо все повторять по два раза, а потом добавила, понизив голос, – Солдаты США боялись во время войны стать бесплодными от химического оружия Хусейна и радиации, а потому заранее замораживали свою сперму. Мы хотим иметь здоровое потомство. Мы хотим, чтобы солдаты быстрее вернулись домой к своим семьям.

– Ах, вот оно что, – кивнул Гризов, и его понесло, – теперь понятно, зачем вы здесь. А то, что ваши солдаты-оккупанты своим высокоточным оружием убили сотни тысяч мирных людей в Ираке, которые уже никогда не смогут вернуться к своим семьям, это вас особенно не волнует? Оружия ведь так и не нашли. Зато у них уже никогда не будет потомства.

Гризов перевел дух, убрал диктофон от лица американки и продолжил.

– Что же, получается, зря приехали, зря положили столько народа? Нет не зря: нефть захвачена, новейшее оружие испытано, дело сделано. Так что ваш президент со своим рейтингом может спать спокойно. Пока.

Толстая брюнетка Сара ошарашено пролепетала:

– Но ведь мы выступаем против войны, а не президента...

– Дура, это всегда одно и то же.

Сара потеряла дар речи.

– Да пошла ты к черту, – рявкнул на нее Гризов окончательно разозлившись, – и скажи своим солдатам, чтобы дома сидели, а то никакой спермы не хватит.

Он развернулся и пошел к дальней оконечности площади, где договорился встретиться с Натальей. Пробираясь сквозь толпу митингующих от скуки домохозяек, Антон разыскивал ее глазами и скоро нашел. Наталья стояла в пяти метрах от крайнего «Абрамса», окруженная плотным кольцом американок, беседуя с одной из активисток движения «ЖЕНЩИНЫ ЗА МИР», которая яростно жестикулировала. Время от времени, она показывала солдатам охранения сжатый кулак с одним поднятым пальцем, что должно было означать английское слово из трех букв.

Солдаты, поначалу довольно лениво реагировали на выступления активисток, видимо, дома насмотрелись, ограничиваясь тем, что оттесняли их винтовками подальше от автомашин, пытаясь обеспечить проезд. Но потом, один из них, сержант, резко подошел к буянившей американке в джинсовой куртке, рядом с которой находилась Наталья, и толкнул ее прикладом в плечо. Американка мгновенно озверела от такого нарушения ее демократических прав и свобод, схватилась за ствол солдатской винтовки «М-16», и стала дергать ее из стороны в сторону, стараясь отобрать оружие у солдата. При этом она орала на весь Багдад «Пи-и-и-с!!!», «Пи-и-и-с!!!».

Гризов, повинуясь чутью журналиста, выхватил из сумки верный «Никон» и сделал несколько кадров потасовки. Наблюдая в объектив за происходящим, он вдруг увидел нечто странное. То, к чему, несмотря на весь свой экстремальный опыт, никогда не бывал готов. Раздался сухой щелчок выстрела, затем он повторился еще несколько раз. Американка отпустила дуло винтовки, недоверчиво глядя на солдата, – у нее спине расплывалось широкое багровое пятно, которое было видно невооруженным глазом даже на джинсовой куртке. Женщина постояла несколько секунд, словно не веря, что это могло с ней произойти. Рухнула на колени и завалилась на бок, прямо под ноги американскому сержанту, у которого пыталась вырвать оружие.

Гризов автоматически снял эту сцену и вдруг заметил, что убита не только эта активистка. Под ногами американского сержанта, сжимавшего свою винтовку так, словно у него ее все еще пытались вырвать из рук, нелепо раскинув руки, лежало еще два трупа, которые тоже попали в кадр. И в одном из них Гризов мгновенно узнал свою спутницу, у которой вся грудь была в крови. Первым движением его было подбежать к Наталье, может, еще жива. Но американская армия уже заинтересовалась, человеком с камерой, стоявшим в тридцати метрах от места неожиданной трагедии. Этот человек снял все на пленку, а значит, теперь мировое общество могло узнать, как американские солдаты во имя нефти убивают американских женщин. Узнать правду. Американская армия этого не могла допустить. Выскочивший из-за спины своих солдат капитан, командовавший этим постом, указал на Гризова рукой и пятеро солдат, отделившись от «Хаммера», ринулись к нему, с яростью разгоняя активисток.

Сам Гризов несколько секунд был словно парализован. Наталью только что на его глазах глупо, нелепо убили. И все из-за того, что ему взбрело в голову прогуляться по Багдаду и взять ее с собой в качестве гида. Прогулялись. В памяти всплыло гадкое чувство, возникшее после бомбардировки неизвестными самолетами мотеля в Репино, где погибла Леля. Все, кого он тянул развлекаться, погибали рядом с ним.

Однако с рефлексией пора было кончать. Как в тумане Гризов видел пробиравшихся к нему американских солдат сквозь поднявших вой активисток, которые кричали, били их кулаками и даже пытались вцепиться зубами. Сержант, тот самый, что случайно убил трех женщин, был впереди всех. Гризов даже мог рассмотреть его лицо, скуластое, тупое и по-детски наивное, как у большинства счастливых американцев. Поняв дуло винтовки вверх, сержант дал очередь в воздух, чтобы охладить разъяренную толпу. Это подействовало. Женщины стали расступаться, а солдаты еще яростнее устремились вперед.

И тут Гризов отчетливо понял, что если не очнется и не сделает что-нибудь, через несколько секунд его схватят, закуют в наручники и увезут в неизвестном направлении. И тогда его могут просто не найти.

Антон встряхнулся и первым делом, не двигаясь с места, вскинул камеру, сделав еще несколько снимков пробиравшихся сквозь толпу солдат. Этим он вызвал приступ ярости у них, и у тех, кто, наблюдая за потасовкой, вышел из машин американского командования. Несколько офицеров в парадной форме с погонами, на которых из-за расстояния Гризов не мог разобрать знаков различия, стояли, прячась от толпы за машинами, и неотрывно наблюдали за происходящим. Скорее всего, это были генералы, почему-то подумалось журналисту. Антон встретился с одним из генералов взглядом. Их разделяла толпа, но Гризов ощутил в этом взгляде дикий страх и понял, то обречен. Американцы его будут искать, пока не найдут. И, если он не убежит сейчас, то найдут, очень быстро. Ближайшие солдаты находились уже не более чем в десяти метрах.

Журналист бросил последний взгляд на толпу, пытаясь отыскать место, где лежала убитая (а может еще живая?) Наталья, но перед глазами все смешалось. На площади царила паника: активистки орали, махали лозунгами, солдаты самой демократической в мире страны грубо отталкивали их прикладами, пытаясь достать того, кто за одну минуту вдруг стал угрозой американской демократии. И Антон побежал, на ходу запихивая бесценную камеру в сумку. Побежал обратно к рынку Аль-Казимия, пытаясь достичь Рашид-стрит, по маршруту который только что проделал вместе с Натальей.

Оказавшись посреди шумящего рынка, Гризов впервые обернулся. Взвод солдат в главе с сержантом, убившим трех женщин, уже стучал подошвами грубых ботинок по древним камням, втягиваясь вслед за ним на рынок. Сержант очень хотел поймать Гризова, от этого теперь зависела вся его карьера и, возможно, жизнь. И тут Антон, сделал то, чего не ожидал от себя сам. Видно сработал рефлекс уходящего от погони. Он на ходу схватился за шест, на котором держалась палатка торговца всякой кухонной утварью, и дернул за него изо всех сил. Палатка рухнула в центральный проход, со звоном покатила под ноги металлические блюда, причудливого вида кастрюли, изогнутые вилки и ложки. Торговец с гневом выбрался из-под накрывшей его ткани, поминая Аллаха и посылая Гризова ко всем чертям. Но журналисту этого показалось мало, он дернул за опору следующей попавшейся на пути палатки и уронил на древние булыжники мостовой деревянный стеллаж с глиняной посудой. Глина полопалась с глухим треском, усеяв битыми черепками весь проход. Престарелый бородатый торговец воздел руки к небу, призывая Аллаха покарать неверного, обрушить на его голову вес мыслимые кары. Но журналист не обратил на это никакого внимания. Не до того было.

Пробежав метров пятьдесят, он опять обернулся. Сработало. В центре рынка образовался затор, который американские солдаты не смогли проскочить с ходу. Торговцы подняли такой вой, что недавняя потасовка с американскими защитниками мира показалась солдатам детским лепетом. Два торговца, лавки которых Гризов разрушил на ходу, теперь ползали по камням мостовой и подбирали свой поврежденный товар. Горшечнику собирать было почти нечего. Гризов испытал раскаяние, в мирной жизни, он никогда бы не стал ломать чужие произведения, но когда за тобой гонятся поборники демократии, выбирать не приходилось.

Однако радоваться было рано: журналист преодолел еще не весь рынок. Оставалось метров двадцать. И расположившиеся на оставшихся рядах торговцы поношенной одеждой, увидев, что Гризов натворил с лавками их соплеменников из торгового братства, были настроены воинственно. Несколько человек двинулись к проходу, задумав поймать Гризова, а там что будет неизвестно. Либо сами растерзают, либо отдадут оккупационным войскам. Пришлось действовать быстро. Антон рванулся вперед, пока ему окончательно не преградили выход, но несколько бородатых арабов уже стояли на его пути. Не задумываясь о последствиях, Антон с ходу засадил одному из торговцев ногой в пах, временно выключив из разборок. Другой был более мосластым и держал в руках палку, которой больно ударил

Гризова по плечу.

– Ах ты, скотина, – взвыл Антон, и куда только улетучилось уважение к восточным базарам, – Ну, погоди у меня, торгаши проклятые. Нэпманы недобитые.

Он увернулся от второго удара, подскочил поближе и со всего маху вмазал арабу кулаком в нос. В момент соприкосновения кулака и носа что-то хрустнуло. У араба потекла ручьем кровь. Гризов оттолкнул его в сторону и приготовился схлестнуться с третьим торговцем, которого видел раньше на пути. Но, третий оказался благоразумным торговцем и, увидев, что дело приняло крутой оборот, смылся от греха подальше. Свой товар ближе к телу, чем чужой.

Гризов покрутил головой: впереди больше никого не было. Путь на Рашид-стрит был свободен.

– Вот так-то, – рявкнул он, глядя на застывших в раздумьях торговцев, – не стой на пути у разъяренных журналистов. Хуже будет.

На прощанье он завалил еще пару лавок и выбрался на пустынную улицу, которая вела к отелю «Аль-Рашид». В этот момент за спиной послышались выстрелы. Бросив косой взгляд назад, журналист увидел, что это американцы, отчаявшись пробиться сквозь возникший затор из разъяренных торговцев и видя, что объект уходит, стали палить в воздух, разгоняя народ. Но у них на пути был второй завал, значит, пара минут еще есть.

Прижав сумку с фотокамерой к себе посильнее, словно нес слиток золота, Антон побежал, что было сил по Рашид-стрит, и скоро оказался на площади у отеля. Тут его ждало новое разочарование. У входа в отель стоял патруль из трех американских солдат, которые проверяли на благонадежность лотки у отеля. Рядом припарковался «Хаммер» с пулеметной турелью. За пулеметом скучал американский морской пехотинец.

Антон хотел незаметно проскочить пост, однако выстрелы за его спиной привлекли внимание американцев. Сержант, командовавший патрулем, сделал знак прекратить досмотр торговцев и впился глазами в Гризова, который, вылетев на относительно пустынную площадь перед отелем, ощутил себя как одетый в шубу лесоруб на пляже. С одной стороны оружия в руках у него не было, но пускаться в объяснения с патрулем не имело никакого смысла. Минута-другая и объяснять ничего уже не придется, подоспеют солдаты с рынка. В голове противно застучало «Что делать?». Узенькая улочка с обшарпанными стенами, которая соединяла два отеля «Аль-Рашид» и родной «Мухафаз» находилась всего в двадцати метрах слева. Американцы в ста справа. И Гризов инстинктивно бросился знакомой дорогой, едва не закрыв глаза. Другого пути он все равно не знал.

А когда достиг ее, свернув за угол, сообразившие что к чему американцы открыли огонь. С мягким чавканьем, входя в рыхлые от времени стены, засвистели над головой пули.

«Это «М-16», по звуку определил Гризов, пригнувшись и лихорадочно прислушиваясь, пулемет еще не пускали в дело. Он за секунду осмотрелся, улица была очень узкой. Такой мастодонт, как «Хаммер» здесь не пройдет. Значит надо давать деру, может еще и будет шанс уцелеть. Гризов бросился вперед, стараясь не думать, что будет, если американские морпехи втянутся на улочку, а он не успеет добежать до конца. Вся улица простреливалась легко, только по краям стояло несколько мусорных баков, что для Багдада было большим прогрессом в области гигиены. Антон на бегу стал инстинктивно менять курс, от одной стены к другой, прячась за бачками, и успел-таки добежать до конца улочки, когда раздались первые выстрелы.

Гризов упал на грязные камни, прополз несколько метров и оказался за углом. Там он вскочил, по привычке отряхнулся и, не раздумывая, побежал в отель, хотя понимал, что более глупого решения не принимал за свою жизнь. Утешал себя он только тем, что в отеле сейчас должна была как раз проходить последняя раздача инструкций полковником Губановым, который мог помочь. Все равно обращаться за помощью было больше не к кому, да и о смерти Натальи коллеги должны были узнать. Американцы ненавидят чужую прессу, но и бояться ее по привычке. Убийство журналистки из Самары не должно им сойти с рук, как и убийство своих женщин.

Вбежав в холл, журналист всем телом ощутил прохладу работающего кондиционера. Он бросил взгляд на дремавшего за стойкой араба «Слышал выстрелы, или еще нет»? У Гризова было не больше минуты. Приблизившись, Антон хлопнул ладонью по стойке и, глядя на араба, спросил по-английски:

– Конференц-холл?

Араб ткнул пальцев в сторону стеклянной двери, видневшейся в дальнем конце холла гостиницы. Гризов кивнул в знак понимания и быстро пошел, почти побежал туда. Распахнув дверь, он оказался среди своих. Журналисты сидели за длинным столом в уютном зале, потягивая стоявший перед ними сок. Полковник Губанов, что-то вещавший своим басом, даже остановился на полуслове и поприветствовал журналиста.

– Я же сказал не опаздывать, Гризов. Где вы шлепались в первый день в столице оккупированной страны? И где Наталья из Самары, ее, кстати, тоже нет. Не видели ее, случайно?

– Видел, – выдохнул Гризов, – ее только что убили американцы. На перекрестке недалеко отсюда, за рынком. Я случайно все заснял.

Гризов чуть приподнял фотокамеру, как бы в доказательство своих слов. Журналисты перестали записывать и все, как один, обернулись в сторону вошедшего. Антон сделал несколько шагов к полковнику.

– За мной гонятся американские солдаты. Через минуту будут здесь. Помогите.

Полковник Губанов понял, что Гризов не шутит, по его оборванным штанам и грязной майке все хорошо читалось и без слов. Губанов нахмурился.

– Говорил же я, мать твою, не шатайся по Багдаду в одиночку...И девчонку вот загубил, почему зря.

Антон нервно дернулся, время уходило. Но Губанов не медлил зря. Уже через секунду, приняв решение, он вдруг сказал, обращаясь к кому-то из сидевших за столом:

– Ребята, спрячьте его пока у себя в номере. Как обойдется, переправьте в посольство.

Трое журналистов из «Красной звезды» встали из-за стола и направились к выходу.

– А если не обойдется? – уточнил один из них на ходу.

– Тогда прорывайтесь к посольству сразу же, – ответил Губанов, я сейчас свяжусь с ними, – в общем, по обстановке.

Обращаясь к оставшимся журналистам, Губанов сказал:

– Видите, какая петрушка получается. Все быстро расходится по своим номерам и оттуда ни на шаг. Я постараюсь задержать американцев, но это вряд ли выйдет. Если уже поднялась стрельба, то сейчас они будут ставить на уши весь отель, если решат, что он здесь. Если что, – сами понимаете, никому не слова. Никого не видели, Гризова не знаете. Вы, – журналисты, свободная пресса. Вот сейчас и проверим ваше журналистское братство. Все разговоры и вопросы потом, прошу понять.

Народ загомонил, но быстро разошелся по номерам. Первый день в Багдаде подходил к концу и принес им уже немало впечатлений.

«Где же американцы, – думал Антон, шагая по лестнице за добровольными помощниками полковника Губанова, – может, мимо прошли, меня не заметили?»

Но в этот момент снизу раздалось до боли знакомое «Гоу, гоу, гоу!!!» и холл отеля «Мухафаз» наполнился топотом тяжелых армейских ботинок. Гризову даже показалось, что он услышал рев нескольких моторов во дворе, словно ко входу в отель с причудливой вязью на вывеске, подкатило сразу несколько «Хаммеров».

– Давай быстрее, – подтолкнул его шедший сзади парень, которого друзья звали Иван Петрович.

Гризов зашагал еще быстрее, почти побежал за двумя маячившими впереди спинами остальных журналистов из «Красной звезды», которые уже свернули за угол на третьем этаже. Все остальные журналисты плотной группой быстро передвигались по узкой лестнице за спиной Ивана Петровича и рассасывались по мере достижения своих номеров.

Гризов достиг двери в комнату коллег из «Красной звезды» в тот момент, когда по

лестнице застучали ботинки американских морпехов. Он даже остановился на секунду, словно хотел запечатлеть их прибытие, но его кто-то с силой схватил за жилетку и втянул в номер. Это был второй крепко сбитый журналист, как припомнил Гризов звали его Костяном, то есть Костей.

Костян плотно затворил дверь, закрыл ее на замок и повернулся к Антону. За его спиной Иван Петрович и третий, имени которого Гризов не помнил, зачем то вышвыривали все из огромного шкафа-купе, стоявшего у стены.

– Слушай сюда и не перебивай, – сообщил Костян, – там, в шкафу, лаз в номер, что внизу под нами. Ты полезешь в шкаф, и будешь ждать, сигнал. Как только американцы захотят посмотреть, как мы тут живем, Иван Петрович стукнет по стенке дверцы, и ты просочишься вниз, плотненько закрыв за собой люк. Попадешь в такой же шкаф. Голуаз, то бишь, Гоша, уже там.

Гризов осмотрел мельком номер, но действительно не заметил третьего.

– Если американцы будут смотреть нижний номер, Голуаз тебе стукнет, и ты полезешь еще ниже на первый этаж. Попадешь в подвал. А там уже сиди тихо и не рыпайся, пока кто-нибудь тебя не достанет оттуда. Понял?

Гризов кивнул, но ни хрена не понял. Какие-то странные получались коллеги с потайными ходами из номеров. Шутят они, что ли, в такую минуту? Ну, шкаф так шкаф, хотя каратели в первую очередь искать будут именно там.

– А что будет, если...

Он не успел договорить, рядом с входной дверью протопало несколько пар американских ботинок и остановилось. Солдаты приблизились к двери. «Лук хиа»! – раздалось за дверью, в которую мгновенно забарабанили кулаки. Журналисты из «Красной звезды» напряглись.

– Все, – шепотом проговорил Костян, – вали в шкаф и чтоб тихо там.

И, обращаясь к двери, крикнул.

– Джаст э момент, плиз. Сейчас, сейчас!!!

Гризов молча повиновался, вспомнив о пулях, что еще недавно свистели над его головой. В шкафу было почти пусто: висело только несколько пиджаков и рубашек. Да еще стоял матерчатый чемодан с походной сумкой, так что Гризов смог свободно разместиться на корточках. Но то, что он увидел, его озадачило. Костян не обманул. В правом углу шкафа отчетливо виднелся узкий лаз, уводивший вниз по едва различимой лестнице. Все это Гризов успел заметить, пока за ним не захлопнулась дверь. Вспомнив об инструкциях Костяна, он нащупал лестницу и аккуратно спустился по ней на три ступеньки, чтобы в случае чего прыгнуть вниз и захлопнуть за собой крышку. Затаился.

В комнате наверху открылась дверь, и внутрь ворвались американские пехотинцы. Послышался грохот переворачиваемой мебели, нечленораздельные звуки, агрессивные вопли на английском, а спустя секунд тридцать, которые Гризову показались вечностью, он разобрал отчетливый стук в дверь шкафа. И мгновенно провалился вниз еще на пару ступенек, едва успев затворить за собой деревянную крышку люка, на которую тут же упало что-то мягкое сверху. То ли чемодан, то ли сумка. Теперь он оказался в таком же шкафу, но на один этаж ниже. Люк на ощупь имел второе дно, которое Гризов также приподнял за собой, отделившись второй перегородкой от верхнего этажа.

Антон прислушался. Наверху пошумели еще какое-то время, но, видимо удовлетворившись отсутствием в номере человека, похожего на Антона Гризова и ушли искать его в других номерах, переломав всю мебель. Стрельбы не было. Гризов уже было собрался ползти обратно, но вспомнил, что Костян не велел. Нужно было ждать сигнала от третьего журналиста по кличке Голуаз, который должен был находится здесь, прямо за дверью. Так может выйти? Антон тихо поскребся в дверь.

– Сиди тихо и молча, – тут же отозвался Голуаз, стоявший, как оказалось, рядом с дверью, – жди, пока не вынут. Еще рано.

Антону пришлось смириться со своим положением пленника в темном шкафу с

потайным ходом. Но, уж лучше так, чем в застенке у поборников демократии или вообще в гробу. Так еще оставалась надежда на спасение. От нечего делать Гризов стал размышлять о происходящем и пришел к выводу, что ребята из «Красной звезды» довольно странные. Судя по тем шкафам, которые он успел осмотреть, это были ОЧЕНЬ странные журналисты. Он даже был готов поспорить, что они вовсе не журналисты, а какие-то разведчики или спецназовцы. Только вот, что они здесь делают. Воюют что ли? Но с кем? Мы с Америкой пока не воюем, хотя жаль. Но, тогда с кем?

В этот момент он услышал даже через дверь шкафа звук вышибаемой входной двери в номер. Американцы решили проверить и здесь. «А может, сдал кто? – пронеслось у Гризова в голове». Он уже даже не отдавал себе отчет, слышал ли он условный стук Голуза или нет, а просто провалился дальше вниз по лестнице. Это занятие начало становится для него уже привычным.

Едва он покинул шкаф, на втором этаже захлопнув люк над своей головой, как лестница сложилась на каких-то пружинах и поднялась к потолку, став его частью. Шкаф принял первозданный вид. Спускаясь вниз, Антон неожиданно потерял лестницу, она вдруг ушла из-под ног, и Гризов сорвался в темноту. Вскрикнув от испуга, он пролетел пару метров и мягко приземлился на какой-то тюфяк, ничего себе не сломав. Полежал с минуту, подождав, пока глаза станут различать малейший свет в крошечной темноте. Прислушался. Судя по давившей тишине и запахам, он находился в подвале отеля «Мухафаз», в камерке, наверняка, не обозначенной ни на одном плане.

Антон встал. Сделал три шага и уперся в стену. Стена была холодной и шершавой, под ногами скрипела бетонная крошка. Продвинувшись по стене на пару шагов правее, Гризов нашарил в темноте массивную железную дверь. Ручки не было. Но дверь, – это уже не плохо. Раз есть дверь, значит, за ней есть выход. И кто-то сюда входит и выходит. Вопрос только как часто. Костян сказал ждать. Голуаз тоже сказал ждать, пока не вынут. А если их там наверху уже порешили всех? Если вообще не вынут?

От этой мысли журналисту, замкнутому в камерке и окруженному тьмой, стало как-то не по себе. Он постарался прогнать ее. Минут через десять Антон уже почти освоился, но видеть лучше не стал. Никакого света не пробивалось из-за массивной двери, а окон здесь, похоже, отродясь не бывало. Оставалось только ждать. Гризов на ощупь обошел по периметру комнатку: пусто. Только на полу лежал какой-то тюфяк, на который он так удачно приземлился, упав с лестницы. С одной стороны тюфяк примыкал к стене. Антон сел на него сбоку и прислонился спиной к этой стене, так чтобы на него никто не упал сверху, если вдруг коллеги из «Красной звезды» задумают воспользоваться тем же путем.

Сколько времени он провел в этом бетонном колодце, было не ясно. Может час, может два. Никаких сигналов ему не подавали. Здесь под землей было не холодно, скорее сухо и душно, видимо местный климат давал о себе знать и в подземельях. Никаких крыс или других обитателей подземного царства Антон не учуял. Скоро Гризов задремал или впал в напряженное забытие, так, что и сам не понимал, спит он или грезит наяву.

Ему привиделся странный восточный сон: лунной ночью он стоял один на вершине песчаного холма. Отсюда, с вершины холма, при свете полной луны открывался сказочный вид на ночной город, неожиданно возникший внизу. Бесконечная крепостная стена опоясывала и охраняла собой сотни спящих зданий, завораживавших взгляд своей красотой. В лунном свете спали дворцы, увенчанные куполами. Повсюду возвышались многочисленные мечети. Но выше всех, из центра огромного города, неудержимой стрелой, стремился в небо изящный даже ночью, минарет. Его стены, закручиваясь спиралью, уходили в самое небо. Глядя сквозь эту дикую неземную красоту, Гризову показалось, что Наташа не умерла, а ушла в этот город. Она стояла сейчас у древних городских ворот и махала ему рукой, словно приглашая войти.

Когда журналист уже почти отчаялся и решил, что о нем забыли, он вдруг услышал легкий шорох за дверью и скрип открываемого засова. Затем лязгнул замок. Гризов напрягся, он ждал, что за дверью может оказаться кто угодно. Может быть, там стоит американский

пехотинец, готовый пустить ему пулю в лоб.

Массивная дверь медленно отворилась. В комнатку проник луч фонарика, осветив противоположный от Гризова угол.

– Эй, коллега, – позвали его знакомым голосом, – ты на месте?

На всякий случай Антон выдержал паузу. Луч, немного помедлив, двинулся влево. Прошелся по стене и уперся в лицо Гризову, который тут же зажмурился от яркого света.

– На месте, – сам себе ответил голос, принадлежавший, судя по всему, Костяну, и добавил, обращаясь к кому-то в темноту за своей спиной, – Заходи, ребята.

Глава седьмая. «Смерть мародерам»

В подземной комнатке объемом не больше, чем четыре квадратных метра, где и одному Гризову было не просторно, теперь стало вообще не продохнуть. После того, как туда втиснулись еще четыре человека.

«Странно, про себя вяло отметил Гризов, их же вроде было только трое» Поскольку светили только на него или вниз, то Антон еще не успел всех рассмотреть. Вошедшие расположились по стенам и остались стоять. Только Костян присел, встретившись взглядом с Антоном.

– Ну, что, не скучал без нас, – поинтересовался он ерническим тоном, – гроза американских морпехов?

– Чего так долго? – вместо ответа нахамил Гризов, – я уж думал вас там всех покрошили в мелкий винегрет те самые морпехи.

– Нас так просто не покрошить, – успокоил его Костян, – мы, – калачи тертые. А ты чего расселся, коллега. Собирайся, уходить пора.

Гризов окончательно вышел из транса. Мозг заработал с прежней силой.

– Куда уходить? Что там снаружи происходит?

Костян, видимо, бывший здесь за старшего, немного помолчал, размышляя. Гризов поймал себя на мысли, что впутался в какие-то шпионские страсти, и сейчас Костян как раз обдумывает, что ему можно сообщать, а что нет.

– В общем, так, коллега, – ты нас крепко подставил, засветил раньше времени, – подтвердил размышления журналиста Костян, – Кто мы и зачем здесь, тебе лучше не знать, а то нам придется тебя убить. Так что пожалеешь, что смылся от американцев. Те, еще может, пощадили бы, а мы нет. Не имеем возможности.

Гризов благоразумно молчал. Когда ты один в темной комнате, из которой нет выхода, наедине с четырьмя накаченными мужиками, намерения которых неизвестны, лучше помолчать. Пусть выговариваются.

– Но поскольку ты свой, русский, то, имеем приказ, вытащить тебя отсюда. Чей приказ, тебе тоже лучше не знать, а если по дороге попадем в заварушку, – ты нас не знаешь. Мы тебя захватили силой. Бог даст, сработает.

– Наталья точно погибла? – спросил Гризов, сглотнув слюну.

– Да, – кивнул Костян, – пуля на вылет в сердце. Моментальная смерть.

– А что с остальными было?

– Теми, что в отеле?

– Да.

Костян мотнул головой.

– Да ничего. Поставили всех лицом к стене. Обшмонали номера. Паре человек дали по морде. Тебя не нашли. Оружия тоже. Со злости разнесли в пух всю мебель. Демократия, брат. Но они не успокоятся, уж больно ты им насолил. Завтра снова облава будет. Или даже сегодня ночью. Так что некогда ждать у моря погоды. Поехали, будем пробираться в наше посольство. А оттуда спецрейсом домой. Фотокамера у тебя?

Гризов прижал аппарат к сердцу.

– Не бойсь, не отнимем, – успокоил Костян, – ты её береги. Теперь твоя жизнь и

будущее от этих фоток зависят. А может, и кое-что посерьезней, чем только твоя жизнь. Потеряешь камеру, – считай, Наталья зря погибла. Американцы сухими выйдут. Никому ничего не докажешь. Своим-то они глотки заткнут.

– Я хочу рассчитаться с ними, – зло выдохнул Гризов, – у вас оружие есть? Дайте мне пару гранат, я ночью забросаю какой-нибудь пост.

Костян ухмыльнулся.

– Не глупи. Ты, Тоха, журналист, твое дело правду рассказать. А наше дело тебя вытащить отсюда. Рассчитаться мы и без тебя сумеем. Не бойсь. На том и закончим. Пошли, а то уже ночь почти. Комендантский час скоро наступит.

Гризов поднялся и вышел вслед за «коллегами» из «Красной звезды», хотя в том, что это не журналисты, а какие-то диверсанты сомневаться теперь не приходилось. Из комнатухи, где Антон провел несколько часов, вел куда-то длинный, казалось, бесконечный, подземный ход. Стены его были бетонными, по ним уходили в темноту электрические кабели, что могло означать только то, что он строился специально, профессиональными строителями. Хотя, возможно, тайно от посторонних наблюдателей. Что это за ход и куда он вел, Гризова сейчас не волновало. Главное, что он уже не томился в замкнутом пространстве, а пришел в движение, хоть и по-прежнему в темноте.

Метров через пятьдесят центральный ствол разветвлялся на три хода, один из которых, видимо, вел в обратную сторону «Мухафаз». Но теперь все пятеро прошли мимо в неровном свете фонарика, который горел впереди как путеводная звезда. Гризов шагал, согнувшись вдвое, за Костяном, и отгонял мысли о том, что с ним будет дальше. Нет, он не давал себе слова, что если выпутается, впредь будет осторожнее в выборе маршрутов для прогулок. Для настоящего журналиста именно этот риск и составлял если не цель жизни, то непременною часть работы, без которой она становилось скучной и рутинной. Смерть Натальи, тем не менее, заставляла Гризова испытывать комплекс вины. Если бы, если бы...

Спустя минут двадцать впереди замаячил неровный свет. Поначалу Гризову показалось, что это обман зрения, но свет не пропадал. Скоро небольшой отряд вышел на освещенное место. Это была внутренность какого-то полуразрушенного ангара с большими проемами вместо окон под самой крышей. Повсюду был разбросан строительный мусор: сваи, металлические каркасы, станки, остовы сгоревших машин. Судя по всему, до войны здесь находился то ли склад мусора, то ли завод непонятного назначения в который угодила шальная ракета. В самом углу виднелся большой проем, в который мог проехать «Камаз». Туда и направился Костян, осторожно переступая ногами и прислушиваясь.

Только выйдя на освещенное место, Гризов смог внимательнее рассмотреть своих спутников, и больше всего был удивлен, когда узнал в четвертом своего соседа по номеру в отеле «Мухафаз» Колю Быстрого, якобы корреспондента «Московского вестника».

«Интересно, подумал Гризов, перешагивая через завалы строительного мусора, а из остальных участников спецрейса хоть кто-нибудь был настоящим журналистом кроме меня и Натальи, или все это прикрытие для какой-то неведомой миру операции?».

Антон даже отчетливо представил телевизионную девушку голой и со снайперской винтовкой в руках. Получалось эффектно. Но затем он поймал себя на мысли, что, на подобных внешних эффектах и строился весь Голливуд. Голая девица и винтовка были призваны внедрять в сознание людей сексуальность оружия. Хотя той же девице прижимать к обнаженной груди тяжеленную винтовку или даже замасленный пулемет было, по меньшей мере, холодно, а по большей не гигиенично. А что до профессиональных достоинств такого солдата, то и стрелять из положения лежа было не удобно, – все кругом грязное и колет в интимные места. А вот из положения стоя, пожалуй, можно. Есть даже эффект внезапного эротического гипноза, – жертва будет до последнего глазеть на своего убийцу.

Когда небольшой отряд приблизился к проему, Костян первым выглянул наружу и осмотрел подступы. Судя по его реакции, вокруг было спокойно. Остальные, один за другим, осторожно выбрались на открытое пространство. Костян стоял, спрятавшись за столбом, и внимательно всматривался в окружающее пространство. Патрули не показывались.

Гризов, пользуясь случаем, тоже осмотрелся. Ни отеля «Мухафаз», ни «Аль-Рашид» нигде не было видно. На улицы Багдада уже опустилась темнота, но эта темнота по сравнению с подземельем показалась Антону сейчас просто серым предзакатным отрезком времени, когда солнце еще посылает лучи из-за горизонта. Место, где они выбрались из подземелья, было небольшой площадью перед зданием. В него упиралась глухая узкая улочка. Чуть правее она дробилась еще на две таких же улицы. Кругом была масса подворотен и углов. Слепые окна мертвых зданий. Идеальное место для того, чтобы уходить от погони.

К своему тайному удивлению Антон не заметил у входа вездесущих «УАЗиков», с которыми, как ему казалось, экстремалы из «Красной звезды» просто не расставались. Но, видимо, на «УАЗиках» прошмыгнуть незаметно под носом у американских патрулей, которыми кишел ночной Багдад, было невозможно. Похоже, Костян рассчитывал обойти патрули морпехов огородами и по тихому приблизиться к посольству. Которое, по прикидкам Антона, находилось не менее чем в десяти кварталах отсюда. Впрочем, как он это будет делать, Гризов скоро сам увидит. Ждать оставалось не долго.

Костян махнул рукой, осторожно ступая по завалам, перебежал площадь и, легко запрыгнув в окно первого этажа, скрылся в ближайшем полуразрушенном здании. С виду оно походило на какое-то правительственное учреждение, или офисный центр. Вся группа, включая Гризова, короткими перебежками последовала за ним. Стекла во всех окнах были выбиты мощной взрывной волной. Здание снаружи сильно пострадало, но остов уцелел под бомбардировками. Внутри еще виднелись остатки былой роскоши: поломанные дорогие стулья и столы, опрокинутые шкафы с бумагами. Разбитая посуда. Скорее всего, раньше здесь размещался кабинет правительственного чиновника Ирака или директора местной ткацкой фабрики.

Подождав, пока все собрались в этой комнате, Костян молча двинулся дальше, вглубь здания. Шел без фонарика, боясь привлечь к себе ненужное внимание, только ему известным маршрутом. Остальные, словно тени, передвигались вслед за ним. Антон то и дело бросал короткие взгляды по сторонам: журналистское любопытство давало о себе знать. Все-таки не каждый день удастся выбраться на прогулку по захваченному американцами Багдаду, рискуя попасть под шквальный огонь патрулей. Романтика.

Так они шли минут пятнадцать, миновали множество коридоров и лестниц. Под ногами то и дело хрустели какие-то черепки и звенели железки непонятного назначения. Скоро они оказались в холле, и только здесь стало ясно, сколь огромно это здание на самом деле и куда они вообще попали. Сейчас они находились на втором этаже балкона, с которого открывался вид на огромный круглый холл, увенчанный уходящим в небо куполом. Вниз с балкона по двум сторонам спускались широкие лестницы, когда-то устланные персидскими коврами, остатки которых еще валялись на ней в виде грязных обрывков. Через каждые двадцать метров лестница была украшена статуями конных и пеших воинов, одетых в древние доспехи, которых Гризов в первые секунды, вздрогнув от неожиданности, принял за американцев. Сквозь окна-арки сюда просачивался неровный вечерний свет, создавая в этом замкнутом пространстве почти мистическое освещение. Сверху вниз из-под купола спускалась огромная витиеватая люстра на тысячи свечей. Глядя на ее массу, Антон удивился тому, как она не упала от ракетных ударов. Видимо не было прямого попадания в купол. Бог миловал.

— Где это мы? — не удержался от вопросов журналист, обращаясь к Костяну и ко всем разу.

Костян промолчал, но включил фонарик и посветил в сторону лестницы. Из мрака выплыла статуя какого-то грозного персидского воина, сидевшего на коне и потрясавшего копьем.

Неожиданно на вопрос ответил Коля Быстрый, который тоже с интересом рассматривал представшие перед ними в полумраке древности.

— В Багдаде находится знаменитый на весь мир музей древностей, где хранятся

богачейшие коллекции утвари, оружия и произведений искусства далеких предков современных обитателей Ирака. Всяких там шумеров, ассирийцев и вавилонян, жителей древнего Междуречья. Я о нем только слышал, но, может быть, это он и есть.

– Красота, – подтвердил Гризов, у которого постепенно проходила анестезия после преследования американских морпехов, и потянуло поговорить за жизнь, – А это точно музей древностей?

– А черт его знает, – ответил Коля Быстрый, неожиданно оказавшийся разговорчивым и знающим парнем, – Кроме него, в черте современного Багдада находятся развалины дворца иранских шахов из династии Сасанидов и медресе аль-Марджанийя. А также дворец аббасидского халифа Ан-Насыра, не говоря уже о многих мечетях и мавзолеях мусульманских святых.

– Да, – задумчиво протянул Антон, – Так, может, прогуляемся на экскурсию? Двери открыты, платить не надо.

Неожиданно, молчавший до той поры, Костян проговорил почти шепотом:

– А про морпехов, что тебя ищут, уже забыл? Если ты сюда на экскурсию приехал, тогда нечего было шататься по рынкам и американцев снимать в момент непреднамеренного убийства.

– Да я... – захотел оправдаться Гризов, но Костян предостерегающе поднял руку и выключил фонарик.

Далеко внизу на первом этаже из темноты донеслись отчетливые звуки: кто-то тащил что-то тяжелое по захлапленному полу багдадского музея и в полголоса чертыхался на арабском или одном из местных наречий. С такого расстояния было не разобрать.

– Не один ты на экскурсии по ночам ходишь, – прошептал Костян и сделал знак затаиться.

Гризов ни секунды не сомневался: они наткнулись на мародеров, желавших поживиться за счет государственной собственности, которая благодаря освободителям американцам сейчас никем не охранялась, а состояла почти сплошь из золота и серебра. Если все это выгодно толкнуть на мировом рынке, главное знать кому, то можно за день сколотить состояние. Его воспаленное воображение тотчас представило разбойника Хасана из «Али-Бабы» в исполнении Джигарханяна, который тащил на спине мешок с золотыми персидскими монетами, чтобы спрятать его за дверями казначейства «Сим-Сим».

Шум внизу усилился, судя по звукам, мародеров было несколько. Не меньше двух. Костян сделал знак оставаться на месте и не вмешиваться, чтобы не выдать себя. Но, когда мародеры подтащили украденное из музея барахлишко к самой лестнице и остановились, чтобы передохнуть, Гризов, повинаясь какому-то импульсу честности (вот оно, воспитание) вдруг вмешался в события.

Он сделал несколько шагов вперед, облокотился о массивные мраморные перила, и крикнул в темноту:

– Эй, а ну бросай награбленное, гады!!!

Внизу воцарилось молчание. «Мародеры пришли в замешательство, подумал Гризов, сейчас все бросят и уйдут». Но неожиданно снизу донеслось приглушенное и до боли знакомое:

– Фак!

Вслед за этим, ориентируясь по звуку голоса, в сторону местонахождения Антона полоснула автоматная очередь. Не ожидавший такого развития событий журналист-правдоискатель рухнул на пол и накрыл голову руками, спрятавшись за невысокими колоннами, из которых состояло ограждение центральной лестницы музея. Несколько пуль пролетело рядом, отколов от мраморных колонн мелкие куски камня.

– Ни хрена себе мародеры, – пробормотал Гризов, – неплохо их сейчас стали вооружать. Может это профессионалы?

Автоматная очередь прошла еще раз над головой Гризова. Стреляли мародеры не плохо, даже ориентируясь только по звуку голоса. «А может у них приборы ночного

видения? – пришла в голову журналиста странная мысль, – а что, сейчас весь технический прогресс работает не только на хороших людей, но и на негодяев. Циничное время. Мы делаем машины, но кто на них ездит нам плевать. Главное деньги».

В этот момент он уловил движение за своей спиной. Костян со товарищи, словно тени в ночи, проскользнули на несколько лестничных пролетов вниз и, сделав всего пару выстрелов, заставили мародеров заткнуться. Гризов, не веря своему счастью, осторожно поднялся и тоже побежал вниз.

Он уже был готов к тому, что сейчас увидит. В ярком луче фонарика картина выглядела достаточно четкой и недвусмысленной. Мраморный пол музея древностей был завален сейчас всякой грязью: битыми вазами, обломками кресел, кусками обвалившейся штукатурки. Под ногами сгрудившихся бойцов, а иначе Гризов их уже и не называл, между всем этим хламом, уткнувшись лицом в мешки с награбленным лежали два американских морпеха. На касках у них действительно были надеты приборы ночного видения. Под каждым из них растекалась лужа крови, казавшаяся сейчас почти черной.

Костян носком ботинка перевернул одного из них: это был негр.

– Хороший негр, мертвый негр, – попытался разрядить обстановку Гризов, – кроме того, он же мародер. Надо его тоже сфотографировать на будущее.

– Совесть меня не мучает, – ответил ему Костян, – но, они наверняка здесь не одни. А из-за тебя, журналист-правдоруб, мы опять можем засветиться раньше времени. Столько шума наделали.

Гризов виновато замолчал. И тут, словно подтверждая слова Костяна, из дальнего темного угла раздался вопль «Факин эрабс!!!», а затем полоснула резкая автоматная очередь. Кто-то из бойцов упал, вскрикнув.

Остальные бросились врассыпную. Костян толкнул зазевавшегося Гризова на пол. А сам, отскочив в сторону, несколько раз выстрелил из пистолета в направлении прятавшегося в углу морпеха. Гризов упал, больно ударившись о мешок с награбленным, в котором что-то звякнуло. Судя по жесткости, там были какие-то блюда, кувшины и наверняка всякая мелочь типа золотых монет.

Спрятавшись за мешком, Гризов почему-то думал об убитом негре, который лежал сейчас с другой стороны мешка, и о том, сколько людей гибнет за этот презренный металл. Перестрелка на время затихла, но вдруг новая очередь из угла прошла как раз по мешку. Несколько пуль угодило в древние сосуды, отчетливо звякнув. А другие вошли в тело уже мертвого морского пехотинца. Получалось, что негр и арабское золото спасли Гризову жизнь. Наконец, кто-то из наших бойцов подкрался в темноте к прятавшемуся за кучей штукатурки морпеху, и одним выстрелом уложил его на повал. Не помогли и приборы ночного видения.

Тишина висела еще с минуту, прежде чем снова началось шевеление в зале. Наученный горьким опытом Гризов лежал до последнего. Обследовав углы бесконечного холла, и не обнаружив больше никого, бойцы снова собрались рядом с двумя мертвыми неграми.

– Вставай, коллега, – сказал Костян и, обернувшись к раненому бойцу, которому наспех перематывали руку, спросил, – ты как, Иван Петрович?

– Зацепил, сволочь. Крепко, – ответил тот, морщась от боли.

Костян сплюнул и посмотрел на журналиста. Гризов молчал.

– Короче, пешком нельзя, Не дойдем. Значит, нужен транспорт. Трех мы уложили, а в «Хаммере» они по четверо ездят, не меньше. Да и должны же были они на чем-то мешки перевозить.

Костян замолчал на секунду.

– Короче, тут где-то рядом должен быть целый «Хаммер» с одним человеком на стреме. Берем его аккуратно, и катим в сторону посольства, сколько повезет. Вопросы есть? Вопросов нет. голуаз, помоги Ивану Петровичу. Идете сзади, остальные за мной. Журналист, вперед бабки в пекло не лезть.

Гризов кивнул. Костян опять возглавил колонну и направился к видневшемуся справа

огромному проему, в котором, судя по геометрии, должны были находиться двери. Они там и оказались. Высокие, массивные, вызывающие почтение у простолюдинов. Почти все наглухо запертые, кроме одной. Через которую американские мародеры и собиралась переправить экспроприированные ценности. Едва выглянув наружу, Костян заметил метрах в ста темневшую посреди площади на фоне полуразрушенного дома громаду «Хаммера». У пулеметной турели в джипе стоял во весь рост и курил последний морпех. Дуло пулемета смотрело четко в сторону музея. Огонек его сигареты горел в ночи словно маяк.

Не ясно было, слышал он выстрелы или нет, но уж больно гулко перестрелка отдавались под куполом. «Не мог не слышать», решил Гризов, выглянувший из-за спины Костяна. Надо было найти обходной путь и подобраться с боку или с тыла, но старший решил по-своему.

Не таясь, он вышел на открытое пространство и зашагал вразвалочку в сторону военного джипа. Огонек сигареты разгорелся ярче. Человек за пулеметом напрягся.

– Билли, зис из ю? – крикнули из «Хаммера».

– Йес, итс ми, бразер, – ответил Костян, продолжая двигаться вперед.

– Взар из кэптен? А ю олл райт? Ай хиа шуттинг.

– Йес, эврисин олл райт, – ответил Костян.

Расстояние до джипа сократилось со ста метров почти вдвое. Тогда он резко вкинул руку и выстрелил из пистолета в сторону тлевшего в ночи огонька. Американец вскрикнул, ткнулся лбом в пулемет. Сигарета потухла. Обмякшее тело сползло вниз.

– Быстрее, – крикнул назад Костян, осмотревшись вокруг, – Грузимся, пока никого нет.

Он первым достиг «Хаммера», в котором, как и предполагалось, находился только один солдат. Теперь мертвый солдат. Костян быстро открыл заднюю бронированную дверь, вынул за ноги труп и оттащил его на пару метров от машины, чтоб не мешал посадке. Затем сел на место водителя и завел мотор. «Хаммер» утробно заурчал. Костян проверил приборы, с топливом было все в порядке. Фары включать не стал.

За это время вся группа русских разместилась в машине. Голуаз помог Ивану Петровичу сесть сзади. Петрович был плох, раненое плечо сильно кровоточило, но пока держался. Рядом с ними притулился Коля Быстрый, который, надел каску убитого американца и встал за пулеметную турель, мало ли что может по дороге случиться. Гризову ничего не оставалось, как сесть на место штурмана, рядом с Костяном.

– Все готовы? – обернувшись назад уточнил старший, – тогда поехали.

Тяжелый «Хаммер» резво взял старт и покатил по улице в сторону центра, объезжая завалы. Поглядывая на Костяна, журналисту стало казаться, что тот не плохо знает Багдад и, даже в разрушенном состоянии, найдет дорогу куда нужно. «Хаммер» уверенно колесил по разбитым улицам к известной Костяну цели, – российскому посольству.

«Скорее бы там оказаться, думал Гризов». Хотя тот факт, что ему скоро придется покинуть Ирак в самый разгар так бурно развивающихся событий, немного огорчал журналиста. Да что там немного, сильно огорчал. Ведь, по сути, вся эта каша заварилась именно из-за него с Натальей. Ее убили, но русские уже отомстили армии США, пристрелив, по крайней мере, четырех ее солдат. Гризов оглянулся на раненого Петровича, подумав о том, что и у самих есть раненые. Но, в любом случае, он впервые находился в центре самых настоящих боевых действий. Был военным корреспондентом в самой гуще событий. О чем еще может мечтать журналист? А уж Свен Иванович будет доволен на двести процентов и рейтинг «Северной стрелы» взлетит в заоблачную высь, если только сидящие рядом ребята доставят его, куда надо без потерь, а потом родное командование не попытается запретить написать о том, что видел.

«Хотя, – журналист осмотрелся по сторонам, – надо еще отсюда выбраться». США стараются разбираться со своими врагами, а он сейчас представлял прямую угрозу демократии. Гризов инстинктивно сжал свой редакционный «Никон», который теперь представлял колоссальную ценность для всей свободной печати. Американцы сделают все, только чтобы уничтожить аппарат и его хозяина.

«Хаммер», подпрыгивая на ухабах, преодолел уже почти пять кварталов. Пока все шло гладко. По пути попадались только запоздавшие арабы-мародеры, тащившие из полуразрушенных особняков богатых все, что плохо лежало. Увидев подкравшийся американский джип без габаритных огней, они прижимались к стенам домов, стараясь казаться невидимыми, или прятались в подворотнях. Но местные жители сейчас не интересовали сидевших в джипе русских. Гораздо больше их заботила возможность встречи с вероятным противником, который издалека мог принять их за своего. Но, если придется общаться, то все быстро встанет на свои места. Ни кодов, ни паролей оккупационной армии наши бойцы не знали. Так почему-то думал Гризов. А потому и теплая встреча с американцами на аналогичных «Хаммерах» в их планы вряд ли входила.

– Еще три квартала и мы дома, – заметил сзади и сверху Коля Быстрый, который, похоже, ориентировался в ночном Багдаде, не хуже Костяна.

– Ага, – отозвался Костян, притормозив и объезжая очередной завал на дороге, – Пока все тихо. Слишком тихо.

– Может у них какой-нибудь праздник? – вставил слово Гризов, – Ну, там «День независимости Америки от Англии».

Костян усмехнулся.

– Да нет, парень, это тебе не родная армия с пьяными прапорами. Эти козлы даже по таким дням не спят. Бывают, конечно, отклонения от нормы. Но на такой случай есть масс электронных штучек.

Переехав поваленный столб. Джип подкатил к небольшой развязке, от которой в разные стороны отходили три дороги. Две из них были почти завалены рухнувшим домом, а, перегордив третью своим корпусом, метрах в пятидесяти стоял американский танк «Абрамс». Рядом с ним притулился «Хаммер» и пятеро пехотинцев. Свободный путь вперед закончился. Увидев выезжающий на площадь джип, американцы сначала напрягались, подняв винтовки, но потом расслабились, замахали руками. Один из них, видимо старший, даже вскинул вверх руку с бутылкой «Виски», приглашая разделить ее на всех.

– Отдыхают сволочи, – проговорил Голуаз.

– Может, выпьем по рюмашке, – пошутил Гризов, – за дружбу народов. Спросим, как там крепкий хозяйственник Шварценеггер поживает.

– Ага, по две, – съязвил Костян, – сейчас они нас расколуют, и выпивка отложится надолго.

Командир блокпоста поднес к губам рацию и в кабине «Хаммера» раздался его трескучий голос:

– «Браво эйт», «Браво эйт»! Зис из кэптэн Родригез. Вот-с хеппенд, хау а ю?

– Значит мы «Браво эйт», учтем, – заметил Голуаз.

Но Костян был уже не так спокоен, хотя по-прежнему решителен.

– Поздно учитывать. Ну-ка, Коля, причеши их из пулемета.

– Понял, старшой.

Коля Быстрый мгновенно развернул дуло крупнокалиберного пулемета в сторону блокпоста американцев и дал очередь по сгрудившимся возле своей бронемашины пехотинцам. Трех прямым попаданием просто разорвало в клочья, забрызгав кровью весь борт и всю землю под ним. Четвертому оторвало руку, пригвоздив к джипу. Капитан Родригез остался без головы и его обезглавленный труп, как мешок, рухнул в дорожную пыль. Бутылка «виски» разбилась вдребезги. После первой же очереди почти в упор личный состав блокпоста был уничтожен.

– Хороший пулемет, – одобрительно заметил Коля Быстрый, – только нам, по-моему, все равно пора сматываться.

Как выяснилось, мирно стоявший рядом танк, был не пустой. После пулеметной очереди, что чуть задела его по броне, танкисты очнулись и мгновенно включились в войну. Башня «Абрамса» начала свое круговое движение против часовой стрелки. Еще несколько секунд и она будет готова изрыгнуть снаряд, а сделать прямое попадание в такую заметную

цель, как стоящий в пятидесяти метрах «Хаммер» натасканным танкистам труда не составляло.

И Костян понял это быстро. Он врубил заднюю передачу, дал газу, и бросил педаль сцепления. Машина «Хаммера» совершила прыжок на зад почти на пару метров, уходя от поворота башни. Костян дал еще газу, и джип стал выкатываться задним ходом из зоны обстрела. Его сильно тряхнуло, когда машина на полном ходу наскочила на поваленный столб.

Но и танкисты не дремали. Башня «Абрамса» закончила поворот, изрыгнув снаряд в сторону уходящего «Хаммера». Буквально несколько метров, на которые джип успел отъехать, и спасли русских. Снаряд просвистел перед машиной, обдав Гризова дыханием смерти, и врезался в дом слева. Раздался мощный взрыв. По бронированной кабине «Хаммера» забарабанили осколки вперемешку с камнями. Но все остались живы.

– Топи педаль Костян, дом рушится, – заорал Голуаз.

– Сам вижу, – рывкнул в ответ старший, утопив педаль газа в пол.

Изнаненный джип едва успел откатиться еще на десяток метров, как впереди, на том месте, где он только что находился, обрушилась стена дома, и все заволочло пылью.

Глава восьмая. «Гризов в ящике»

Воспользовавшись заминкой, Костян развернул джип и погнал в обратном направлении. Но не успел он преодолеть и ста метров как новый снаряд просвистел над ними и ударился в дом справа. На этот раз «Хаммер» на полном ходу проскочил сквозь облако пыли за несколько секунд до того как дом рухнул, образовав очередной завал на улице.

Американские танкисты открыли непрерывный огонь по уходящему джипу. Они не могли поверить, что кто-то наберется наглости захватить «Хаммер» и атаковать на нем их блокпост. В обычной партизанской войне арабы, а их сейчас наверняка принимали за солдат Саддама, использовали бомбы и гранаты, подрывая себя и американцев заодно. Технику они недолюбливали, предпочитая пользоваться максимум «Калашами». Поэтому злость танкистов не знала границ, – эти арабы все еще смеют им сопротивляться. Им, победителям в игре, уже много месяцев назад захватившим Ирак целиком. Все другие народы, которые раньше американцам приходилось оккупировать, обычно сдаются. А эти...

Добравшись до перекрестка, Костян свернул налево и погнал в обход. Едва он вошел в поворот, как на вершине завала, лязгая гусеницами, показался «Абрамс», и сходу выпустил по беглецам третий снаряд, который угодил в угол дома на перекрестке. Раздался мощный взрыв, но джип с русскими был уже на соседней улице.

– Командир, – крикнул Коля Быстрый оглянувшись назад, – сильно назойливые ребята у нас на хвосте. Может, я спрыгну и приторможу гранатой?

– Сиди спокойно, успеем, – не оборачиваясь, ответил старшой, – тут уже недалеко осталось. А второй раненый нам не нужен.

Коля Быстрый, казалось, смирился с тем, что ему не дадут закидать американский танк гранатой, и стал смотреть, как и все, вперед. А впереди был очередной перекресток, и к счастью американских блокпостов на нем не было. Правда, там полыхало зарево, и было много народа. Даже слишком много, для такого часа в оккупированном Багдаде. Подскочив к перекрестку, бойцы разобрались, в чем дело. Горел большой жилой дом. Часть народа спасала соседей, часть растаскивала под шумок чужое имущество. Гризову захотелось вмешаться, но, когда у тебя за спиной висит американский танк, уже не до мародеров.

Увидев подъезжающий джип и услышав взрывы на соседней улице, арабы расступились, давая проехать машине оккупантов. Хотя многие и грозили кулаками, но никто не стрелял и камнями не кидал в бронемашину. Джип проехал, снова свернул налево, и людское море за ними сомкнулось. Это было хорошо, американцы не будут давить мирных граждан, даже в погоне. Демократия. «Хотя, кто их знает, подумал Гризов, сейчас они могут и придавить, не задумываясь, десяток другой арабов во имя демократии в Америке».

Проехав пожарище, Костян снова втопил педаль газа в пол, благо дальше дорога была лучше, а танк действительно завяз на подъезде к перекрестку. Джип катил сейчас по дороге параллельной той, где они повстречали разъезд американских морпехов. Кварталы здесь почти не пострадали от бомбардировок и обстрелов. Многие дома стояли целехонькие, как будто и не было никакой войны. Гризов прикинул, что они уже должны были преодолеть три квартала, и скоро их ждало спасительное посольство России.

Неожиданно, не доезжая ста метров до очередного перекрестка, Костян притормозил джип и заехал во двор невысокого трехэтажного здания с выбитыми стеклами, казавшегося пустым. Этот дом выглядел хуже всех, что находились рядом. В таком месте вряд ли могло быть расквартировано российское посольство в Багдаде, решил журналист. Впрочем, старшему виднее.

«Хаммер» заехал в пустынный двор. Углубился в короткую улочку из деревянных сараев и гаражей, петлявшую словно река. Уткнувшись через некоторое время носом в глиняную стену джип замер. Костян выключил мотор и вылез наружу.

Гризов сидел на месте, непонимающе озираясь по сторонам. Кругом одни сараи и полуразрушенные гаражи. Куда их завезли? Но, кроме него, никто не казался смущенным. Костян подошел к одному из гаражей, вынул ключ и отпер замок. Затем вернулся за руль и завел машину внутрь.

– Берем раненого и вылезаем. Быстрее.

Бойцы вылезли из джипа, закрыли ворота. В гараже царил полумрак. Теперь приметный американский «Хаммер» исчез с улицы. Это хорошо. Но, мог кто-нибудь, и настучать из случайных свидетелей, хотя дом и казался необитаемым. Впрочем, бойцов непонятного назначения это не смущало вовсе. Они четко знали, что делать и куда идти. Не знал этого только Гризов, который шел в слепую.

Тем временем Костян включил фонарик, пробрался между пустыми бочками, заполнявшими половину гаража, нащупал что-то и к удивлению Гризова открыл потайной лаз, уводящий вниз. «Опять под землю, с грустью подумал Антон, которому уже порядком осточертело ползать по всяким норам. Но в данное время в Багдаде гораздо спокойнее было под землей, чем на земле». Поэтому он молча последовал за своими спутниками по узкой лесенке.

Первым в проеме исчез Костян с фонариком, затем туда осторожно опустили раненого под руки с Голуазом. Четвертым спустился Гризов, который успел заметить, как Коля Быстрый облил «Хаммер» бензином и примотал гранату к воротам, на тот случай, если кто-нибудь задумает посмотреть, что находится в этом гараже. Спускаясь последним, он закрыл за собой отлично замаскированный лаз, который снаружи не должны были найти даже в том случае, если в гараже произойдет взрыв или пожар.

Этот лаз был почти вдвое ниже, чем тот, по которому группа выбиралась из подземелья отеля «Мухафаз», поэтому журналисту пришлось идти согнувшись. Но тяжелее всего, конечно, приходилось Голуазу, который тащил на себе раненого. Впрочем, Антон уже начал привыкать. Временами ему казалось, что весь Багдад должен быть опутан подземельями, оставшимися еще со времен древних падишахов, эмиров и халифов. Что к каждому дому в Багдаде можно подобраться через подземный ход и выйти тем же путем. И что об этих подземельях обязательно все знают агенты ФСБ или ГРУ и уж точно все знает Костян со товарищи. А потому можно не беспокоится и спокойно идти, куда поведут, ибо тебя спасают.

Но, когда метров через пятьсот, они уже оказались на месте, Гризов даже едва не разочаровался в багдадских подземельях. Отряд прошел через три, как оказалось Антону, бронированные двери и оказался во вполне обжитом подвале, заставленном картонными коробками.

Получалось, что они дошли только до соседней улицы. На вопросительный взгляд Антона старшой группы только утвердительно кивнул:

– Мы на месте.

Один за другим, они поднялись из подвала, оказавшись в уютной и просторной комнате, на первом этаже. Здесь стояли два дивана, длинный стол и кресла вокруг. Походило на гостиную. Гризов, не спрашивая разрешения, рухнул на диван и вытянул ноги. Как никак на дворе стояла уже глубокая ночь.

В этот момент в комнату, услышав шум, вошел полковник Губанов. Он был в военной форме, но китель расстегнут, словно собирался отходить ко сну. Не слишком удивившись появлению здесь своих подопечных, Губанов быстро оглядел состав группы и приказал:

– Раненого в операционную, остальные отдыхать, – обернулся к Гризову, – а ты пока посиди здесь, отдохни в одиночестве. Надо посоветоваться, что с тобой делать дальше.

Получалось, что самого Гризова уже никто ни о чем не спрашивал. Нет, в другое время и в другом месте, он, конечно бы, еще покачал права. Но сейчас был измотан приключениям и просто хотел спать. А потому не стал возражать Губанову.

Когда раненого увели, и Антон остался в комнате один, то услышал звон бокалов из соседнего помещения. «Значит, точно посольство, удовлетворенно подумал журналист, можно спать спокойно. Сюда никто не сунется». И, незаметно для себя, провалился в глубокий сон.

Проснулся он от толчка в плечо. Это был Голуаз.

– Эй, Тоха, вставай. Иди, перекуси и собирайся.

– Куда? – не понимая о чем речь, уточнил Гризов.

– Домой. Старшой расскажет.

Гризов поднялся, взял футляр с камерой, и пошел за широкоплечим Голуазом на второй этаж. Там, в маленькой столовой, уже расположились все бойцы отряда особого назначения, кроме раненого Ивана Петровича. Они с радостным хрумканьем уплетали стоявшую на столе родную картошку, любимое кушанье индейцев, заедая ее жареным мясом из посольского обеда.

– Садись, коллега, перекуси на дорожку, – предложил ему Костян, указав на свободную тарелку, – а то на обратном пути лететь тебе долго, а бизнес-класс не предусмотрен. Точнее вообще никакой класс не предусмотрен. Багажу не полагается.

– Это как, багажу? – удивился и слегка обиделся Антон, – вы, что в ящике меня будете из страны вывозить? Предупреждаю, – я не привычный, задохнуться могу.

– Если понадобится, то и в ящике, – оскалил зубы Костян, – но не бойсь, пленать не будем. Полетишь белым человеком спецрейсом на транспортнике. Правда, в багажном отсеке. Так что извини, еды там тебе не заготовили. Времени не хватило. Но жизнь, сам понимаешь, дороже.

Гризов сел на крайний стул и принялся за картошку с мясом. Оголодавший желудок радостно откликнулся на это событие.

– Расскажи поподробнее, чего куда, – попросил он Костяна.

– Через двадцать минут наши дипломаты отбывают на встречу с американским военным командованием, обсудить кое-какие делишки местного масштаба. А по дороге заедут на аэродром, чтобы отправить спецрейсом срочную дипломатическую почту. Такая почта возится в ящиках, которые не проверяются, так что про способ транспортировки тела ты угадал.

– Какого тела? – насупился Гризов.

– Твоего брат. Но, не бойсь, как и говорил, в ящике тебя только погрузят на самолет. А там пилоты сразу распакуют. Они уже в курсе. Так что, как перекусишь, иди в соседнюю комнату и готовься к упаковке. Потерпишь всего минут двадцать, пока довезем.

– У меня теперь кусок в горло не лезет, – признался Антон, – я лучше сразу пойду.

– Это напрасно, есть надо уметь в любых условиях. Вон видишь, как мы нагружаемся перед броском. Но, впрочем. Как хочешь. Дело твое.

– А вы потом куда, – уточнил Антон, – ну, после того, как от тела избавитесь?

– А вот это, брат, – пояснил Костян, мгновенно став серьезным, – уже не твоего ума дело. Да и нас ты не видел. Приснилось все тебе, понял?

Через двадцать минут журналист Антон Гризов, как последний хомяк, обмотанный соломой, лежал внутри огромного ящика и дышал через просверленную в крышке дырочку. Хомяк был ничего такой, килограмм на сто. Опломбированный десятком печатей «Ящик с дипломатической почтой» находился в багажнике одного из тех самых джипов NISSAN Patrol, с которыми Гризов летел вместе на военно-транспортном самолете в Ирак. Теперь, на одном из этих джипов он начал путь обратно на родину, так и не сумев собрать информации на репортаж. Хотя, это как посмотреть. Сенсационный репортаж лежал здесь же с ним, в кожаном футляре с надписью «Никон», но Антону, отчего то было не так весело. Ему хотелось еще немного побыть в Ираке, чтобы накопать экстремальной информации. Чтобы американцы его надолго запомнили, хотя, Гризов не верил, что они его уже забыли. Иначе он не лежал бы сейчас упакованный в ящик и не напоминал себе китайскую вазу династии Мин, которую потряхивает на ухабах.

Выезжали двумя машинами, как предупредил его Костян. На первой дипломаты с пропусками, на второй все бойцы и ящик с Гризовым в багажнике. Иногда Костян, который на этот раз был не за рулем, перегибался через заднее сиденье и тихонько постукивал по ящику, вопрошая:

– Эй, журналист, ты еще жив?

На что Гризов отвечал злобным мычанием мумии фараона, которой не дали доспать пару сотен лет. Но Костян на этом успокаивался, и машина катила себе дальше по Багдадским улицам сквозь все блокпосты американцев, охраняемая дипломатическими пропусками.

Ехали так довольно долго, больше часа, и Антон уже окончательно решил, что операция удалась, и стал подремывать, впадая в забытие от нехватки воздуха, как вдруг впереди раздался мощный взрыв. Он был такой силы, что потрянуло даже машину, в которой ехал Гризов. Грешным делом, Антон решил, что кто-то впереди подорвался на mine. К счастью это пока были не они. Вслед за этим раздался новый взрыв. Похоже, что кого-то обстреливали.

– Эй, что там происходит? – замычал Антон, но его никто не слышал.

– Вперед! – заорал вдруг Костян, – Давай газу, Голуаз, а то подорвут к чертям.

Антон ощутил, как взвыл мощный мотор. NISSAN Patrol, резко вильнув вправо, объехал какое-то препятствие и понесся вперед. Затем раздался треск, так, словно бы машина проломила своим корпусом заградительный шлагбаум. Ей вслед застучали автоматные очереди, а потом загудела и пулеметная. Несколько патронов звонко ударило в корпус джипа, где-то совсем рядом с багажником, в котором лежал беззащитный Гризов. Одна пуля расщепила даже край ящика. «Е-мое, думал в этот момент журналист, какая глупая смерть. Лучше бы уж с автоматом в руке на передовой».

Но выбирать не приходилось. NISSAN Patrol на всех парах уходил от невидимой Гризову погони. Канонада постепенно осталась позади. Взрывы неизвестной породы прекратились. Пули перестали со звоном шлепать по обшивке кузова, каждый раз вызывая еканье сердца у запертого в ящике журналиста. Зато в салоне стали разговорчивее, хотя в течение добрых двадцати минут Антон слышал только отборный русский мат. Но, в конце концов, он прекратился, и в наступившей тишине кто-то, кажется Голуаз, спросил:

– Куда теперь, старшой?

Костян долго молчал, прежде чем ответить.

– Гони на север, к выезду из города. Будем выполнять приказ, во что бы то ни стало.

– Понял.

Так прошло еще минут десять. Антон понял, что операция его вывоза из страны пошла не по плану, и попытался освободиться из ящика, напомнив о себе глухими ударами в стенку и криком «Откройте, задыхаюсь!». Но все было бесполезно. Обернувшись к нему, Костян сказал со злобой:

– Да заткнись ты, не до тебя сейчас.

Гризову ничего не оставалось, как последовать совету. Когда, примерно еще через полчаса, машина остановилась, и багажник открылся, Антон не поверил своему счастью. Журналист был изможден долгим заточением в ящике, поэтому, когда его открыли, от нахлынувшего знойного воздуха, который показался ему чистым кислородом, у Антона закружилась голова. Минут через пять он пришел в себя и осмотрелся.

NISSAN Patrol с несколькими пулевыми отверстиями в бортах и разбитым ветровым стеклом, стоял в сарае какой-то богом забытой фермы на северной окраине Багдада. Об этом Гризов узнал от Костяна, который волком смотрел на журналиста, но, тем не менее, рассказал тому, что случилось.

По дороге, на подъезде к самому аэродрому на дипломатический конвой было совершено нападение. Точнее два нападения, одно за другим. Сначала это были люди одетые в гражданскую одежду иракцев. С виду арабы. Но, судя по владению оружием и слаженности действий, это был американский спецназ. Арабская одежда понадобилась для случайных свидетелей, от возникновения которых сколько не предусматривай, не убережешься.

– Первое нападение произошло, когда конвой уже приблизился к аэродрому. Всего за пару кварталов до места назначения. Остановились на пару минут у американского блокпоста на въезде в зону, – рассказывал Костян, нервно затягиваясь сигаретой, – И тут какой-то мужик на тротуаре, переодетый арабом, выскочил из-за своего лотка с пирожками, и метнул сверток под первый джип с дипломатами. Оказалось – бомба. NISSAN Patrol взлетел на воздух. Все дипломаты погибли. Нас чудом не задело.

Гризов бросил взгляд на пулевые отверстия.

– Ну, я вижу, что со всех сторон повылазили парни с «Калашниками». Хана, думаю, плану отправки журналиста. Командую «Газу!» и мы начинаем выбираться из положения. Сносим шлагбаум и в запретную зону, на север. По нам жарят из автоматов, да к счастью джипы бронированные. Из мелкашки не возьмешь.

Костян докурил и затоптал окурок в песчаную почву.

– Но тут вдруг, поняли они, что отрываемся мы и забыли про конспирацию. Видать, очень крепко тебя стереть в порошок хотят. Так крепко, что к переодетым арабам вдруг подключилось американское охранение. С «Хаммера» по нам жажнули из крупняка. Только стекло и спасло от первой очереди, а от второй уже увернулись. Спасибо Голуазу, рулил хорошо.

Стоявший чуть поодаль Голуаз, кисло усмехнулся и пнул ногой покрышку изрешеченного джипа.

– Были там еще два танка, – сообщил Костян, – Но не успели подключиться, ушли мы.

– И что теперь делать? – задал Антон своевременный вопрос, – как же я домой доберусь?

Теперь усмехнулся Костян. Обхватил себя руками.

– Вот я и думаю, что же нам с тобой делать? Таскаемся с тобой, как с писаной торбой, уже второй день. Народу положили кучу, времени потеряли массу, а у нас, между прочим, дело есть срочное, от которого ты нас крупно отвлекаешь.

Костян замолк. Гризов тоже не нарушал возникшей тишины.

– Понимаешь, – продолжал старшой, – Я, конечно, могу отправить тебя домой пешком. Но, один отсюда ты вряд ли дойдешь. Далековато. А я в душе добрый. Так что, считай, тебе повезло. У тебя еще есть шанс вернуться домой. Русские на войне своих не бросают. Пойдешь с нами до конца.

Антон остолбенел от услышанного. Судя по всему, эти ребята не собирались возвращаться в посольство и тем более на аэродром, а ничего, кроме спецрейсов отсюда не вылетало. Как никак, страна была оккупирована захватчиками.

– И куда вы идете?

Старшой загадочно улыбнулся.

– Ирак велик! Большого сказать не могу. Но обещаю, что тебе придется быстро бегать,

мало есть, терпеть зной, жажду и голод, и часто сталкиваться с американскими солдатами, которые будут стараться тебя убить, пока не убьют.

Гризов покачал головой.

– А написать об этом, если выживем, я потом смогу?

– Конечно, нет. Но, если выживешь, это уже будет для тебя незабываемым приключением. Будет, что вспомнить на свалке. Считай, что ты участвуешь в Сафари, только в роли дичи.

– Незавидная роль, – сказал журналист, – но, как я понимаю, выбора у меня нет?

– Почему. Я же сказал, можешь вернуться домой пешком. Но, никто кроме нас тебе здесь не поможет. Всех остальных журналистов уже эвакуировали на том самом рейсе, на который ты опоздал. Больше рейсов нет. Все билеты проданы. Остался последний, – в один конец.

Гризов крепко задумался. Вся его дальнейшая жизнь в настоящий момент зависела от этого решения. Либо назад, в город, неизвестно к чему, либо вперед, в шпионскую авантюру также с неизвестным исходом. Впрочем, выбора, как ни крути, особого не было. Сдаваться американцам было бессмысленно, все равно убьют. А в одиночку прорываться в посольство через патрули картелей было, конечно, смело, но глупо. Как ни крути, а начиналась игра со смертью. Зато исполнилось тайное желание подсобрать экстремального материала с риском для жизни.

– Ладно, – принял решение Антон, – беру билет в один конец.

Костян кивнул, мол, «а что тебе остается», и крикнул стоявшему в стороне Коле Быстрому.

– Уважаемый, расскажи новому члену команды, основную диспозицию, а я пока осмотрюсь.

С этими словами Костян достал из-за пазухи небольшой серый пистолет странного вида, взвел затвор, и выскользнул за ворота.

Коля Быстрый подвел Гризова к джипу и открыл широкую дверь багажника. К удивлению журналиста тот был загружен почти до верху, какими-то ящиками непонятного назначения. Как здесь поместился еще и ящик с журналистом, Гризову было совсем не понятно. Поверх ящиков лежало несколько набитых сумок и рюкзаков. Во время обстрела пара из них пострадала.

Коля чертыхнулся, увидев это, но потом подтянул к себе одну из целых сумок. Внутри оказался миникомпьютер, спутниковый телефон и походная карта. Увидев все это в целости, Коля успокоился. Похоже, пули повредили менее ценную поклажу. Коля развернул карту, которая, само собой, оказалась подробной двухкилометровой картой Ирака и, ткнув пальцем в Багдад, нашла вводный инструктаж.

– Как ты уже догадался коллега, мы не совсем журналисты. Мы спецназовцы. Куда и зачем идем, знать тебе не надо. Ну да, со временем, даст Бог, сам увидишь, если живой будешь.

Гризов кисло усмехнулся, чтобы поддержать разговор.

– Короче, Ирак, – вещал Коля Быстрый, – на местном наречии Джумухурия аль-Иракия. Площадь – четыреста сорок четыре тысячи квадратных километров. Большая часть – месопотамская низменность. На севере и северо-востоке хребты армянских и Иранских нагорий, высоты до трех тысяч шестисот метров. Холмистая равнина Эль-Джазира, в переводе «остров», расположена на междуречье Тигра и Евфрата, к северу от древних городов Самарра и Хит. Кстати, чтоб ты знал: Аль-Ирак, по-арабски означает «речной откос». Местами равнинный характер местности нарушается невысокими горами. На востоке страны вытянуты хребты Макхуль и Хамрин, а на северо-западе более высокие горы Синджар. В целом преобладают степи, пустыни, полупустыни. Вдоль рек – оазисы, плодородные долины.

– Надеюсь, – перебил его Гризов, – мы пойдем по долинам?

– Конечно, нет. Там слишком людно, – ответил Коля, – Тебя там будут искать, прежде

всего. Да и сами американцы предпочитают долины. Так что идем на юг. А это все я тебе так рассказываю, для ясности. Чтоб знал географию района.

«Еще один экскурсовод нашелся, подумал Гризов». А Коля тем временем перевел указательный палец по карте чуть выше Багдада.

– На северо-востоке в Иранском нагорье расположена высочайшая точка Ирака, гора Хад-жи-Ибрахим, – три тысячи шестьсот семь метров. На нее мы подниматься не будем. Хотя в нашем деле гарантировать ничего нельзя.

Последние слова Коля добавил, увидев в глазах Гризова немой вопрос.

– Так, идем дальше, – пробормотал он себе под нос, – На севере Ирака, под Мосулом, находятся развалины столицы Ассирийского царства – древней Ниневии. Там же, в северной части страны, над которой уже несколько лет, еще до начала этой войны, хозяйничают английские и американские самолеты, имеются развалины и других ассирийских городов. Южнее Мосула, – уникальный город аль-Хадр, возведенный в первом веке до нашей эры.

– А на кой черт мне все это знать? – удивился Гризов, раздраженный странным для военных заходом, – Книжки я и сам люблю читать. Вы, вообще, десантники, или кучка сбрендивших любителей древностей? Или вы, ребята, гробокопатели, а? Лучше бы оружие мне дали.

Коля Быстрый на секунду напрягся, но потом неожиданно хохотнул и добродушно хлопнул Гризова по плечу.

– А ведь ты прав. Это меня занесло по старой привычке. Я на эту кухню попал как раз из экскурсоводов. Востоком занимался. Люблю, знаешь, поговорить о всяких древностях, хлебом не корми.

– Это я заметил, – кивнул Гризов, – ночью в музее. А еще ты любишь пострелять в американцев. Это я тоже заметил.

– И тут ты прав.

– Ну, что, исторический инструктаж закончен? – поинтересовался Антон.

– Не совсем. Теперь о главном. Нам предстоит кое-что разыскать. Нас было четверо. У каждого свои функции. Иван Петрович у нас выбыл по твоей милости, так что ты и понесешь его вес и постарайся его заменить.

– А кем он был? – уточнил Гризов, – если поваром, то вам крупно не повезло. Я не умею готовить.

– Он был снайпером, – сказал Коля Быстрый, перебрасывая один из рюкзаков с вещами Гризову, – Я это тебе не таясь, рассказываю, чтоб ты знал. Без обид. Если нас прижмут к стенке, то мы тебя убьем сами. Ну, это ты, я думаю, мозгом понимаешь.

– Мозгом то понимаю, – согласился Гризов, – но вот телом пока не догоняю.

– Даст Бог, и не догонишь, – закончил инструктаж Коля.

В этот момент дверь отворилась, и на пороге возник Костян с пистолетом в руке.

– Все тихо пока, – сообщил он, – всем разобрать вещи, подготовится к ночному броску и спать пока. Как солнце сядет, выдвигаемся.

Глава девятая. «Идем на юг»

Спать в душном помещении, да тем более днем, было не очень комфортно, хотя измученный постоянными передрыгами журналист, получив свои вещи, бросил их на землю рядом с джипом, устроился сверху и постарался заснуть. На карауле стоял Коля Быстрый, которому Костян поручил эту миссию. Быстрый, проверив оружие, растворился за дверью хибары.

Поначалу, несмотря на приказ, Антон никак не мог заснуть, прислушиваясь ко всем шорохам. Казалось, что американские пехотинцы уже вычислили их местонахождение и окружили дом. Вот-вот грянет это отвратительное «гоу-гоу!!!» и придется отстреливаться, снова уходя от погони. Затем на память пришел Карлсон, который жаловался Малышу на бессонницу: «Нет, Малыш, ночью я сплю хорошо. И до обеда ничего. Но, вот после обеда,

ворочаюсь с боку на бок и никак не могу заснуть». В конце концов, Гризов незаметно для себя заснул, а когда проснулся от легкого толчка в плечо, ни одного лучика света не пробивалось сквозь ветхую крышу сарая. На Багдад опустилась ночь.

Чувствовал он себя хорошо. От усталости и старых переживаний не осталось и следа. Зато скоро предстояли новые. Гризов спал в одежде, а потому для него собраться, – только рюкзак забросить за плечи. Рюкзак оказался не таким уж легким. Что там было, Антону не сказали пока, а он из гордости не спрашивал. Кроме того, он не знал, была ли там снайперская винтовка, ведь Иван Петрович был снайпером. А остальные члены группы, кроме пистолетов пока перед Гризовым ничем не сверкали.

Когда все оделись и построились перед воротами, Костян бегло осмотрев бойцов, сказал:

– Выходим. Журналист идет вторым, за мной. Голуаз замыкающий. Идем тихо, если повезет, берем машину и выбираемся из города. Если что, точка встречи, – холмы напротив мечети на северной оконечности Багдада. Карту все помнят.

Гризов, понятное дело, промолчал. Где эти холмы он узнает, только если все будет нормально. А потому лучше не загружать себя лишней информацией, от которой с его характером, произойдут только лишние переживания. Мозг начнет размышлять не по делу и придумывать всякие гадости.

Костян первым проскользнул наружу. Оказавшись на улице, Гризов по привычке осмотрелся. Ферма, а точнее хибара, в которой они пережидали до наступления темноты, находилась на небольшом пустыре. Справа от нее пустырь продолжался, уходя в черноту, слева начиналась стена, за которой прятались одноэтажные домишки. В них не было и намека на обитателей. Какое-то предместье Багдада. Таких вокруг города можно насчитать десятки.

Преодолев метров тридцать пустого пространства, Костян прислонился к стене и подождал, пока остальные соберутся в группу. Когда все ровно задышали рядом, он двинулся дальше. Но не в сторону пустыря, а по улице в глубину предместья. Гризов, которому сейчас хотелось находиться подальше от людей, сдержал в себе желание, посоветовать старшему лучший маршрут движения. Все-таки спецназовцы знали Багдад, готовились к заданию, а он ощущал себя здесь как турист без карты. Оставалось надеяться, что Костян выведет группу туда, куда надо. Для Гризова сейчас ничего лучшего не оставалось, как положиться на своих новых товарищей. Так он и сделал.

Пройдя быстрым шагом, постоянно озираясь, пустынную в этот час улицу, и оставив за спиной дома, покинутые жителями, они оказались на перекрестке. Дороги пересекались на вершине холма и расходились от него вниз в четырех противоположных направлениях. В конце одной из них, далеко, километрах в десяти на глаз, если доверять ночной темноте, Гризов увидел большое зарево и несколько очагов огня поменьше. В их отсветах хорошо были видны близлежащие высотные здания. Значит, центр Багдада был слева и довольно далеко. Костян прошел перекресток, выбрав направление вперед и вниз, где, к радости Гризова домов становилось все меньше.

Он оглянулся: остальные члены команды трусили на небольшом отдалении, убрав оружие, но готовые в любой момент к его применению. Тяжелые рюкзаки, накрепко привязанные к спинам с помощью ремней и пояса, почти не болтались. Хорошие рюкзаки. Это Гризов, как горный турист в прошлом, оценить уже успел. Передвигались молча, никто никого ни о чем не спрашивал. Всем все было ясно, конечно, кроме Гризова. Очень хотелось спросить, куда и зачем идем, или хотя бы когда будет первый привал. Но Костян, судя по всему, на скорый привал не настраивался.

Примерно через полчаса дома остались позади, а дорога совсем пропала, в слабом свете ущербной луны. Не видно было почти ничего, кроме маячивший впереди спины Костяна, который стал иногда останавливаться и поджидать остальных, чтобы журналист ненароком не сбился с курса.

Гризов часто спотыкался в темноте, как неподкованный конь. В поисках тропы налетал

на сухие ветки деревьев, которые больно кололи лицо. А однажды случайно даже схватился в поисках опоры за ветку кустарника, усеянную шипами. Его сдавленный вопль услышал даже Голуаз, который бежал замыкающим метрах в пятидесяти. Радовало одно, чем темнее, тем труднее американцам их обнаружить. Хотя на память приходили приборы ночного видения и всякие спутники, непрерывно летающие над головой, для которых и ночь не большая помеха.

Антон отогнал прочь предательские мысли о техническом могуществе американцев и стал вспоминать многочисленные примеры русского героизма, с помощью которого русские всегда превозмогали силу захватчиков. Помогло. Хотя спутников и приборов ночного видения это не отменяло.

Судя по наклону местности, группа уверенно шла вниз по откосу. Крупные дома пропали совсем, изредка, оставаясь в стороне от основного пути, маячили одинокие невысокие домишки, полуразрушенные обстрелами и бомбардировками. Здесь уже попадались люди. Пару раз Гризов заметил какие-то огни, похожие на небольшие костры, которые хозяева явно хотели скрыть от американцев, запрещавших разводить костры в темное время суток. Человек, разведший такой костер ночью, был потенциальной мишенью для обстрела или налета морпехов ближайшего блокпоста.

Что это было за место, ведал один Костян. Группа продолжала движение, обходя огни, чтобы не попасть в зону случайного обстрела или не засветится раньше времени. Еще через час такой беготни в потемках по редколесью количество домов впереди резко увеличилось, – по виду это были летние домишки или местные дачи, кое где к ним притулились строения, похожие на гаражи. А чуть выше крыш, как увидел Антон, оторвав свой взгляд от домов, смутно маячила какая-то широкая лента. Резко запахло йодом, запах которого ассоциировался у Гризова с запахом прибрежной тины в пору цветения Финского залива.

«Река, догадался Гризов, наверное, это Тигр. Больше тут быть нечему. Добежать от Багдада до соседнего Евфрата мы бы еще не успели, да и сначала надо было бы преодолеть эту реку».

Словно в ответ на его мысли Костян, подождавший у валуна пока подтянется вся группа, проговорил:

– Дошли до берега Тигра. На мосты не суемся. Ищем лодку.

И снова первым растворился среди домов.

Лодку искали минут двадцать. Война сделала свое дело. Почти все дома, стоявшие у воды, были разрушены во время артобстрелов американской штурмовой артиллерии или авианалетов. И все, что стояло у воды тоже сильно пострадало. Что за объект здесь стоял, было понять трудно, но бомбили основательно.

Осмотревшись внимательнее, прошерстив несколько полуразрушенных рыбацких хижин, спецназовцы, наконец, обнаружили старую лодку. В нее худо-бедно могло поместиться три человека без снаряжения, но и в этом случае ее плавучесть вызывала опасения. К лодке прилагалось одно весло. Второе, отличавшееся по размеру и качеству, спецназовцы обнаружили в другой хибаре по соседству.

Осмотрев трофей, Костян сделал неожиданный для Гризова вывод:

– Чтобы не утопить снаряжение, – один поплывет за лодкой. Это будет Коля Быстрый. Грузим рюкзаки и отчаливаем. Времени лишнего нет.

Русские находились сейчас уже довольно далеко от центра Иракской столицы. Набережной здесь к счастью никогда не было, люди попадались редкою. Судя по всему, это был рыбацкий поселок или какая-то крупная деревня. Высокие тростниковые заросли перекрывали видимость с другого берега или высоких точек, но к счастью сохранилось пара мостков. Поэтому выход к воде не вызвал особенных затруднений.

– Журналист и Голуаз за весла, – скомандовал Костян, когда, движимая плывшей за ней Колей Быстрым, лодка вышла из тростников и закачалась на небольшой волне.

Коля перестал грести, уцепившись за хлипкую корму. Антон и его сосед разобрали весла, причем журналисту досталось некондиционное весло, об которое он сразу поранил

себе руку, посадив пару заноз. Проклиная местных мастеров и проворчав «А еще колыбель цивилизации называется», Гризов подналег на весла.

Кое-как они с сидевшим рядом на грубой скамье Голуазом вошли в ритм, и лодка, груженная рюкзаками со снаряжением, пошла к противоположному берегу, до которого было метров двести или триста. Точно Антон не знал, а в крошечной темноте разглядеть что-то в сотне метров не представлялось возможным. Он мог оценить ширину Тигра только один раз, проезжая днем по мосту на микроавтобусе, во время беседы с Натальей, так нелепо погибшей тем же вечером.

О причинах разрушения постигших прибрежный рыбацкий поселок Гризов стал догадываться, когда лодка отплыла от берега. Он разглядел рядом с собой, в каких-нибудь двух десятках метров, бетонные опоры гигантского моста, выступавшие из темноты расплывчатыми громадами на фоне неба. Мост был разрушен как раз той стороны, от которой они отчалили. По всей видимости, иракцы защищали его до последнего, но все было тщетно.

Двигаясь вдоль пустынного моста, лодка прошла довольно ходко, половину пути. Гризов неожиданно для себя смог это определить, поскольку на другом берегу вдруг что-то взорвалось. Все спецназовцы обернулись на шум, как по команде. Даже Коля Быстрый перестал барахтаться в воде, и принял влево, пытаясь рассмотреть, что произошло.

Судя по всему, иракцы взорвали машину со взрывчаткой на дороге, что проходила по разрушенному мосту и терялась на вершине холма с другой стороны реки. Почти сразу вслед за взрывом послышалась реакция американцев: в ночное небо взмыл вертолет и начал в слепую поливать пулеметным огнем склоны холма, надеясь, уничтожить засевших там партизанов, которых американцы именовали не иначе как террористами.

– Этого нам еще не хватало, – напрягся Костян, – а ну, орлы, поднажмите на весла. Надо быстрее доползти до берега. А то не ровен час, они решат и воду прочесать.

Гризов с Голуазом, выбиваясь из сил, стали грести еще быстрее. При каждом ударе весла об воду поднимались фонтанчики брызг, которые теплой россыпью обдавали всех, но никто не жаловался даже на шум. Все понимали, сейчас они в самом невыгодном положении. Когда лодка преодолела еще четверть реки и уже приблизилась к противоположному берегу, высоко небе над ними вдруг раздался гул, совсем не походивший на стрекот винтов вертолета.

Очень скоро, гул усилился, и всем стало ясно: это военный самолет, заходящий на цель. Только какую цель он тут решил уничтожить, было пока непонятно. Никаких иракских войск здесь давно не было, а разобраться с партизанами хватит и вертолетов. Тем более, что стрельба над холмом еще не успела затихнуть.

Неизвестный самолет снизился еще и дал залп ракетами. Два огненных смерча возникли в черном небе и, пронесшись над головами находившихся в лодке, устремились к противоположному берегу. Через секунду от рыбацкого поселка не осталось ничего. Раздался страшный взрыв и весь он исчез в огне. Вспышка была такой мощной, что на секунду осветила теплые воды Тигра и болтавшуюся на ней лодку. Гризов успел окинуть взглядом воду, но никого не заметил.

Выпустив ракеты, самолет набрал высоту и исчез. А Гризова снова охватило странное чувство, что этот неизвестный ночной самолет искал не иракскую цель, а именно его. Журналиста Антона Гризова.

Преодолев последние метры водной поверхности, утлая лодчонка, просевшая под весом трех человек и снаряжения, наконец, вошла в тростниковые заросли на другом берегу Тигра. Коля Быстрый взобрался на корму, отчего лодка чуть не перевернулась, но делать было нечего. Никаких мостков здесь не наблюдалось. Да и вообще, как успел рассмотреть Гризов во время взрыва, зарево которого полыхало всюду на оставленном берегу, этот берег был абсолютно дикий. Если не считать моста, никаких строений не наблюдалось на пару километров в обе стороны.

Отталкиваясь веслами от росшего сплошной стеной тростника и появившегося дна,

диверсанты дотолкали лодчонку до берега. Аккуратно выгрузились, хотя и промокли. Закинув рюкзаки за спины, и зашнуровав все нужные ремешки, Костян привычно скомандовал:

– Идем вверх пол склону, обходим место взрыва слева. Там дорога. Преодолеваем ее и уходим в долину на той стороне. Во время перехода дороги в перестрелки не вступать. Вперед.

И снова началась беготня. У Гризова появилось стойкое ощущение, что он, как и его бывшие товарищи по оружию: Майкл, Малой и Шура Белинский, снова служит в армии. А как иначе было назвать эту ситуацию? Он подчинялся приказам, таскал рюкзаки и греб на веслах вовсе не потому, что сам этого хотел. Но где-то в глубине души Антон прекрасно понимал, что иначе ему в этой ситуации не выжить. И, если ради того, чтобы выбраться, нужно было даже замочить нескольких американцев, то он был согласен. А пока нужно было карабкаться в мокрой одежде по склону вверх, цепляясь за вылезающие из земли корни деревьев и усыпанные шипами ветки. Тяжелый рюкзак методично бил по затылку. Но Гризов уже начинал втягиваться. «Тяжело только первые полгода, вспомнил он армейскую мудрость, потом привыкаешь».

Американский вертолет, прочесав пулеметными очередями всю поверхность склона, улетел уже минут пять назад, до того как они причалили. А еще через двадцать минут группа российского спецназа была уже на вершине холма, венчавшего противоположный берег реки Тигр, чьи мутные воды рассекали столицу Ирака на две части.

Залегли метрах в десяти от дороги, в канаве. Осмотрелись. За спиной остался высокий берег Тигра и основные кварталы Багдада. Правее, где-то в полукилометре, там, где произошел взрыв, догорал американский блокпост, на который замыкались эта дорога и дорога, ведущая на мост. Братья-арабы со всего маху въехали в него на грузовике с полным кузовом взрывчатки. Американский «Хаммер» и небольшой домик у обочины дороги, где квартировал караул, превратились в обгорелые руины. Сейчас там сустились пожарные под охраной еще двух «Хаммеров». Вертолеты кружили дальше вверх по берегу, изредка постреливая. Видно, напали на след иракцев. На другой стороне дороги, ближе к взорванному блокпосту стояло несколько сельских домов с пустыми глазницами окон. Впереди по курсу, сразу за разбитой дорогой начинались холмы, укрытые сейчас легким туманом. Небо светлело на глазах. Еще полчаса и наступит рассвет.

Старшой, осмотрев всю эту картину, принял решение перебраться на другую сторону и встретить рассвет подальше от города. Так и сделали. Осторожно, по одному, чтобы не привлекать внимания озабоченных тушением пожара американцев, спецназовцы ползком преодолели придорожную канаву и бегом дорогу. К счастью, морпехи за дальностью расстояния их не заметили, а по дороге в этот час никто не проезжал.

Рассвет группа спецназа встретила в десяти километрах от Багдада, лежа в канаве у следующей дороги и наблюдая за изредка проходящим мимо потоком машин. Точнее это был не поток, а тонкий ручеек. Но он понемногу тек. За час в Багдад и обратно проходило пять или семь машин. Причем в большинстве случаев это были иракские машины, на которых жители столицы курсировали между пригородами, пытаясь торговать в условиях оккупации. Впрочем, иракцы любили торговать и не собирались себе отказывать в этом удовольствии даже после захвата страны американцами.

Температура воздуха быстро поднималась. Было еще раннее утро по европейским меркам, а здесь от жары уже можно было сойти с ума, не имея привычки. Гризов такой привычки не имел. Он имел привычку к дождям и туманам, гололеду, промозглой зиме и ледяным ветрам, что продувают насквозь. О чем и мечтал сейчас, лежа рядом со своим рюкзаком, потяжелевшим за ночь, как ему казалось, ровно вдвое. С носа капала пот. Кепка, песчаного цвета, выданная Костяном на привале, хоть как-то спасала голову от солнечного удара. Но, если придется пролежать здесь так еще час или два, пока солнце будет взбираться все выше по безоблачному небосклону, он просто зажарится в этих песках. Хотя, вокруг была еще далеко не пустыня. Спецназ не выбрался еще из зоны оазиса, где можно встретить

и воду, и траву, и деревья. Но уставшему и умирающему от жары Гризову этот климат, несмотря на худосочную травку, на которой он лежал, с непривычки уже казался Сахарой.

Остальные лежали молча, наблюдая за окрестностями. Коля Быстрый по русской привычке жевал сухую травинку. Голуаз просто бычил. А Костян чего-то ждал, разглядывая в бинокль то горизонт, то последний блокпост на выезде из Багдада, через который медленно пробирались машины. Наконец, в тот момент, когда Гризову показалось, что у него начал плавиться мозг, поступила команда:

– Внимание, Голуаз и Коля, выдвигаемся на дорогу. Изображаем новый пост и берем белый «Мерс», который только что прошел проверку. За ним никого больше нет. Но, без стрельбы по-тихому. Чтоб не спугнуть морпехов, они рядом. Журналист остается в засаде.

Гризов кивнул тяжелой головой, смахнув каплю пота с кончика носа. Остальные бодро поднялись, взяли короткие автоматы, заранее вынутые из рюкзаков, и быстро спустились на раскаленное полотно дороги Багдад – Эн-Наджеф.

Гризов на секунду заинтересовался автоматами. Это были не укороченные «Калашки», а совсем другая модель: узкие, тонкие, черные. И, судя по виду, легкие. Такие автоматы Антон видел только в кино у израильских или тех же американских спецназовцев. В том, что и нашим армейцам такие удобные игрушки не помешают, Гризов не сомневался, только вот отделить русского солдат от автомата Калашникова, пусть и громоздкой, но убойной машины, так быстро сознание как-то отказывалось. Должно было пройти время, отпущенное на осознание того факта, что генералы перестали думать только о своих черных прибылях и стали заниматься непосредственной работой: снабжением русской армии лучшими образцами вооружения. А их немало накопилось в различных секретных КБ. Кое-что уже даже дошло до опытных образцов. Уже даже стреляло, летало и плавало, поражая экспертов на военных салонах новизной технической мысли. Но, к сожалению, дальше единичных образцов дело не шло. То денег не хватало, то желания у командования. А в результате более расторопные американцы, вооружив свою армию новейшими образцами техники, сливали на мировой рынок всякое старье, продвигая Россию все дальше по пути одряхления армии.

Нет, когда-то мы были мощными и сильными, но все это было когда-то. В те времена, когда страной владел сильный дух коллективизма, объединявший людей. Его хватало на все, во всяком случае, на то, чтобы создать мощную армию. А сейчас своя армия, несмотря на отдельные, чудом, сохранившие боеспособность части, вызывала у Гризова странные чувства. Она казалась журналисту, знавшему русских людей, колоссом на глиняных ногах. Мощный каркас еще стоит, но дух победителей уже испарился. Ударь его посильнее, и он рухнет. Рассыплется в прах, открывая пехотинцам врага пусть к столице. Ведь так уже бывало в нашей истории не раз, когда враг, прорвав слабую оборону неверия в свои силы, докатывался почти до столицы, и смерть нависала над государством. Оно много раз могло перестать существовать. Но не перестало. Будет ли так всегда? Антону хотелось верить, что и теперь, в который раз, мы снова восстанем из пепла, и воинственный дух победителей вернется в наши души.

Пока Гризов размышлял на высокие темы, из-за ближайшего песчаного холма, выехал белый «Мерседес» старой модели. За рулем сидел бородатый араб, рядом еще один, похожий на него издалека, как две капли воды.

Голуаз и Коля Быстрый, стоявшие по краям дороги, были одеты в песчаного цвета куртки и того же декора брюки. Сразу не поймешь, военные или гражданские. А одинаковые кепки придавали им даже более военный вид, чем одежда. На то и сделал ставку Костян, одетый также и стоявший посреди дороги. Когда машина приблизилась на расстояние пятидесяти метров, он взял автомат в левую руку, приподнял дуло повыше, чтобы водитель понял его намерения недвусмысленно.

И водитель понял. «Мерседес» затормозил, взвизгнув покрывками. «Охранники» блокпоста приблизились с трех сторон к остановившейся машине, взяв на прицел водителя и его спутника. Водитель «Мерседеса» смотрел на странно одетых американцев, ожидая от них сигнала к действию. По его лицу было видно, что он сильно удивлен, если не сказать

больше. Будь его воля, послал бы всех этих американцев, понаставивших свои посты через каждый километр, к Аллаху, но сейчас за ними была сила, Аллах же оставил Ирак. И потому приходилось стелиться перед оккупантами и рассчитывать, что не убьют. Понемногу привыкать к новому порядку.

Со своего места Антону было видно, что все заднее сиденье «Мерседеса» было завалено апельсинами. Видно, ехали в Эн-Наджеф или промежуточные поселки толкнуть товар по сходной цене. Голод не тетка. «Интересно, подумал Антон, на каком языке будет общаться Костян с арабами. Неужели на арабском?».

Но все оказалось гораздо проще. Приблизившись, Костян махнул дулом автомата в сторону выхода и сказал по-английски:

– Гоу, гоу!

Уже привыкшие за время оккупации к новому языку арабы повиновались. Едва они вышли из машины, Голуаз и Коля Быстрый отогнали их на обочину, поставили на колени и связали веревками, вытащив их из своих карманов. Сообразив, что у них отнимают машину, купцы заволновались, один даже что-то залопотал по-арабски. Но Голуаз для остротки легонько ткнул его прикладом в плечо и сказал как на родном, войдя в образ:

– Шат ап, факин эрабс!

Водитель и его пассажир притихли.

Тогда Костян подал знак Гризову, который подхватил рюкзак на одно плечо и спустился к машине. Открыв задние двери, спецназовцы, наконец, заметили то, что Гризов рассматривал уже пять минут: апельсины. Надо было что-то делать.

Голуаз остался охранять арабов, Костян с автоматов наперевес наблюдать за дорогой, а Коля Быстрый вместе с Антоном стали руками выгребать апельсины из салона. Минут через пять основная масса цитрусовых перекочевала в придорожный песок к большому огорчению арабов, надеявшихся их продать в соседнем ауле.

– Все, – приказал Костян, – хватит. Пора грузиться. А то не ровен час, еще кто подоспеет. Не хотелось бы затевать стрельбу.

Открыв багажник, Гризов к счастью обнаружил его почти пустым. На дне валялись только пара ключей и какие-то инструменты. Почему иракцам взбрело в голову перевозить апельсины в салоне, этого он понять не смог. Видно, не только русские загадочная нация, которая возит сено в салоне автомобилей, как ему уже не однажды пришлось наблюдать в своей жизни.

Побросав рюкзаки в багажник, спецназовцы оставили себе только оружие, и расселись в салоне белого «Мерседеса». Костян, сев за руль, дал газу и, оставив в облаках придорожной пыли двух иракцев, погнал в сторону Эн-Наджефа, до которого было еще километров сто и неизвестно сколько американских блокпостов. Но Костяна это не пугало. По всей видимости, он с каждым километром приближался к своей цели и готов был использовать для этого любые средства, вплоть до экспроприации транспорта даже у арабов.

Поскольку американцы по этой стране перемещались только на военном транспорте, то последнее было гораздо незаметнее. Ирак, конечно, оккупирован. Но американцы играли в демократию перед объективами телекамер, и кое-де разрешали арабам перемещаться относительно свободно. Конечно, на каждом шагу человеку в гражданской машине требовался пропуск, но Гризов, увидев, как спецназовцы обходятся с американскими морпехами, решил, что в это время и этой стране, чтобы управлять всеми видами транспорта, им не нужны даже права. Они сами возьмут все, что нужно и разберутся с любым патрулем. А потому он спокойно сидел на заднем сиденье автомобиля, тихо радуясь, что хотя бы сейчас рюкзак не бьет его по затылку.

Тем временем Голуаз, расположившись на переднем сиденье, обследовал бардачок машины и не обнаружил там ничего путного: ни аудиокассет, ни ножа, ни стаканов. Только запывившиеся презервативы. Впрочем, все это у бойцов еще было в избытке, кроме кассет, в которых они не нуждались и презервативов. Не до секса пока. Война кругом. Чего нельзя было сказать об американских морпехах. Те, похоже, без «Плейбоя» с картинками

голых теток и плеера с рэпом в ухе, войны не представляли. Про американцев Гризов знал точно, пока их не ударить очень больно, как при Перл-Харборе, эти недоноски будут думать, что война это рок-н-ролл плюс «Кока-кола». Больше всего в своей жизни Гризов мечтал заставить хваленую американскую армию воевать на своей территории, чтобы нация пожирателей гамбургеров на себе ощутила всю демократию, которую она несет миру. Услышала звук падающих на голову авиабомб. Осознала свою настоящую миссию.

Два упавших небоскреба международного торгового центра тому подтверждение. Одной трагедии, а потом нескольких писем с Сибирской Язвой, оказалось достаточно, чтобы привести самый сильный с виду народ в панику. Этот удар был невыносим для гордости того, кто привык считать себя сильным, а свой путь самым верным в мире, забывая о том, что живет на планете не один. Пока не один. И кто-то должен был срочно умереть, чтобы народ, не дай Бог, не усомнился в своем образе жизни. Не перестал покупать «Кока-колу» и танцевать дикие пляски в церквях. А священники не перестали молиться о том, чтобы богатые прихожане пожертвовали им миллион долларов наличными.

Раздумывая надо всем этим, Гризов смотрел сквозь тонированное окно, на, то и дело, пролетавшие мимо финиковые пальмы. Пейзаж за окном был неизменным: холмы, чахлая растительность у дороги и некое подобие зеленого леса в глубине. Все-таки сейчас они ехали еще по территории самых плодородных земель во всем Ираке, со скоростью сто километров приближаясь к его пустынным окраинам.

Пока ни одной встречной машины им на дороге не попало, если не считать, что полчаса назад они разминулись с до боли родной «Пятеркой», водитель и пассажиры, которой пили яблочный чай, остановившись на обочине.

Вообще Антон отметил, что в Ираке попадалось довольно много родной техники. От машин до танков. Не зря же Советский Союз столько лет вкладывал сюда миллионы долларов, строил плотины и электротехнические заводы, делился технологиями, почти ничего не требуя в замен за инвестированные деньги. Разработка месторождений, конечно, тешила сердце, но в Ираке нефти было не много. Основная часть ее находилась в Кувейте и соседнем с ним Иране, а на долю Ирака оставалось процентов пять от общего количества в этом регионе. В мировом масштабе это было тоже не мало, особенно если принять во внимание ее отличное качество. Но Антону, как журналисту, почему-то казалось, что наши высшие менеджеры государства, как всегда разбрасывались народным достоянием, не умея его сохранить и преумножить. Они все отдавали даром, в отличие от тех же американцев, которые просто молились на наличные и готовы были продать все, даже своего президента, если им хорошо заплатить.

Глава десятая. «Дорога на Эн-Наджеф»

Проехав километров семьдесят по шоссе в сторону Эн-Наджефа по плодородным землям Ирака древний «Мерседес» стал выказывать первые признаки хвори: чихать и кашлять. Еще через пять минут Костян выдал диагноз:

– Баста, карапузики. Кончились танцы.

Он крутанул рулем вправо и автомобиль, нутужно чихая, закатился за придорожный холм, скрывшись из виду тех, кто мог проехать по дороге на Багдад. Приятная тень от нескольких деревьев, росших на холме, легла на раскаленную крышу «Мерседеса».

– Бензин? – уточнил Голуаз.

Костян кивнул.

– Он родимый. Скончался дешевый бензин в Ираке. Дальше придется думать.

– А чего тут думать? – переспросил Коля Быстрый, – шоссе рядом. Солнце еще не село. Впереди целый день. Надо двигать дальше по шоссе, командир. Рискованно, конечно, но пока нам везло. Прихватим новую тачку и дальше на юг.

Костян помолчал немного, а потом пробормотал себе под нос.

– Шла Саша по шоссе и сосала сушку... Ладно, надо пораскинуть мозгами. Голуаз в

дозор на холм, остальным отдыхать в тенечке. Как появится что на горизонте, дашь знак. Минут через десять не раньше. А я пока выйду на связь.

Голуаз, прихватив автомат, растянулся на песке с биноклем в руках. Сам Костян вылез из машины, обошел ее и достал из багажника свой рюкзак. Затем извлек из него портативный компьютер. Сев обратно, Костян открыл крышку и нажал на кнопку включения. Через несколько секунд экран ноутбука призывно заморгал. Высветилась надпись: «Введите пароль». Костян ввел и вошел в систему. Набрал короткое сообщение на клавиатуре, мгновенно отправил. Хотя никакого мобильного телефона Гризов не увидел. Наверное, в этом пакете было «Все включено». Что именно он набивал, Антон тоже не видел, да и подсматривать как-то было не ловко за своими. Наверное, написал «Вышли на исходную» или что-то похожее, подумал журналист.

Затем на экране возникла карта Ирака с обозначенными населенными пунктами. Тут уж Гризов не выдержал и подался вперед, в надежде узнать дальнейший маршрут движения, но к своему разочарованию не увидел на экране никаких красных стрелок, обозначающих направление главного удара. Только подробная карта местности с нанесением дорог, рек и вершин, города и различные поселки. Одно все-таки было интересно, карта показывала красным крестом их местонахождение в данный момент. Видимо, Костян сверялся по спутнику. Группа была уже недалеко от Эн-Наджефа. Впереди по курсу скоро должен был появиться какой-то городишка или поселок, которых вокруг Эн-Наджефа было штук пять, и все сосредоточены вдоль дороги. Там наверняка мог обнаружиться блокпост американцев. Не в первом, так во втором поселке.

Коля Быстрый, наклонившись к водителю, через его плечо рассматривал карту. Костян молча размышлял о чем-то минут пять, глядя на хитросплетения дорог и расположение населенных пунктов. Потом, наконец, вынес свое решение.

– Ладно, орлы, рискнем еще разок. Повторяем операцию. Берем транспорт и движемся километров двадцать по дороге вот до этой отворотки, – Костян ткнул пальцем в экран, где еле видная проселочная дорога круто уходила вправо, не доходя до первого поселка, – что ведет в обход населенных мест к воде. Опять берем лодку и плывем вниз по течению Евфрата еще километров двадцать, а там пристаем к противоположному берегу.

Мысль поплавать в очередной раз на такой жаре у Гризова не вызвала сопротивления, но проследив общий маршрут движения, журналист догадался, что они двигаются в сторону пустыни, которая постепенно начиналась именно к югу от Эн-Наджефа и не удержался от вопроса.

– Уважаемый, – поинтересовался он у старшего, – а мы часом не в пустыню собираемся? Не в Саудовскую Аравию?

Костя неопределенно помотал головой.

– Идем, как идет, брат. Куда глаза глядят. Гуляем.

– Ну-ну, – недовольно пробормотал Антон, откинувшись на сиденье, – конспираторы.

Костян выключил ноутбук и закрыл крышку. Затем вылез из машины, убрал его обратно в багажник и, осторожно подобравшись к Голуазу, залег рядом. Через пару минут с холма раздался приглушенный свист. Значит, со стороны Багдада по дороге что-то приближалось. Коля Быстрый и Антон, покинули «Мерседес», присоединившись на позиции к двум спецназовцам.

На этот раз, из-за дальнего холма показался старенький грузовичок с ободраным тентом. Это был «Форд» неизвестного года выпуска. Как ни странно, водитель находился в кабине один.

Операция прошла успешно и быстро. Русские спецназовцы вышли на дорогу, остановили арабского дальнбойщика, вытряхнули его из машины с криками «Гоу-гоу». Проверили кузов, который оказался пустым, если не считать жестяных ведер и нескольких ящиков. По всей видимости, этот водила только собирался что-то забрать или купить в окрестностях Эн-Наджефа, а потому гнал туда порожняком.

Оставив растерянного араба у дороги, четверо русских уехали на его грузовике.

Обследовав показания нехитрых приборов, сохранившихся на щитке, наверное, с тридцатых годов прошлого века, Костян обнаружил, что бензина хвати от силы километров на пятьдесят. Но, судя по намерениям старшего, больше им и не надо было.

В кабине «Форда» поместилось только двое, Костян и Голуаз, и то им там было тесновато. Гризов вместе с Колей опять оказались позади, то есть в кузове, среди гремящих ведер и ящиков. Здесь было ужасно жарко, к счастью тент был ободран не полностью и в целом защищал от солнца. Но вот от горячего ветра и песка, полетевшего на встречу, сразу после начала движения по автострате, уже ничего не спасало. Приходилось ехать, ужавшись в размерах и прищурившись, словно китайский спецназ.

Гризов любил поговорить по дороге с хорошими попутчиками. Но, в «Мерседесе» этого не получилось, отдыхал после марш-броска, устал с непривычки. А сейчас тем более возможности не было, стоило только открыть рот, как туда набивался летящий песок. Сквозь дыры тента, прищурившись, Гризов, тем не менее, мог видеть дорогу впереди, которая петляла меж песчаных холмов, то, пропадая, то, вновь возникая вдали среди финиковых пальм, тополей и неизвестных кустарников.

Трясаясь на ухабах, старенький «Форд» проехал по совершенно пустынной дороге еще километров пятнадцать или около того, когда далеко впереди Антон разглядел несколько высотных домов вполне европейской конструкции. Судя по всему, это был Эн-Наджеф или один из его урбанизированных пригородов. Город вдали заметил, похоже, не только зоркий журналист. Метров через пятьсот грузовик вдруг круто взял вправо и свернул с трассы на проселок, углубившись в небольшой редкий лесок, состоявший по мнению Гризова из каких-то тропических деревьев. Так он называл почти все здешние деревья, кроме финиковой пальмы и тополя, поскольку никогда в Ираке не бывал и местной флорой не увлекался.

Дорога пошла под уклон. Очень скоро, старенький «Форд», вырулив из-за крутого поворота, на полном ходу выскочил к переправе. Точнее это была паромная переправа через Евфрат, у которой столпилось к удивлению русских спецназовцев немало народа. Ожидая своей отправки на тот берег на плоском пароходике, к которому был привязан небольшой понтон, собралось около десятка разномастных машин. Водители стояли рядом, покуривая. Судя по виду у них было все в порядке: досмотр прошли. А чуть в стороне от общего места парковки, притулился вездесущий «Хаммер» с наблюдателями.

Костян мгновенно оценил обстановку, вместо ожидаемого пустынного съезда к воде они попали в самое оживленное место. Делать было нечего, лодку надо раздобыть в любом случае. Единственная помеха тому, – «Хаммер» с американцами. Быстро осмотрев место предстоящего действия, пока их еще принимали за очередных арабов желавших переправиться, Костян чуть не испустил радостный вопль каманчей. Справа от понтона виднелась, вытасченная на берег, настоящая современная моторная лодка. Рядом с ней сейчас копошились двое из четырех американцев, составлявших, судя по всему, весь гарнизон этого блокпоста. Третий сидел за рулем джипа, а не стоял за пулеметом, тоже хорошо. Ну, а четвертый, увидев грузовик, вскинул винтовку «М-16» и прогулочным шагом победителя направился досматривать вновь прибывших.

Разглядывая сквозь лобовое стекло этого расслабленного потомка и носителя духа древнеримской империи, без каски, бритого наголо, в солнцезащитных очках и с винтовкой в руках, Костян ловил себя на мысли, что тот очень уж хочет быть похожим либо на Шварценеггера, либо на Жана Клода Ван Дамма.

– Да, – сказал он сам себе, держа руки на руле, – испортило вас собственное кино.

А затем, обернувшись к Голуазу, который, опустив руки вниз, перевел затвор автомата в боевое положение и оценивал обстановку, добавил:

– Ну, ты все понял, да?

– А то, как же, – кивнул Голуаз, – лодку берем.

С этими словами он толкнул дверь грузовичка ногой, вскинул автомат и всадил прямо в лицо расплавленного от жары оккупанта, который уже начал с первым подозрением рассматривать странно одетых арабов, короткую очередь. Солдату напрочь снесло голову.

Выронив винтовку, которой он так и не успел воспользоваться, изуродованный труп мягко рухнул на прибрежный песок, как мешок с сеном.

Почти одновременно сверху из кузова раздалось, одна за другой, две коротких очереди. Это Коля Быстрый метко уложил двух других американцев, копошившихся метрах в тридцати от грузовика у самой лодки. Резко вскрикнув, оба рухнули лицом в мутную и теплую воду Евфрата, замутив ее своей кровью. Последний солдат удачи, сидевший за рулем «Хаммера» и смачно затягивавшийся сигарой, видно то был сержант, тоже не успел среагировать. На его лице отразилось только неизменное «Fuk!», когда Коля, полоснув по джипу третьей очередью, через неосторожно открытую бронированную дверь, пригвоздил сержанта к сиденью.

Разобравшись с американцами, Костян дал газу и подвел грузовичок прямо к берегу. Коля Быстрый прыгнул на песок и вместе с Голуазом, скользнув взглядом по окрестностям на предмет неучтенных морпехов, направился к лодке, чтобы осмотреть, не наделал ли он в ней дырок, когда стрелял. К счастью обошлось.

Костян вылез из кабины и махнул рукой Антону, чтобы тот покинул грузовик. Журналист прыгнул на мокрый песок, и, прихватив два рюкзака, свой и оставленный в кузове Колей, резво зашагал к воде. Последним к лодке приблизился Костян, прикрывавший операцию с тыла.

Испуганные арабы, прижавшиеся к своим машинам на понтоне и рухнувшие на палубу пароходика, наблюдали за происходящим, не зная, кто эти странные люди, затеявшие стрельбу. А когда убедились, что американцы все убиты, а их никто пока убивать не собирается, то подняли такой радостный вой, что он, наверное, был слышен на всем побережье Евфрата. Костян даже на всякий случай дал очередь в воздух, чтобы временно, до отъезда, утихомирить арабов. Те притихли на несколько секунд, но не найдя убитых в своих рядах, снова принялись радостно орать, указывая на американцев. Теперь их было не обмануть. Автоматная стрельба в воздух была для них с детства знакомой музыкой. В других обстоятельствах русских спецназовцев, вероятно, сделали бы национальными героями Ирака, но сейчас Костян решил обойтись без лишней помпезности.

Убедившись, что моторная лодка вполне пригодна для немедленного плавания и легко увезет четверых с багажом, спецназовцы, быстро погрузившись, отчалили под радостные крики иракцев. Перед отплытием, Голуаз сбегал обратно к «Хаммеру» и установил растяжку на дверь водителя, сбросив тело мертвого сержанта на песок. Так что американцев и в будущем ждал сюрприз. Не оставлять же в полном порядке целую боевую единицу.

Лодка была с металлическим днищем и резиновыми поплавками по всему периметру, что позволяло ей не утонуть, даже после получения дырок ниже ватерлинии. Мощный мотор «Меркьюри» работал на полную катушку, легко унося её с людьми и грузом вперед. Это вселяло надежду, но Костян, едва отчалили, сразу сообщил команде, что на такой классной лодке далеко не пройти. Американцы скоро узнают о происшедшем на переправе и кинутся ее искать. А до Эн-Наджефа рукой подать. Хотя, группе всего только надо пройти десяток километров по воде и высадиться на другой берег реки перед самым городом. Так что, может, и дотянут до места высадки. Ну, а если что, надо будет искать другое плавсредство.

Старшой как в воду смотрел. Не успела моторка со спецназовцами пройти по мутной и теплой воде Евфрата, на взгляд Гризова, и пяти километров, как позади раздался стрекот вертолета. Судя по звуку, даже сразу двух. Значит, американцы уже всполошились. Ничем хорошим это не грозило. Особенно когда на дворе белый день, а на реке никого кроме одной единственной моторки, которая в этих местах казалась инопланетным космическим кораблем и не могла не обратить на себя внимания вертолетчиков.

Костян обернулся к сидевшему за рулем Голуазу, крикнув:

– Правь к берегу!

Но тот и сам уже закладывал дугу в сторону тростников и видневшегося между ними утлого домика с пирсом. Когда вертолеты вот-вот должны были показаться из-за поворота реки, Голуаз на полном ходу загнал лодку под высокий пирс. Антон еле успел пригнать

голову, едва не рухнув на дно лодки, чтобы не расшибиться о нависавшее над водой здоровенное бревно. Для остальных такие развлечения, похоже, были в порядке вещей. Никто даже слова не сказал Голуазу. Только одному Антону захотелось крепко выругаться, но и он промолчал для конспирации.

Буквально через десять секунд вертолеты пронеслись в сотне метров над руслом широкой реки в сторону Эн-Наджефа. Гризов спинным мозгом почуял, что разыскивают именно их. Спустя минуту вертолеты вернулись, на этот раз они пронеслись прямо над пирсом. Успокаивало только то, что американцы не стреляли. Значит, точно не смогли определить их местонахождение.

Когда вертолеты, сделав еще один заход, улетели совсем, Костян скомандовал:

– Выбираемся на берег. Осторожно ищем местную лодку и ждем. Эту придется бросить. До темноты отсюда ни ногой. В ближайшее время американцы не успокоятся. Значит, пойдем ночью, переправа уже недалеко отсюда. Коля осмотришь.

Осторожно выгрузив рюкзаки с поклажей, спецназовцы заняли пустующий дом. Пока Коля Быстрый проводил рекогносцировку на местности, привязав лодку под пирсом, чтобы ее не заметили с воздуха, Голуаз успел сварить горячего супа из сублиматов, устроив в одной из закрытых комнат небольшой походный костер.

После всей этой беготни журналист ужасно устал и с удовольствием бы остался здесь на пару дней отдохнуть. На берегу Евфрата ему с первого взгляда понравилось. Тепло, светло, пологие прибрежные холмы, много зелени. Древние шумеры знали, где поселиться. Если бы он находился тут в творческой командировке или туристической поездке, то он так бы и сделал. Но его командировка формально закончилась с убийством Натальи из Самары. А все, что с ним происходило в течение двух последних дней и ночей, напоминало Гризову какой-то непрерывный кошмар. Он даже вдруг стал тосковать по своему уютному рабочему месту в редакции, где можно было, не торопясь, попить кофейку, глядя мутным взором в экран компьютера. И ждать пока навесит что-нибудь гениальное. Но все это было недостижимо.

Самым реальным из приятного пока оказался супчик, который сварил Голуаз в небольшом походном котелке. Каждому досталось по чашке. Отхлебывая свою порцию из алюминиевой чашки, выданной новоявленным поваром, Гризов, прислонившись к шершавой кирпичной стене, наслаждался моментом. Горячая жидкость с кусочками чего-то мясного, приятно обволакивая пищевод, просачивалась внутрь организма, который от этого приходил в экстаз.

Скоро вернулся Коля Быстрый. Голуаз отправился в дозор, а Коля, прихлебывая свой супчик, рассказал о том, что ему удалось в трехстах метрах вниз по течению обнаружить рыбацкую лодку и надывать по соседству весла. Все это спрятано до поры в укромном месте. А проведенная рекогносцировка на местности ясно говорила о том, что Эн-Наджеф уже совсем рядом. Но, в районе предполагаемой переправы расквартирована целая рота морпехов США. Там же находились пятнадцать «Абрамсов» и около дюжины «Хаммеров». Кроме того, чуть выше на холме расположились американские вертолетчики. На террасе, оборудованной под вертолетную площадку, стояло четыре «Апача». В общем, стоило призадуматься, прежде чем лезть с голыми пяткам на шашку.

Чапай, то есть Костян, впитав новые сведения, вскрыл свой ноутбук и проверил маршрут по звездам. Что-то набил на клавиатуре. После пятиминутного размышления он захлопнул крышку компьютера и выдал бойцам новую вводную.

– Получается, что переправляться сразу под городом нельзя. Выше города уже не сможем, назад тоже нельзя. Времени на обход нет. Остается одно, – проплыть через Эн-Наджеф и выйти на берег ниже по течению.

Коля Быстрый, не прекращая есть, кивнул. Ему, похоже, было все равно где переправляться выше или ниже по течению. А вот Гризов, услышав о том, что для начала придется проплыть под носом у американцев, которые только и ждут момента, чтобы накрыть людей уничтоживших блок пост на переправе прямо у них под носом, несколько

загрустил. Многие арабы на пароме их видели, и, несмотря на доброе дело, которое они сделали для оккупированного Ирака, могли легко опознать. Стоит американцам только прибегнуть к излюбленному способу вербования друзей в лагере врагов – подкупу – как немедленно найдется какой-нибудь арабский Иуда, который за пару долларов сообщит оккупационному командованию, что это был Гризов. А, поймав на этом деле русских с оружием, американцы получают в руки материал для скандала не хуже, чем тот, что нес сам Гризов в своем рюкзаке. Причем можно сначала их убить, а потом раструбить на весь мир, что русские спецназовцы убивают американцев в Ираке.

Впрочем, как уже понял и сам журналист, выбора у него опять не было. Он уж точно не знал, где именно нужно переправляться и зачем вообще это нужно. А потому смирился, доел свой супчик и лег спать, предварительно уточнив у Костяна, что спать можно, поскольку выступать в это великое, дай Бог не последнее, плавание, придется только, как стемнеет. В дозор его почему-то не ставили, видно, не доверяли пока военной выучке журналиста.

Антону показалось, что он едва закрыл глаза, как его тут же разбудили. На самом деле, за пустым оконным проемом уже расплылась по небосводу черная восточная ночь, усыпав его звездами. Что, однако, не делало ночь светлее.

Закинув рюкзаки за спину, группа отправилась вслед за Колей Быстрым, который повел всех к лодке, спрятанной в укромном месте на берегу. Шли минут двадцать в кромешной темноте, стараясь не шуметь и слушать ночные звуки. Местом, где Коля спрятал новое плавсредство, оказалась укромная заводь, окруженная со всех сторон тростником.

Лодка на ощупь была почти как две капли воды похожа на ту, на которой они совершили свою первую переправу в Ираке через теплые воды Тигра. На той лодке Гризов засадил занозу в палец, который болел до сих пор. Основным отличием был невысокий тент, натянутый над половиной лодки, который при необходимости мог защитить от дождя. Хотя, никаких дождей за все время пребывания в Ираке Антону увидеть не удалось. Решив, что время поразмышлять о предназначении тента у него еще будет, журналист погрузил под него свой рюкзак. Помог погрузиться товарищам по оружию и залез в лодку.

Из заводи выходили на веслах. В первой партии за них взялись Голуаз и Коля Быстрый. Антон халявил пока, лежа среди рюкзаков на корме лодки и размышляя о том, спят ли сейчас американские солдаты на другом берегу. Костян, сидевший дозорным на носу, похоже, думал о том же. Едва лодка выбралась на открытую воду и ее течением начало сносить к центру реки, он приказал осторожно двигаться вдоль зарослей тростника, которыми был покрыт весь этот берег.

Голуаз и Коля напряглись и прижали плавсредство к тростнику так, что лодку, качавшуюся на черных волнах, было не отличить от воды. Мерно работая веслами, они старались не шуметь, чтобы не привлекать внимание расквартированных на противоположном берегу американцев.

В лагере морпехов, похоже, царил полный покой. Еще даже не поравнявшись с ним, Гризов услышал звуки рэпа, и разглядел мерцающие огни на дальней оконечности военной базы. Американцы были верны себе. Судя по всему, там началась дискотека. Сотня потных мужиков, не назначенных сегодня в наряд, оттягивалась, нервно дергаясь с банками пива в руках между силуэтами бронированных «Абрамсов» с зачехленными орудиями. С такого расстояния было не видно подробностей, но Гризов мог поручиться, что с женским полом там было не важно. Ни дать, ни взять бар «Голубая устрица» на выезде.

Свесившись через борт, Антон окинул взглядом акваторию. Впереди, в паре километров темнел Эн-Наджеф. К счастью во время войны там разбомбили почти все коммуникации, поэтому с наступлением темноты этот иракский город не заливался огнями, а погружался в темноту. Слева, до самого моста, стоявшего уже в глубине первых кварталов города, тянулся заросший тростником берег, вдоль которого крались на лодке спецназовцы. Никаких признаков набережной не было видно. Кроме того, оказалось, что весь город стоит на правом берегу, там же где и база американцев, а слева имеются только редкие пригородные постройки. Антон просто не поверил своему счастью. Впрочем, радоваться

было рано. Неизвестно, где морпехи расположили своих наблюдателей.

Самым ярким пятном ночного пейзажа сейчас была американская военная база на противоположном берегу, которой по всем канонам военного времени полагалось находиться минимум в полумраке. Но американцы, похоже, так не считали. Они уже никого не боялись и потому, захватив чужую страну, спокойно предавались своим любимым развлечениям – пьянству и наркотикам. Иногда, грабежам чужих культурных ценностей. Сразу за базой, в отблесках прожекторов, виднелся полуразрушенный минарет. Гризов готов был поспорить, что половина солдат-освободителей, воинов демократии, которые сейчас отплясывали между танками, обычно справляют там нужду. А на этих мужских танцах они были или обкурившимися или нанюхавшимися. В отличие от русских, которые в такой ситуации, скорее были бы пьяными в стельку и давно уже купались бы в реке.

Со стороны воды к базе примыкала небольшая деревянная пристань, по которой расхаживало двое патрульных. К пирсу был пришвартован и военный катер, оснащенный крупнокалиберным пулеметом, напомнивший Антону катер из фильма Копполы. На таком катере мог разместиться экипаж из пяти или шести человек. Только сейчас, кроме патрульных, на пирсе никого не было. Да и те с завистью посматривали в сторону пьяного буйства, происходившего между танков.

Провидение хранило русских. Река была довольно широка в этом месте, а ночь темна. Они миновали расположение основной группировки американских войск под Эн-Наджефом без проблем, помогла дискотека. Да никто из американцев и не верил, что арабы могли набраться наглости атаковать такую силу. Арабы и не атаковали. А вот у Гризова, взывавшего из темноты на распоясавшихся морпехов, просто руки чесались шархнуть по ним из чего-нибудь крупнокалиберного. И не обязательно из пулемета. Хорошо бы подтянуть артиллерию или вызвать авиацию. Пара заходов и нет базы. Но пока приходилось молча пробираться мимо берегом реки в надежде, что тебя не заметят.

Через полчаса они уже были в городе. Точнее, на левом берегу закончился тростник, и начались постройки. По большей части это были сараи, но скоро начались и дома. Большинство пустовало, хотя несколько раз с берега доносились голоса. Проплывая под мостом, в царившей тишине спецназовцы услышали сверху звук мотора, а потом английскую речь. На мосту ненадолго остановились два «Хаммера», патрульные о чем-то поговорили и быстро разъехались. Они явно не искали русских, проплывавших в этот момент под мостом, а просто несли службу. Похоже, никто в Эн-Наджефе не искал их. Это немного успокоило Гризова.

Скоро он и Костян сменили уставших гребцов. Работая веслами, Гризов даже взбодрился и решил, что за время этого путешествия он немного подкачается и поправит здоровье на свежем воздухе, если конечно, его не застрелят американцы.

Небо, полное звезд, нависало над ними бесконечным персидским ковром. Река казалась пустынной. Пока им не попало ни одной лодки. И вообще этот берег Ефрата словно вымер. Может быть, спасаясь от войны, жители покинули обжитые районы: бои за Эн-Наджеф были сильнейшими. А может, американцы вообще запрещали жителям Эн-Наджефа ходить по реке. Так или иначе, спецназовцы совершали свое ночное плавание в полной тишине, лишь плеск волн сопровождал их. Хотя это было им только на руку.

Методично работая веслом, стараясь с каждым гребком оставить позади как можно больше пространства, занятого врагом, Антон иногда бросал пытливые взгляды на городские кварталы видневшегося на правом берегу города. Во мраке, конечно, были видны только силуэты. Но иногда ему удавалось разглядеть большие дома, высотки, а однажды он даже рассмотрел огромный комплекс зданий, поразивший его своей монументальностью, которую даже ночь не могла скрыть. Что это было: один из многочисленных дворцов Хусейна или храм исламского святого, Антону было не ведомо. Но от этих камней исходил какой-то священный трепет. Гризов почуял его на расстоянии. Что-то магическое было здесь заключено. Может быть, там лежала древняя мумия или когда-то обитало местное божество, а может и нет, но здание это резко выделялось среди остальных силуэтов. Оно наверняка

было очень древним, простоявшим на этом месте не одну сотню лет, и видело на своем веку многих великих правителей Междуречья, от Хаммурапи до Навуходоносора.

«Надо будет на привале расспросить Колю о местных достопримечательностях, решил Гризов, надо же набираться информации от местного колорита. Да сделать пару снимков с натуры, а то никто и не поверит, что я здесь был».

Через час гребли они снова поменялись. Постепенно город остался за кормой. А спустя еще час, когда русло реки стало забирать вправо, они оказались уже далеко внизу по течению от Эн-Наджефа, благополучно миновав американские посты. Река здесь текла немного быстрее, и старшой разрешил отдохнуть, позволив ласковым водам Евфрата нести лодку, куда им вздумается. О месте высадки, которое Гризов полагал сразу за Эн-Наджефом, Костян почему-то пока молчал. А вода уносила их все дальше в сторону Кувейта. Постепенно начинало светать. Над рекой появился теплый туман такой густоты, что Антон не мог различить, где кончается вода и начинается небо. Берега вообще было не видно, поскольку лодка теперь шла ближе к середине реки.

Когда из-за дальних холмов по левую руку появился край солнца, журналист вдруг увидел там огромную круглую постройку из кирпича светлой глины, похожую на гигантскую башню с глазницами окон и проемами дверей. Она была колоссальной ширины. Целый город в башне. Неизвестно где начиналась, — основание тонуло в тумане, — и неизвестно где кончалась, поскольку башня уходила так высоко в небо, что терялась в облаках. Гризов не мог в это поверить. Он не увидел ее окончания. Таких небоскребов даже в Америке не было.

На секунду, оторвав глаза от башни, Антон уперся взглядом в дно лодки, пытаясь собраться с мыслями, а когда поднял их снова и посмотрел на левый берег, то ничего не увидел. Башни не было.

Глава одиннадцатая. «Вавилон позади»

Словно ища поддержки, журналист взглянул на своих спутников. Но те, как ни в чем не бывало, продолжали грести. Коля, не отрываясь, смотрел вперед, словно боялся, что из тумана вот-вот выплывет опасный валун. Голуаз расслаблялся позади, под тентом, думая о чем-то своем. А Костян, сидя на носу, смотрел на противоположный берег.

— Заворачивай вправо, — раздалась вдруг его команда, — здесь и пристанем. Хорошо уже.

Коля быстрее заработал веслом, а Гризов наоборот, пропустил несколько гребков. Лодка повернулась носом в сторону правого берега и, через несколько минут, уткнулась в мягкий песок.

Один за другим спецназовцы высадились на берег, озираясь по сторонам. Солнце поднималось все выше, немного развиднелось, но туман от реки все еще накрывал их с головой. Единственное, что они видели это высившийся чуть поодаль песчаный откос, на который и нацелился подняться Костян.

Антон тянуло спросить ребят, что это он сейчас видел. Но, поскольку его могли принять за сумасшедшего, ибо никакой башни больше не было, то он воздержался, решив для себя, что это был мираж. Они ведь уже почти подошли к границам пустынных областей Ирка, хотя недостатка в воде прока не испытывали, но чем черт не шутит. И все же на душе у журналиста было не спокойно. Никогда раньше он у себя глюков не отмечал, даже после сильных возлияний. А сейчас готов был поклясться, что видел эту чертову башню. Очень уж яркой и огромной она была, чтобы ее не заметить.

И все же объяснить самому себе, что он видел, а что нет, он пока не решался. Все-таки не доктор Фрейд. Решил подождать. Говорят, галлюцинации повторяются, если они навязчивые, а если нет, то проходят. Может из ребят, кто-нибудь что заметил, тогда легче будет. Говорят, что коллективных галлюцинаций не бывает. Если видели все, — то это правда, а не глюк. Антон решил поднять этот вопрос попозже. Хотя бы на первом привале.

Перед марш-броском на вершину холма, Костян велел ему впервые за время похода вскрыть рюкзак Ивана Петровича и достать автомат. Оказалось, что Гризов уже который день таскает за спиной автомат, хотя уже не раз мог его применить. Но, видно, у Костяна были на то свои планы. Он объяснил журналисту, как пользоваться этой портативной, по сравнению с автоматом Калашникова, игрушкой. Сказал, что лишний раз за него хвататься не надо, но следует держать наготове. С этого момента начинается новый, опасный участок пути, на котором их могут ждать сюрпризы. Стрелять велел, только если начнут палить по ним и то после того, как остальные спецназовцы откроют огонь.

– А где снайперская винтовка, тоже в рюкзаке? – не удержался от вопроса любопытный Гризов, – Иван Петрович ваш, вроде, за снайпера считался.

Костян бросил короткий взгляд на Колю Быстрого, но терпеливо объяснил:

– Винтовку мы не взяли. Ты из нее стрелять не умеешь, а нам она без Ивана Петровича ни к чему. Винтовка без снайпера это кусок железа. С автоматом сподручнее, да и тебе проще.

Следующие полчаса группа активно карабкалась по песчаному, кое-где поросшему чахлой травой, холму вверх и почти достигла вершины, на которой старшой разрешил сделать привал. Пока все отдыхали-курили, устроившись в овраге, сам он достал ноутбук из рюкзака, и что-то сообщил в центр и, судя по всему, стал ждать ответной передачи.

Антон в очередной раз подивился странной модели компьютера, хотя в наш век технологии развиваются такими темпами, что сознание за ними не успевает.

Сам Гризов в глубине души считал, что жить надо медленнее. Если гнаться за временем, то непременно заработаешь шизофрению, ибо человеку за компьютером все равно не успеть. Хотя все вокруг внушали, что именно так и только так и можно выжить в конкурентной борьбе.

На счет борьбы Гризов не спорил, в ней иначе не выжить. Но только борьба с конкурентами отнимает много сил и времени, поэтому каждому надо для себя решить чего он хочет: жить или бороться. Это далеко не всегда совпадало по сути. Если ты бизнесмен и деньги для тебя спорт, – дело твое. Но только бизнесменов в пересчете на душу населения было где-то полпроцента, а участвовать в конкурентной борьбе, жить в десять раз быстрее и думать только о деньгах призывали всех. Оттого что ты будешь пытаться это делать, крыша твоя уедет очень далеко. А жизнь не станет счастливее. Нет, прогресс, конечно, дело хорошее. Но Антону казалось, что в такой гонке можно проскочить мимо действительно важных для жизни вещей, а не только технологической мишуры.

Дерево не знает о техническом прогрессе и растет так, как задумано природой. Не дольше и не быстрее. Всеу свое время. А если стоять у этого дерева и поливать химикатами, заставляя расти быстрее, то получится мутант-переросток, плоды которого будут приносить вред, вместо пользы. Но человеку почему-то все труднее вписать свою жизнь в ландшафт.

Сидя в овраге, Гризов отложил автомат в сторону, привалился спиной к рюкзаку, вытер пот со лба, и посмотрел вниз. На другой берег. Туда, где недавно увидел что-то странное. Внизу у реки туман уже почти рассеялся. Солнце поднялось над холмами, и весь противоположный берег был виден отчетливо. Не было там никаких колоссальных строений. Разве что виднелось несколько полуразваленных домишек. Изгиб реки, холмы, дорога. Рощица тополей на горизонте и плантация финиковых пальм вдоль берега.

Голуаз курил сидя чуть в стороне, глядя туда же. Рядом Коля Быстрый любовно осматривал и протирал свой автомат.

– Слушай, – не выдержал журналист, – там, на реке, перед тем как причалить, я виде что-то странное.

Коля оторвался от созерцания автомата и переспросил, напрягшись:

– Кто-то за нами следил?

– Да нет, – махнул рукой Гризов и неуверенно продолжил, – ну, мне вдруг показалось, что на том берегу стоит огромное строение похожее на круглую башню. Только это не

просто башня, а как будто целый город в башне. Супернебоскреб, понимаешь, который теряется в облаках.

Коля внимательно посмотрел на другой берег.

– Нет там ничего. Ни башни, ни небоскреба.

– Да сам вижу, – кивнул Гризов, – только так явно мне все это привиделось, что я в начале думал, что это все на само деле там стоит. Вот ты скажи, историк, что на том берегу в древности находилось?

Коля Быстрый не задержался с ответом.

– Ниже по течению от Эн-Наджефа как раз и лежат земли, что сейчас называют колыбелью цивилизации. Здесь, где мы сидим-курим, было древнее государство Аккад, состоявшее из многих городов, а ниже по течению Шумер, слышал, наверное, про шумеров.

– Слышал, – кивнул журналист, – это они придумали клинопись, типа первую письменность, начали делать кирпичи из глины и плавить металлы, да понастроили повсюду каналов, чтобы урожай три раза снимать вместо одного.

– Ну да, в целом именно так, – кивнул Коля быстрый, стрельнув у Голуза сигаретку и с наслаждением закуривая, – Они уже тогда приунылись к разливам рек, и пытались их регулировать, с помощью каналов орошая отдаленные земли, отчего очень скоро все здесь стало плодородным.

– Жить захочешь, и не к такому привыкнешь, – вставил слово Голуз.

– Ну и строители местные тоже развивались. Архитектура была, будь здоров. Колонн понастроили, ворот парадных, храмов для своих божеств. Ведь почитай в каждом городе было свое божество. Например, в древнем Вавилоне главным богом считался Мардук, в честь которого местный правитель Хаммурапи выстроил огромный круглый храм-зиккурат. Храм назывался Эсагил и был известен на всю округу. В переводе его название означало «Достигающий облаков».

Проговорив это, Коля Быстрый осекся и задумался над своими словами. Затем проговорил медленно, словно смакуя слова.

– Знаешь, вот если бы мы сейчас путешествовали по древне-вавилонскому царству, то твой утренний глюк был бы очень похож на Эсагил. Кстати, по легенде именно с него писали знаменитую Вавилонскую башню. Ее по библейскому преданию потомки Ноя воздвигали в земле Сеннаар, то есть в Вавилонии, чтобы достигнуть небес. Бог, разгневанный замыслом строителей, смешал их языки, чтобы они не могли понимать друг друга, а самих рассеял по миру. Ну, а город, где строилась башня, получил название Вавилон, происходящее, от еврейского слова «балал» – смешивать.

– Короче, во всем виноваты строители, – подытожил Голуз и добавил, – еврейские строители.

– А где конкретно стоял этот городок? – поинтересовался журналист, любивший во всем конкретику, даже в мифах.

Коля опять задумался, словно вспоминая карту древнего Аккада.

– Вавилон стоял на этой же реке, на Евфрате. Но русла обеих крупнейших рек Месопотамии, Тигра и Евфрата, за пять тысяч лет переместились на восток. Поэтому древние города, стоявшие раньше на берегах Евфрата, теперь находятся где-то вон там.

Сказав это, Коля указал на холмы противоположного берега. У Гризова заболела голова.

– Если еще точнее, то древний город Вавилон располагался на реке Евфрат, где-то в девяноста километрах к югу от современного Багдада. Я читал, что там проводились раскопки, и оказалось, что город был хорошо спланирован. Сохранившиеся остатки домов были построены из сырцового кирпича. На древнем семитском языке его называли «Баб-илю», что означало «Врата бога». На греческом и латинском это название трансформировалось в «Вавилон». Под таким названием мы его и знаем.

В этот момент старшой получил указания, которых долго ждал, и вмешался в разговор, вернув Колю Быстрого и Гризова к действительности.

– Кончай базар, историки, пора двигаться дальше. Бабилон не Бабилон, подъем и бегом марш.

Антон бросил прощальный взгляд на дальний берег реки, но ничего там не увидев, надел рюкзак, набросил ремень автомата на шею, и потрусил вслед за Колей вверх по холму. Скоро они оказались на вершине береговой линии, поросшей чахлой травой. Дорог здесь пока не было, зато вдалеке был хорошо виден Эн-Наджеф, который они так удачно миновали ночью. Теперь их путь лежал на юг. Оставив за спиной развалины невидимого Вавилона, группа российского спецназа, в состав которой временно вошел журналист Антон Гризов, взяла старт на берегу Евфрата и легким бегом устремилась вперед.

Антон, конечно, предпочел бы плыть дальше на лодке или ехать на машине, но неизвестная ему операция входила в новую фазу, о которой недавно намекнул старший. Получалось, что эта фаза еще меньше предполагала контакты с врагом по собственной воле, но враг, оттого не становился менее вероятен. Даже наоборот. Иначе Гризову не выдали бы автомат, который теперь больно бил его по животу коротким, но увесистым рожком. Впрочем, Антон бежал когда-то и с автоматом Калашникова. Тот вообще мог своим весом утянуть под воду, чем себя и успокаивал на бегу журналист.

Пробежав таким ходом километров десять, они достигли дороги. Судя по всему, той самой, с которой свернули днем раньше, променяв машину на лодку. С обеих сторон к дороге подходили холмы, за которыми можно было укрыться и осмотреться. На этот раз захват машины не входил в планы разведгруппы. Костян, бросив пристальный взгляд по сторонам и не обнаружив ничего подозрительного, только ветер колыхал придорожные финиковые пальмы, велел пересечь дорогу и двигаться дальше.

До самого захода солнца ничего примечательного не случилось. Спецназовцы методично топтали песок и чахлую траву своими ботинками, петляли между холмами, с каждым часом удаляясь от обжитых районов и приближаясь к ведомой только старшему цели.

Гризов устал как собака. Высокое солнце посылало на землю испепеляющие лучи. Пот тек со лба ручьями, но делать было нечего, сжав зубы, он терпел, стараясь не обращать внимания на автомат, который по-прежнему болтался на шее. Сам с собою грустно шутил о том, что за время этого приключения так поднатаскается в военной службе, что по возвращении домой уйдет из университета и подаст документы в училище ВДВ. Может быть, в то самое, воздушно-десантное, в котором в последний раз видел иракского генерала Рушди Хезбаллаха. Быть может, отцы-командиры зачтут ему боевой опыт передвижения по оккупированному Ираку, а Костян замолвит словечко при поступлении. Хотя боевого опыта было еще, – кот наплакал. Опыт пока складывался только гребной и беговой. А с таким лучше было идти в какой-нибудь спортивный ВУЗ.

Когда огромное красное солнце стало падать на горизонт, бежавший впереди всех Костян вдруг остановился, поднял руку вверх и велел всем залечь. Гризов с радостью рухнул на песчаную почву и даже не стал рассматривать, что там впереди заметил зоркий Костян. Коля и Голуаз лежали рядом, тоже стараясь отдышаться, использовать минуты неожиданного отдыха по максимуму. И даже на солнце всем было уже наплевать. Ему оставалось не долго, еще полчаса и наступят короткие сумерки, а затем мгновенно опустится ночь. Это вам не Питер с белыми ночами и не Заполярье с многомесячным полярным днем, когда солнце вообще не опускается за горизонт, а люди порой не знают, что сейчас ночь или день на дворе. Часы в такую пору, – источник обмана. Все равно не понять, что именно показывают. Можно ли еще спать, или уже безнадежно опоздал на работу.

Слегка отдышавшись, Гризов заметил, что старшой подает им какие-то знаки, приказывает приблизиться. Коля и Голуаз, пригнувшись, уже подбежали к нему, легли рядом. Журналист поднялся и нехотя последовал за ними. А когда, наконец, соизволил посмотреть в том направлении, куда указывала рука Костяна, то заметил оживленное движение в бескрайней пустыне, а точнее в полупустыне, куда они вклинивались все глубже.

Прямо по курсу виднелся десяток работающих нефтяных вышек. Судя по конструкции,

это были простейшие механизмы, качавшие нефть из неглубоких скважин. Вообще, Хусейну в свое время было грех жаловаться на недостаток денег. Нефть местами чуть ли не разливалась по поверхности, качай себе да продавай за границу измученной нехваткой ресурсов Европе. И не надо никаких высоких технологий. Даже глубокого бурения не надо. Жизнь и так хороша. За то и поплатился. Не смогли американцы выдержать, что кому-то живется не хуже, чем в Америке, но при этом этот кто-то налогов не платит и поливает нецензурными словами папу Буша. Зато теперь эти нефтяные скважины, те, что не успели взорвать гвардейцы Саддама, моментально перешли во власть папы Буша, который продолжал качать из них нефть, за которую раньше платил деньги. Теперь эту новую американскую собственность охраняло около десятка танков «Абрамс», добрая дюжина знакомых бронемашин типа «Хаммер» и еще два вертолета «Апач». Все это Гризов рассмотрел в бинокль, который добрался до него, после того как Костян, Голуаз и Коля внимательно изучили боевые возможности противника. Теперь они в полголоса совещались, лежа на вершине песчаного холма.

До нефтяных скважин было метров пятьсот. Почти все танки были выстроены в два ряда с левой стороны от скважин, лишь несколько штук маячило в дальнем конце построек. Еще два «Абрамса» медленно ехали, чуть ниже линии горизонта, поднимая за собой столбы пыли и песка.

На тему где теперь север, а где юг Гризов давно перестал беспокоиться. В этом не было никакого смысла. Он знал главное, что находится в самом центре Ближнего Востока. Ближе и Восточнее просто некуда. Остальное не имело решающего значения.

Справа от скважин из привезенных блоков были построены походные казармы, которые смотрелись посреди пустыни как отель «Хилтон». Прямо напротив казарм припарковался десяток «Хаммеров». Рядом с машинами прямо под открытым небом копошилось несколько техников, остальные солдаты видно гуляли в своих казармах. Даже до отдаленных холмов, где расположился сейчас русский спецназ, ветер иногда доносил обрывки английских фраз, выкрикиваемые пьяными голосами.

Все скважины были обнесены по периметру легкой колючей проволокой. По краям пулеметные вышки. Основной въезд на охраняемую территорию находился с дальней стороны. Там, где сейчас кромсали гусеницами иракскую землю два американских танка.

С ближней к десантникам стороны, прямо у колючей проволоки, припарковались два бронированных джипа. Солдаты в полевой форме, вместо того чтобы нести службу, устроили импровизированный мангал. Развели костер, обложили его камнями, положили сверху решетку радиатора от какой-то разобранной машины и собирались зажарить на ней куски мяса. В память о далекой Америке они, похоже, собирались устроить настоящее барбекю рядом с нефтяными скважинами. Глядя на их приготовления в бинокль, Гризов подумал о том, что эти идиоты даже не догадываются насколько простой шашлык вкуснее всяких барбекю и фондю вместе взятых. Что сказать, американцы, – жители магазинов.

А еще в паре сотен метров от барбекю, слева, стояли, грузно опустив лопасти винтов, словно уставшие стрекозы, два военных вертолета системы «Апач» и один штабной вертолет неизвестной марки. Судя по всему, «Апачи» были с полным боекомплектom. Готовые в любой момент подняться в воздух и нанести удар по арабам, пожелавшим отобрать свою нефтяную собственность назад. Но, если судить по раскованному поведению пехотинцев, арабы здесь давно не появлялись и не тревожили захватчиков. Хотя, от обитателей древнего Междуречья можно было ожидать всего. Похоже, американцы это понимали. Потому и держали здесь такую бронированную армаду.

– Ситуация понятна? – уточнил Костян, когда все, включая журналиста, осмотрели в бинокль работающие скважины, постройки и систему охраны. Коля и Голуаз кивнули. «Вот оно, подумал Гризов, наша цель, – взорвать нефтяные скважины».

Однако Костян, помолчав еще немного, сообщил:

– Коля с журналистом пробираются к вертолетам, убирают охрану и ждут нас. Мы с Голуазом разбираемся с любителями жареного мяса в пустыне, чтобы случайно не

помешали. Берем вертолет и двигаемся дальше. Все понятно? Начинаем, как солнце сядет.

До захода солнца оставались считанные минуты. Вот уже последний луч заскользил по холмам и исчез. Настало зыбкое время сумерек. Пустыня стала быстро погружаться в ночь.

«Интересно, думал Гризов, глядя на эту игру света и теней, как это у него все просто получается «убирают охрану и ждут». А если я в жизни никакой охраны не убирал, да еще вооруженной до зубов? Кроме того, надо через проволоку незаметно перебраться. Да еще наверняка у них тут меж холмов датчиков понатыкано всяких, не пройти, не проехать, ни тушканчику без визы прошмыгнуть».

Никто почему-то не стремился его разубедить и успокоить. Но, эта паника сама собой неожиданно для Гризова прошла. Может быть, Костян и не надеялся на него, как на обученную боевую единицу. А надеялся больше на Колю Быстрого, против которого хоть роту охраны выставляй, все равно всех «уберет, и будет ждать». А раз так, то журналисту оставалось только следовать за Колей, да действовать по обстановке. Паника прошла, но небольшой мандраж оставался, все-таки не каждый день нужно было атаковать усиленно охраняемые объекты американцев. Но Гризов старался отгонять все черные мысли подальше.

Наконец, солнце село совсем. Холмы слились в единую сумеречную линию, а самой яркой путеводной звездой оставался костер, разведенный уверенными в себе американскими пехотинцами. Между работающими нефтяными насосами, зажглись тусклые лампочки, похожие на огни аварийного освещения. Издалека вся эта картина напоминала поле с копошащимися светлячками.

– Пора, – только и сказал Костян, исчезая в ночи.

Следом за ним в сумерках растворился Голуаз.

– Двигай за мной, – приказал Коля Быстрый, – автомат держи наготове, но до последнего не стреляй. Надо все сделать тихо. В левом кармане рюкзака у тебя есть нож. Пальнешь раньше времени, – засыпемся. А нам еще до цели далеко. В общем, держись позади, может и пронесет.

Так Гризов узнал, что атака на нефтяные скважины была чистой случайностью, подвернувшейся по дороге. Но выбора у него, как всегда, не было. Приходилось становиться героем. Он поставил автомат на боевой взвод, достал нож и засунул его в специальный карман в районе лодыжки, оказавшийся как нельзя кстати на его затертых брюках.

Приблизившись к лагерю и бесшумно спустившись с холма, словно змея, Коля Быстрый выудил неизвестно откуда кусачки и перекусил в нескольких местах колючую проволоку. Затем приподнял ее и жестом дал понять Гризову, что тот полезет под нее первым. Журналист, пригнувшись, прошмыгнул под колючкой, стараясь не зацепиться за нее одеждой или не задеть автоматом. Отполз на несколько метров и залег озираясь. Все прошло чисто. Справа по-прежнему веселились пехотинцы, дожидаясь первых кусков готового мяса. Кроме костра, никакого света они не зажигали, что было только на руку русским. Где сейчас Голуаз и Костян, сам Гризов мог только догадываться.

Сзади подобрался Коля и, осторожно тронув за плечо, шепнул «Следуй за мной». Ступая почти след в след вдоль колючки уже они добрались к стоянке вертолетов, когда неожиданно, далеко позади, где американцы делали свое барбекю, зажегся мощный свет фар. Видно, водитель одного из «Хаммеров» решил подсветить место ночного пикника. Гризов обернулся и даже отсюда увидел две фигуры, подкрававшиеся к сидевшим вокруг костра солдатам, которые беззаботно потягивали пиво из банок. Увидели их и американцы, но было поздно.

Поняв, что обнаружены, спецназовцы перешли в атаку. Винтовки американцев лежали тут же на песке, но дотянуться до них не успел никто. Костян и Голуаз дав несколько коротких очередей в упор, уложили наповал всех участников барбекю, которым так и не удалось полакомиться жареным мясом. Однако, оставался еще водитель, который выхватил лежавшую в машине винтовку и стал отстреливаться. Спецназовцы разбежались в разные стороны, исчезнув из света фар.

В этот момент Гризов услышал впереди сдавленный крик. Обернувшись. Он понял, что слишком увлекся созерцанием отдаленного боя, тогда как другая схватка уже началась прямо перед ним. Коля Быстрый стоял в двадцати метрах от ближайшего вертолета, а перед ним с ножом в шее корчился застигнутый врасплох охранник. Но, как скоро выяснилось, он был тут не один. Привлеченные шумом перестрелки из-за штабного вертолета выскочили еще двое пехотинцев и побежали в сторону костра, начав беспорядочную стрельбу по противнику. Но, увидев в едва долетавших сюда отблесках ночного освещения, труп пехотинца и двух неизвестных, сразу же переключились на Гризова с Колей.

Не сходя с места, Коля уложил правого, бросив второй нож. Гризов упал на землю и открыл огонь по оставшемуся солдату. На удивление, тоже попал. Хотя очередь и пришлась наполовину по бронированному боку «Апача». Американский пехотинец, которому свинец вошел в грудь и шею, нелепо вскинул руки, выронил винтовку «М-16» и рухнул навзничь.

Больше из-за вертолетов никто не выскакивал, но зато загорелись яркими огнями фар «Хаммеры» в отдалении у казармы и даже несколько прожекторов на танках слева. Гризов видел, как сразу пять бронемашин устремились к месту недавнего барбекю. Прислушался. Перестрелка там уже стихла. Голуаз и Костян свое дело знали, они давно уже расправились с водителем джипа и бежали в сторону вертолетной площадки.

– Прыгай в вертолет, – приказал Коля Быстрый, указав на один из «Апачей», а сам побежал к пузатому штабному вертолету, казавшемуся в потемках еще толще, чем он был, рванул округлую боковую дверь и исчез внутри.

Повинуясь приказу, журналист открыл дверцу, которая больше походила на люк и, оттолкнувшись от ступеньки, забрался в верхнюю кабину двухместной машины. Несмотря на то, что это был военный вертолет, кресло пилота или штурмана, на котором он оказался, было вполне комфортным. Это журналист почувствовал сразу. Однако, сейчас его больше беспокоили джипы американцев, которые приближались с небывалой быстротой. Еще немного и, если Коля не вернется и не заведет эту хреновину, можно вообще не взлететь. Одна очередь из крупнокалиберного пулемета, стоявшего на каждом из приближавшихся «Хаммеров» могла решить все дело.

Гризов видел как прямо перед ним промчались по направлению ко второму «Апачу» две темные фигуры, – Голуаз и Костян. Они мгновенно забрались внутрь, и, спустя несколько секунд, винт их боевой машины начал свое спасительное вращение. А Коля все не проявлялся. В панике журналист начал щелкать тумблерами и дергать за всякие рычаги, но ничего не происходило. Усилием воли он заставил себя прекратить, мог еще заклинить, что-нибудь не зная системы.

Тем временем «Хаммеры» уже поравнялись с местом барбекю, два затормозили. Из них посыпались солдаты с винтовками, оцепив место недавней перестрелки. Три остальных джипа рванулись дальше к вертолетной площадке. Антон уже чувствовал, как пулеметчики наводят на него жерла своих смертоносных орудий, а Коли все не было. Тогда Гризов закрыл глаза и вдруг представил себе, что он центр управления этого вертолета, его мозг, его нервная система. И неожиданно почувствовал, что машина откликается на зов. Он действительно ощутил себя мозгом этой боевой машины, прислушался к своим ощущениям и понял, где находится система управления огнем, где навигационные приборы, а где тумблер, запускающий винты. Не долго думая, Гризов нащупал и рванул этот тумблер на себя, а заодно и еще несколько, находившихся рядом на приборной панели. «Апач» ожил. Приборная панель призывно загорелась огнями. Засветились десятки датчиков. Медленно, даже, как показалось Гризову, со скрипом, сдвинулся со своего места неподвижный винт и потихоньку начал вращение. С каждой секундой все быстрее и быстрее.

В этот момент хлопнул нижний люк и в вертолете образовался коля Быстрый с какой-то сумкой и кожаной папкой в руке. Бросив все это себе под ноги, вместе с рюкзаком, Коля схватился за рычаг управления и потянул его на себя. Уже разогретый вертолет взмыл вертикально вверх, заваливаясь на правый борт. За несколько секунд до этого Гризов наблюдал старт второго «Апача», за штурвалом которого сидел Голуаз.

– Ты что, – спросил Коля, выравнивая вертолет, – без меня собрался улететь?
– Без тебя улетишь, – усмехнулся Гризов, – думал уже не дождусь. Где ты так долго болтался?

В этот момент снизу, глухо застучала пулеметная очередь. Коля бросил вертолет резко в сторону. В черноте ночи раздался взрыв, и Антон увидел, как взлетел в воздух и развалился на куски штабной вертолет, подмяв под себя один из «Хаммеров».

– Занят был немного, – ответил Коля, разворачивая вертолет носом в сторону надоедливых джипов, – надо было кое-что подчистить.

Из-под бронированного брюха «Апача» вырвалась ракета и разметала в клочья гордость американской армии. Точнее сразу две гордости, одним ударом уничтожив больше дюжины пехотинцев. Но Коля и не собирался улетать так рано. Антон разыскал в ночном небе второй вертолет, – тот кружил неподалеку. Не сговариваясь, оба «Апача» развернулись хищными носами в сторону нефтяных вышек и разбросанной вокруг американской техники. «Ну, сейчас начнется настоящее веселье, подумал Гризов».

Глава двенадцатая. «Сквозь пустыню»

Особо не прицеливаясь, вертолеты открыли огонь по нефтяным скважинам. Первая же ракета, выпущенная из вертолета, в котором находились Костян и Голуаз, разнесла в клочья ближайшую вышку. Темноту ночи прорезал взметнувшийся в небо фонтан горячей нефти, освещая все вокруг адским пламенем. Несколько полыхавших обломков от разлетевшейся на куски вышки рухнули на соседнюю, запалив и ее. Коля Быстрый тоже не дремал, разрушив двумя ракетами целых три нефтяных насоса. Становилось все светлее. Подожженная нефть выстреливала в ночное небо яркими фонтанами, между которыми лавировали вертолеты. Поляна разрушений все разрасталась. Русские спецназовцы, словно забыв про задание, забавлялись, продолжая жечь нефтяные скважины.

Но американцы тоже не спали. Урок с барбекю заставил их вспомнить, что не все люди на земле их боятся. Первым подтверждением пробуждения американцев стала ракета, выпущенная по вертолетам с башни одного из «Абрамсов». Гризов почуял ее в момент старта и, сам того не ожидая, каким-то образом вмешался в управление, бросив вертолет вниз. Ракета просвистела над самым винтом и унеслась в пустыню. А Коля Быстрый, выровняв машину, понял, что на несколько секунд терял управление над ней, и настороженно покосился через плечо, что-то пробубнив себе под нос. Однако, бой продолжался и следовало крепче наказать вооруженные силы США за эту ракету, тем более, что за ней последовали еще две с таким же успехом. Танки начали воздушный бой с вертолетами.

Не сговариваясь «Апачи», управляемые русскими, развернулись в сторону скопления американских танков и на бреющем полете прошли над ними. После этого две бронированные гусеничные машины остались гореть на своих местах. Но танков было еще много. К ним присоединились «Хаммеры», постоянно лавировавшие между горящими вышками. С «Хаммеров» по вертолетам открыли огонь из крупного калибра. А один из танков даже произвел оружейный залп в надежде сбить снарядом круживший над ним вертолет.

Пока что вертолеты были неуязвимы, но военное счастье могло изменить русским, если долго искушать судьбу. Силы были не равны, хотя у вертолетов было явное преимущество в маневренности. Чем они пока успешно пользовались. Между тем, несмотря на риск провалить основное задание, ни Голуаз и Коля Быстрый не торопились уводить в ночь свои машины. Гризову показалось, что они почуяли запах крови и устроили настоящую охоту за «Хаммерами». Словно коршуны, они падали из темных небес на огрызающуюся огнем жертву и терзали ее ответным пулеметным огнем, до тех пор, пока на месте бронемашин не взлетал в небо фонтан огненных брызг. Во время одного такого захода пулеметная очередь американцев хлестнула по бронированному боку «Апача», в котором сидел Гризов. К

счастью броня выдержала, в противном случае пришлось бы не сладко. Шансов уйти пешком от остатков боевого охранения нефтяного месторождения у спецназовцев почти не было.

Наконец, старшой связался с ними по радио и сообщил:

– Думаю, хватит для начала. Это барбекю они надолго запомнят. Пора сматываться, сюда наверняка уже спешит подмога. Лети за мной.

И его вертолет устремился в сторону пустыни. Выпустив последнюю ракету по уцелевшим еще скважинам, оставив под собой горящие нефтяные вышки, несколько искореженных танков и почти все бронемашины, Коля Быстрый пристроился за ведущим. Через несколько мгновений зарево осталось далеко позади, а вертолеты провалились в арабскую ночь. Судя по всему, «Апачи» не получили серьезных повреждений и могли лететь, пока не закончится топливо, которого в бронированных баках было достаточно. Ракеты закончились, патроны еще оставались. Но Гризова беспокоило не это. Сейчас они столкнулись не с партизанами, а с регулярной армией. У которой, помимо танков и вертолетов была еще и система слежения из космоса. А тот разгром, который они только что учинили на месторождении нефти, был оттуда виден очень хорошо. Современная война позволяет следить за противником с неба. И сейчас Гризов был почти уверен, что космические глаза пристально смотрят на них. Журналист почувал, что их засекли. А это означало, что в любой момент американцы попытаются нанести ответный удар. Вопрос только, как и откуда.

Антон поделился своими мыслями с пилотом, который вел захваченный вертолет сквозь ночной мрак.

– Ничего, – флегматично отозвался Коля, – Бог не выдаст, свинья не съест. Скоро мы избавимся от этих громоздких штук и тогда снова растворимся в пустыне. Техникой сейчас пользоваться, себе дороже, тут ты прав. Но мы торопимся, поэтому пришлось рискнуть.

– Если торопимся, то зачем было разносить вдребезги месторождение? – уточнил как бы штурман, – столько времени потеряли.

– А ты сам не знаешь? Конечно, задание, прежде всего. Но, хамов надо учить. Случай представился. Не удержались. Зато сколько добрых дел наколбасили. Буш теперь долго будет плохо спать. А мне, – бальзам на душу.

– Так я и думал, – кивнул Гризов, – разведчики тоже люди.

– Тут ты опять прав. К сожалению, они тоже люди. Страстям подвержены. Были бы роботами, работалось бы легче.

– Ну да, роботам живется легче, – согласился, на сей раз, Гризов, – Был бы ты, например, терминатор. Оторвало тебе взрывом голову или клешню, ты новую приставил, прикрутил, перезагрузился и дальше воюешь. А человек, – мучайся.

– Ага, – кивнул Коля в сторону оставшегося за спиной нефтяного месторождения, – эти вот так и живут. И хотят, чтобы все также жили. Им душа ни к чему.

Разговор как-то сам собой прекратился. Антон уставился в темноту за стеклом. Там было почти ничего не видно, все сливалось, отчего иногда ему казалось, что вертолет не летит, а плывет под водой на большой глубине. Летели так довольно долго. Может час. Может два. Несмотря на стрекот винта над головой, постепенно Гризов задремал. Изможден был навалившимися испытаниями. Беготней, перестрелками. Все-таки впервые застрелил человека. Хоть и на благо родины, а застрелил. Все произошло мгновенно, и мысль об этом пришла в голову Гризову только сейчас. Раньше почему-то не приходила, не до того было. Ну а как такой ритм жизни выносили спецназовцы, и о чем думали, Антон даже не представлял. Они порой казались ему железными. Наверное, эти железные люди относились ко всему происходившему вокруг как к работе. Служба есть служба, хотя и здесь страсти иногда прорывались. Вот, месторождение, походя, разнесли. Ничто человеческое, как выяснилось, им тоже не чуждо.

Когда журналист очнулся, то сразу ощутил знакомую вибрацию, – вертолет по-

прежнему летел сквозь пустыню. Только за бортом уже начинало светать. Первые робкие лучи пробивались из-за горизонта, разливая по песчаным холмам светлую рябь.

«Интересно, подумал, очнувшись Гризов, если уже рассвет, а мы не меняли направления, значит мы уже глубоко в пустыне. Похоже, несмотря на маскировку, Коля не хочет пока извлекаться от вертолета. Что же мы здесь ищем?». Последнюю фразу он даже повторил вслух.

– Ты же понимаешь, уважаемый, – бодро отозвался Коля, для которого, похоже, сон вообще был лишней тратой времени, – военная тайна. И тебе ее пока знать рановато. Вот отыщем то, что нужно. Может и поймешь. Или старшой пояснит. А пока, извини.

Еще через полчаса, когда совсем рассвело, Гризов смог впервые в жизни лицезреть с вертолета утреннюю иракскую пустыню. Ну что сказать, пустыня как пустыня. Лежит себе песок огромными кучами. Никаких тебе деревьев. Ни финиковой пальмы, ни тополя. Все это осталось там, далеко позади, в живописной долине Евфрата. А здесь в лучшем случае, если пристально вглядываться попадались редкие кусты неизвестных журналисту чахлах растений. Да и то один такой кустик приходился на квадратный километр. Под ним даже ни спрятаться от солнца, которое уже начало разогревать вертолет так, что местный военный кондиционер не справлялся.

Но, тем не менее, пустыня была обитаема. Несколько раз Антон видел не то волков, не то шакалов, которые пытались угнаться за тенью пролетавшего над ними вертолета. Конечно, приятно обнаружить в пустыне жизнь, но мысль о том, что скоро придется приземляться в этой гостеприимной местности, журналиста не грела. Больше всего на свете он хотел бы пролететь ее насквозь и добраться до обитаемых мест без новых приключений. Но у спецназовцев, похоже, были другие планы. Домой они не пока торопились. Дела.

Думал Гризов и о своих предчувствиях на счет космических глаз. Наверняка, их отследили, но пока почему-то никто не догонял. Может, им все же удалось уйти незамеченными? Хотя на американцев, боготворивших свои спутники, это было не похоже.

Едва эта мысль посетила голову журналиста, как он заметил справа по борту какие-то непривычные глазу в пустыне объекты. Это было не ближе, чем в километре, но с высоты полета он отчетливо разглядел палатки и несколько «Хаммеров». Там могло быть около двадцати человек.

– Смотри, американцы! – Гризов даже наклонился и хлопнул по плечу сидевшего впереди Колю.

– Вижу, – спокойно отозвался пилот.

– Будем мочить? – уточнил журналист.

– Обождем пока, – ответил Коля Быстрый, – тебе бы все мочить. Если нужно, старший команду даст. Мы на службе, браток. Даже ты, пока.

– Интересно, а что им нужно так глубоко в пустыне? – подумал вслух журналист, – вышек не видно, значит, нефти нет. Может, они ищут новые месторождения или что-то другое?

– А кто их знает, – вяло отозвался пилот, – может у них ралли «Париж-Багдад».

В этот момент заработала рация. Это был Костян.

– Коля, видишь палатки справа? – перешел сразу к делу старшой.

– Вижу.

– Пройдись над ними, пошукай, что к чему.

– Понял, тебя, – сказал Коля, закладывая вираж.

«Апач» лег на борт и устремился в сторону палаток, быстро приближаясь к месту лагеря непонятного воинского соединения. Американцы, из тех, кто стоял у бронемашин, не проявили особой настороженности, сразу распознав своих. Коля снизился едва не до самого песка и прошелся над палатками. После этого маневра солдаты насторожились. Кое-кто из них даже взялся за свои винтовки, но не стрелял.

Гризов, пользуясь случаем, рассмотрел стоянку. Там было пять палаток, по числу бронемашин. На всех крупнокалиберные пулеметы кроме одной. Вертолет прошелся так

низко, что Антон даже рассмотрел следы от костра, рядом с которым сидело два пехотинца. Когда Коля развернул вертолет и еще раз прошелся облетом над стоянкой из центральной палатки вылез офицер и проводил удалявшийся вертолет пристальным взглядом. Гризову сразу показалось, что он где-то уже видел это лицо.

– Ну что там? – спросил по рации Костян, когда Коля Быстрый нагнал «Апач» старшего, все это время продолжавший свой полет.

Коля коротко рассказал все, что видел и Гризов, но добавил кое-что, чего не заметил глаз журналиста.

– Справа от стоянки остались следы от посадки вертолета. Много следов.

– Понял тебя. Значит, смотреть в оба. Где-то здесь летает их вертушка. А может и не одна.

Все время, пока шел открытый радиообмен, журналист не мог понять, почему спецназовцы так неосторожны. Ведь эфир постоянно прослушивается и, если их не засекли в первый раз, то обязательно засекут во второй. Видимо, им ничего другого не оставалось. Ведь своих раций, по которым можно было бы переговариваться на таком расстоянии между вертолетами у них, судя по всему, не было. Лишний груз. Приходилось использовать рацию, захваченную у противника. Рискованно. Но, как подумал Гризов, Костян знал, что делал.

Минут через пятнадцать полета, с тех пор как они наткнулись на стоянку американцев, на радаре Коли Быстрого появилось сразу три неопознанных летающих объекта. В то, что это инопланетяне Гризов не поверил. Скорее всего, это были те самые вертушки. Ведь кроме американских войск сейчас в пустыне Ирака никаких неопознанных объектов летать не могло. Сразу же сбили бы.

Приблизившись, вертолеты попытались выйти на связь с вертушками русских, но Костян и Коля быстрый хранили радиомолчание. И тогда вертолеты, а это тоже оказались стандартные «Апачи», перестроились для атаки с ходу. Сразу стало ясно, что они понимают, с кем имеют дело. «Все, подумал Гризов, засекли. Три укомплектованных брони против двух полупустых. Но, русские не сдаются. Мы еще поборемся». А вслух спросил:

– Как ты думаешь Коля, совладаем?

– А то, – отозвался Коля Быстрый, – где наша только не пропадала. И в Афгане пропадала, и в Чечне, теперь в Ираке. Все никак пропасть не может. Так что, не бойсь. Сейчас разберемся, что это за фрукты.

Фрукты тем временем разделились. Две машины набросились на «Апач» Голуза, а один попытался зайти в хвост к вертолету Коли Быстрого. Почти одновременно застучали крупнокалиберные пулеметы, выплевывая огневые заряды. Коля бросил машину резко вверх, но в ответ не стрелял, сэкономил патроны. Слишком много боеприпасов израсходовали на разгром месторождения. Голуаз в ответ на обстрел, тоже начал лавировать в небе, время от времени, огрызаясь короткими очередями. Началась круговерт. Солнце стало бешено вращаться перед Гризовым, за секунду перемещаясь из левого нижнего угла обзора в правый верхний и обратно. Хорошо, что он был пристегнут ремнями. «Хотя, почему-то подумал журналист, если на такой скорости врезаться в землю, то никакие ремни не спасут». Оставалось молиться и верить в Колю Быстрого, который вытворял с машиной такое, что Гризову и присниться не могло. Хотя он сам по профессии занимался авиацией и знал, на что способны боевые вертолеты. Но, одно дело смотреть авиашоу, попивая пиво на зеленой травке аэродрома, а совсем другое сидеть в кабине вертолета, когда по тебе шпарят из крупнокалиберного ствола и вот вот поджарят ракетой.

Наконец Гризов краем глаза заметил, что один из вертолетов, гонявшихся за Голуазом, вышел из боя. Меткой пулеметной очередью ему повредили систему управления. «Апач» сбросил скорость и закачался в воздухе, как стрекоза, которой оторвали пару крыльев. А затем скрылся из поля зрения журналиста. Но вскоре где-то далеко внизу раздался взрыв и в небо взметнулся столб огня.

– Один есть, – радостно заорал Гризов.

– Отлично, – в ответ крикнул Коля.

В этот момент очередь прошла по борту их вертолета, проделав несколько дырок. К счастью люди были живы, но машине это не понравилось. Она начала чихать, в работе мотора сразу слышались перебои. Гризов обернулся назад и заметил струйку черного дыма, потянувшуюся за их вертолетом по левому борту.

Коля в ответ нажал на гашетку и тоже попал в вертолет противника. Штурман, уткнулся лбом в стекло, измазав его своей кровью. Все это Гризов видел собственными глазами, поскольку бывшие вертолеты кружили метрах в тридцати друг от друга и совсем близко от земли.

Коля снова нажал на гашетку, но пулемет молчал. Патроны кончились.

– Ну, все гнида, – сплюнул он на приборную панель, – сейчас ты у меня попляшешь.

Заложив очередной вираж, он развернул подраненный «Апач» и пошел на таран. Сначала американский пилот не мог поверить своим глазам. Он никогда не думал, что противник настолько не любит жизнь, что отважится на такое. Поэтому первые несколько секунд, пока вертолеты сближались, он оставался на месте и поливал огнем «Апач» Коли Быстрого. А когда уловил маневр противника и бросил свой вертолет вниз, было уже поздно.

За несколько долей секунды до столкновения с Гризовым произошло что-то странное. Он опять ощутил себя одним целым с боевой машиной и решил вмешаться в ход событий. Когда американец нырнул к земле, «Апач» Коли Быстрого должен был врубиться в его борт своим хищным носом. Гризов бросил машину резко вверх, но все равно не успел. В первую секунду ему показалось, что вертолеты разошлись разными курсами, но он ошибся. Нос их вертолета миновал хвост американского, но зато они вружились друг в друга хвостовыми винтами. Со страшным грохотом их вертолет развернуло несколько раз по бешеной траектории, и отбросило куда-то в сторону. Но Гризов не сдавался, он до последнего пытался выровнять и спасти машину, и ему это удалось. Раздался страшный удар о землю. Лишившись хвоста, «Апач» угодил этим обрубок в песчаный бархан и зарылся в него почти полностью. Последнее что слышал Антон, это был мощный взрыв раздавшийся неподалеку.

От удара Гризов потерял сознание, а когда очнулся, решил, что уже в раю. Сквозь уголок прозрачного люка, почти полностью засыпанного песком, светило яркое солнце, разгоняя царивший в кабине полумрак. Их вертолет не взорвался, а только превратился в хлам. Грудю искореженной брони. Антон пошевелился, вроде бы ничего не сломано. Внизу заворочался и застонал Коля Быстрый.

– Эй, – позвал его Гризов, – ты жив?

Коля внимательно обследовал свой организм и сообщил:

– Похоже на то. Даже ничего не сломал, чудо какое-то. Только лоб расшиб о панель приборов. Да зуб выбил.

Антон тоже ударился головой, которая слегка кружилась. Но переломов не ощущал. Зубы были на месте. Он откинулся на кресле назад.

– А ты чего на таран попер? – вдруг спросил он.

– Патроны кончились. Да и надо было проучить. Ты же понимаешь...

– Ну, да. Понимаю, – ответил журналист, потирая ушибленную голову, – А заодно и меня угробить.

– Извини, брат, так получилось, – пробормотал Коля и махнул рукой, – Ладно. Что было, то было. Вообще-то надо выбирать. Посмотреть, что с остальными.

Гризов в очередной раз удивился, с какой легкостью эти ребята расправляются с чужими жизнями, особенно не задумываясь. Но ничего не сказал. Подумал только, что если бы не вмешался, если б вертолет взял чуть пониже, уже давно оба были бы на том свете. Выходило, что за собственную жизнь надо бороться самому. Даже коллегам по оружию доверять ее полностью нельзя.

Антон напрягся и ударом ноги попытался высадить замок своего люка. Тот заклинило. Ударил еще раз. Безрезультатно. Но с третьего удара замок щелкнул открываясь. Гризов откинул крышку и вывалился на раскаленный песок, в который зарылся вертолет по самую кабину. Следом за ним свет божий выбрался пилот вертолета, потерпевшего крушение.

Журналист встал, покачиваясь на нетвердых ногах, осмотрелся. Картина, представшая перед ним, напоминала апокалипсис наших дней. На сколько хватало глаз, тянулась желтая безжизненная пустыня. А вдалеке, разделяя ее на три равные части, клубилось три столба черного дыма. Гризов пересчитал еще раз. Только три. Значит, один вертолет не взорвался. Но какой?

Ответ нашелся сам собою. Метрах в ста от них, зарывшись носом в землю и завалившись на бок, лежал пятый «Апач» со смятым винтом. Рядом с ним, облокотившись на броню, стояли Голуаз и Костян и курили, как ни в чем не бывало.

– Господи, – сказал Гризов, шурясь на солнце, – как же хороша жизнь.

Через полчаса они снова брели по пустыне с рюкзаками за спиной и автоматами на шее. Со лба тонкими струйками стекал пот. К счастью ничего из оборудования не пострадало, как сообщил старшой. Контузии и ушибы не в счет. Костян приказал немедленно уходить подальше от места боя. Отлеживаться и зализывать раны, было некогда. Очень скоро здесь могли появиться американцы, перед атакой их пилоты должны были сообщить о своих действиях на ближайшую базу, а те еще дальше по этапу. Их будут искать.

Свои вертолеты спецназовцы взорвали, чтобы никто не догадался, кто на них летел. Пусть поломают голову. Сейчас важно выиграть время, как сказал Костян. Бежать после такой посадки пока никто не мог, досталось всем, поэтому просто шли, как могли, подбадривая друг друга.

Так прошло часа два, как показалось Антону. Два ужасно тяжелых часа. Солнце все еще жарило как ненормальное, но уже немного приблизилось к горизонту.

– Как думаешь, что это была за стоянка с палатками? – вдруг спросил Костян, поравнявшись с Колей Быстрым.

– Думаю, какая то поисковая партия по нашему профилю. Иначе, зачем им залезать так далеко в пустыню, да еще тащить с собой столько бронемашин и вертолеты.

– Вот то-то и оно, – кивнул Костян, – разумею, что они ищут то же, что и мы. Надо поспешать. А то не ровен час, найдут раньше нас.

– А где мы сейчас?

– Уже недалеко от предполагаемого района, – сказал Костян, – час назад я сверился по спутнику. Максимум день пути.

Коля кивнул.

– Должны успеть.

Гризов, который ковылял сзади за Колей, еле выдирая ноги в ботинках из песка, слышал весь разговор. От него, похоже, и не скрывали этой информации. «Значит, приближаемся. Это хорошо, – думал журналист усталым и ушибленным мозгом, – чем быстрее найдем, тем быстрее вернемся домой. А то эта командировка немного затянулась».

Постепенно Антон так разомлел, что уже перестал соображать кто он и где он. Гризов брел по пустыне как перегревшийся механизм, которому было ужасно жарко и тяжело. Рюкзак давил на плечи. Автомат тянул к земле. Антон молча переставлял ноги, даже не глядя под них. Взгляд его затуманился.

За время дневного перехода журналист успел заметить множество ящериц, сновавших под ногами и даже двух змей. Змеи, однако, не проявили к нему никакого интереса и не стали кусать, а уползли своей дорогой в пески. Один раз он услышал отдаленный крик в небе и, подняв голову, увидел небольшую стаю птиц. Напрягая зрение, Антон признал в них стервятников.

– Не дождетесь, – сказал он кружившим в небе птицам, сплюнул и побрел дальше.

Постепенно зной стал спадать. Солнце опускалось. А когда, наконец, старший объявил привал, журналист сбросил рюкзак, рухнул на него и мгновенно отключился, как перегревшийся механизм. Сколько прошло времени, он не знал. Но когда его растолкали, были уже сумерки.

– Идти сможешь? – спросил Костян.

– А то пристрелите? – уточнил Гризов, перед которым еще все плыло после сна на

жаре. Во рту стоял вкус песка, который хрустел на зубах.

– Да нет, обождем пока, может, еще сгодишься, – ответил Костян.

– А надо? – не сдавался Гризов, – вроде вечереет. Может, поспим еще?

– Надо двигаться, – сжег мосты старшой, – А то на том свете отдохнешь. Американцы рядом. Да и по прохладе идти легче.

С этим Гризов не мог не согласиться. Он нехотя встал, натянул на себя потяжелевший вдвое рюкзак и побрел за остальными. Первым шел Голуаз, Костян замыкающим. Присматривал за немного расклеившимся журналистом.

Постепенно, от опустившейся прохлады, мозг начал оживать. Почему-то первым делом в памяти всплыло лицо американца, который вылезал из палатки. «Где же я его видел? – не мог понять Гризов, – но видел, это точно».

Ночью идти оказалось заметно легче. Перед выходом слегка перекусили сублиматами, на которые желудок Гризова не видевший ничего с момента высадки на берегу Евфрата, откликнулся положительно. Конечно, хотелось мяса и пива, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Журналист подумал, что съел бы сейчас целого слона.

Когда зажглись заезды, и на земле наступил крошечный мрак, Гризов решил, что спецназовцы сбрендили, – идти сквозь такую темень по пустыне, в которой еще неизвестно что водится, было безумием. Но они, как ни в чем не бывало, слезили в рюкзаки и достали оттуда компактные приборы ночного видения. У журналиста в рюкзаке отыскался такой же.

Смотреть на мир через прибор ночного видения Гризову показалось даже забавным. Все выглядело как в фильмах ужасов, каким-то мрачно зеленым. Но зато прорисовались очертания песчаных холмов, и стало возможно продолжать движение. Беспокоило Антона только то, что змею в этот прибор все равно не разглядишь. А змей он отчего-то не любил. Они мелкие и ядовитые. Наступишь, не обрадуешься. Но, Гризов старался об этом не думать, вяло шагая по ночным пескам. Чтобы как-то себя отвлечь от тяжелых мыслей, связанных с опасностью для жизни, Гризов стал думать на отвлеченные темы в планетарном масштабе.

«Интересно, рассуждал он, где мы сейчас вообще-то находимся? Летели вроде бы на юг от Евфрата. Хотя, я отключался в вертолете, могли ведь повернуть куда угодно. Но если все же на юг, то значит углубились в сторону границы с Саудовской Аравией. Хотя какая здесь граница, наверняка ни дорог, ни постов, ни КПП ни таможни, ведь кругом пески. Документов никто не спрашивает. А попадешься американцам, так просто расстреляют...»

И вдруг он отчетливо вспомнил, где видел того американца, вылезавшего утром из палатки. Во время их прошлой встречи, тот тоже вылезал и смотрел на него пристально. Только вылезал он из машины оккупационного командования и смотрел на Гризова, как тот снимает убитых на перекрестке американскими солдатами женщин. Это был один из тех генералов. Только что он делает здесь, в пустыне, за сотни километров от Багдада, машин и нормальных дорог? «А что я здесь делаю? – подумал Гризов и устало вздохнул».

В последние полчаса Антону стало казаться, что он слышит какое-то шуршание по сторонам от их небольшой колонны. Несколько раз он даже замечал какие-то низкие тени и слышал отдаленное поскуливание и повизгивание. Пустыня совсем не вымирала ночью, как могло показаться, а наоборот оживала. Отовсюду на путников, забредших в самое сердце песков, тарасились сотни настороженных глаз. И это очень нервировало журналиста, который при каждом новом звуке все крепче сжимал автомат. Ему казалось, что со всех сторон за ним наблюдают хищники. Он читал, что в местных пустынях довольно богатая фауна. Здесь во множестве водятся гепарды, которые охотятся на антилоп. Львы, гиены, волки и шакалы. Ну, и само собой разумеется, всякая мелочь, включая тушканчиков.

Поэтому, когда впереди раздался грозный рык, журналист не сильно удивился, а скорее немного испугался. Все-таки встречаться ночью со львом, ему не хотелось. Перехватив свой автомат крепче, Антон осторожно двинулся вперед, где, слившись в один клубок, по земле катались человек и зверь.

Глава тринадцатая. «Странный объект»

Это был Голуаз, который пытался оторвать от себя здорового волка, мохнатую шею которого изо всех сил сдавливал двумя руками. Антон хотел выстрелить, но побоялся убить человека. Пока он решал, что делать, из-за спины появился Костян с ножом в руке и, изловчившись, одним точным движением всадил широкое лезвие волку в бок и с оттягом вытащил обратно. Раздался дикий вой, от которого у Гризова мурашки забегали по коже. Голуаз сбросил с себя раненного волка, выхватил свой нож и быстрым движением перерезал ему глотку, прикончив зверя. На землю полилась еще теплая кровь черного, как казалось в прибор ночного видения, цвета. Немного подергавшись, волк затих.

– Здоровая сволочь, – сказал Голуаз, отряхиваясь, и убирая нож в специальный карман, – спасибо, старшой.

– Не порвал он тебя? – уточнил Костян, убирая свой нож.

– Обижаешь, – обиделся Голуаз, – нас хорошо учили. Я бы его сам порвал, если б ты не поторопился с подмогой.

– Ну, извини, – ответил Костян, – в следующий раз дам тебе шанс разобраться самостоятельно.

В этот момент снова послышался близкий вой.

– И этот шанс не так далек, – проговорил подошедший Коля, и, обернувшись ко все еще сжимавшему автомат Гризову, добавил, – погоди палить, журналист. Не шуми раньше времени. Эти волки вряд ли снова сунутся. Хотя, кто их знает. Тут другое интересно.

Голуаз и Костян, отвлеклись от волков, уставившись на Колю.

– Я метрах в пятидесяти наткнулся на какой-то колодец. Кладка из сырцового кирпича, древняя. Но с ним что-то не так.

– Что не так? – уточнил старшой.

– С виду, колодец как колодец, только пересохший. Но метрах в ста отсюда еще один есть. Я туда камушек бросил, а там «дз-и-нь», решетка. Спрашивается, зачем?

– Вентиляция? – спросил Костян.

– Надо проверить. Да и квадрат подходящий, сам знаешь.

– Подходящий, но не для того.

Костян задумался, стоя над трупом убитого зверя. Наконец, решил.

– Тебе повезло, журналист. Встаем здесь до утра. Осмотрим местечко. Можешь вздремнуть чуток.

Гризов посмотрел на почти впитавшуюся в песок лужу крови, послушал отдаленный вой волков и переспросил:

– Вздремнуть? Да я до рассвета глаз не сомкну.

– Это ты зря, – хлопнул его по плечу Коля Быстрый, – расслабляться надо в любой обстановке.

– В теории согласен, – кивнул Гризов, – а на практике что-то не получается. Обстановка напрягает. Заснешь, а тебя какая-нибудь тварь цап за горло. Им ведь питаться тоже надо. Они же хищники.

– Самый страшный хищник это человек, слышал про такого? – гнул свое Коля, – а особенно если человек с автоматом. Да тебя волки сейчас стороной обходить будут. Короче можешь поспать, а я покараулю.

Гризов еще минуту поколебался, но мысль о сне, даже рядом с волками, была сейчас очень яркой. Устал он ужасно.

– Ладно, черт с вами, – согласился Гризов, – только отойдем отсюда подальше, а то вдруг гиены приползут падалью полакомиться.

– Это можно, – сказал Костян, – отойдем отсюда метров на триста, но не больше. Где, говоришь, Коля, твои бездонные колодцы? Там? Вот туда и пойдем.

Разыскав в темноте первый колодец, группа расположилась на ночлег в небольшой ложбинке между барханами. Метрах в ста от найденного колодца. Все залегли спать. Караулить остался Коля, как и обещал. Гризов бросил рюкзак на остывший без солнечного

света песок и мгновенно уснул, забыв про волков и змей. Остаток ночи прошел тихо.

На утро группа осторожно обследовала два обнаруженных колодца и прилегающую к ним территорию. На площади в пару километров нашли еще семь. Как две капли похожие один на другой. С виду все походило на обычные древние колодцы, вырытые еще первыми арабами, появившимися здесь в седьмом веке. Все они были узкими, глубокими и высохшими, но в каждом, метрах в десяти от поверхности находилась решетка. Арабам такие конструкции источников были без надобности. Спецназовцы долго бросали туда камни, и, в конце концов, решили, что воды в них никогда и не было. Очень уж все это походило на подземный военный объект, а колодцы на замаскированные вентиляционные шахты.

Гризова все это заинтересовало не меньше чем спецназовцев. Настолько, что даже усталость забылась на время. Был ли этот объект покинутым или действующим сразу не понять. Сверху один песок. Может быть, это вообще было что-то более древнее, чем тайны современных властителей. А если военный объект, то чей? Скорее всего, Саддама Хусейна, где он прятал свое тайное оружие. В любом случае это надо было проверить. Но чтобы проверить, сначала следовало отыскать вход. А входа пока не было. Да и место было какое-то странное. Все это чувствовали. На первый взгляд пески кругом не изменились. Все те же барханы до горизонта и палящее солнце. Но энергетика была совсем другой. Даже стервятники здесь не кружили, хотя в небе над древним водоемом им самое место. И зачем здесь нарыли столько колодцев, уходящих в глубину?

Возможно, когда-то здесь проходил караванный путь из Медины в сторону Междуречья, и на этом месте останавливались сотни людей, чтобы отдохнуть и напоить верблюдов. Может и так, но решетки оказались вполне современными. Голуаз спустился на веревке в один из колодцев и обследовал ее, – древним арабам сварка была не под силу. Колодец за решеткой уходил далеко в глубину. Причем, Голуазу даже показалось, что оттуда тянет ветерком. А это наводило на мысли о подземных ходах, соединявших найденные колодцы между собой или с чем-то еще.

Спецназовцы «о чем-то» подобном догадывались, владея секретной информацией, но Гризову лишнего не говорили. Считали, что с него и так хватит. Достаточно, что участвует в операции. Пришлось группе заново облазить все окрестные барханы и составить карту колодцев. Получилась интересная геометрическая фигура в виде семиконечной звезды с одним из колодцев посередине. Просмотрев на этот чертеж, Гризов первым предположил, что вход, если они на верном пути, может находиться где-то в середине этой звезды, рядом с центральным колодцем. За неимением других вариантов Костян согласился.

Конечно, скоро все это стало походить на сказку про Али Бабу и его Сим-Сим. Но, тем не менее, решетки в центральном колодце не оказалось. Оцепив его со всех сторон, спецназовцы настороженно озирались по сторонам, держа в руках автоматы. Даже закурили.

– Ладно, – наконец изрек Костян, затапывая окурки в раскаленный песок, – первым идет Голуаз. Двигаться осторожно. Если все чисто, спускается Коля Быстрый, журналист и я. Посмотрим, что это за тайная пещера.

Привязав веревку за край колодца, отдав страховочный конец Коле, Голуаз втянул плечи и солдатиком пошел вниз, цепляясь за неровности в стенах. Через минуту он достиг дна.

– Понял, – в полголоса проговорил Костян, инстинктивно прижав к губам тонкий микрофончик гарнитуры свисавшей из уха, – спускайте рюкзак.

Увидев это, Гризов впервые понял, что связь между собой у спецназовцев все-таки есть. Только, судя по всему, не очень дальнобойная, ибо раньше они ее почти не использовали. Скосив глаз на Колю, журналист заметил у него аналогичный прибор связи.

– На, вставь в ухо, – неожиданно обратился к нему Костян, протягивая телефонную гарнитуру, – будешь на связи. Действует на километр. Под землей метров на пятьсот. Мало ли что там может случиться.

Гризов кивнул и молча запихал в правое ухо компактный приборчик. Не успев сделать

это, он тут же услышал сдавленный голос Голуза, запыхавшегося от диггерских развлечений:

– Рюкзак принял. Старшой, мы оказались правы. Здесь тоннель, через двадцать шагов разветвление на три рукава. Пока тихо. Спускайтесь.

Коля Быстрый мгновенно исчез в колодце, а когда достиг дна, дернул за веревку и сообщил по радио:

– Встреча состоялась. Пускайте рюкзак и журналиста.

Еще совсем недавно, каких-нибудь лет пять назад, еще до армии, Гризов увлекался горным туризмом. Ну и лазить приходилось по скалам, правда, до уровня крутого альпиниста ему было далеко. Вот в те времена он и узнал еще об одном увлечении безбашенных людей – спелеологии. Это когда альпинисты лезут не вверх, а вниз, туда, где темно, сыро и страшно. Что их туда тянет, Антон так и не понял. И сам до сих пор не лазил, а вот теперь придется понять.

Опустив рюкзак, он сам полез следом в узкий колодец. Страховал его Костян, оставшийся последним на поверхности. Спускаться оказалось не так уж сложно. Навыки скалолазания как-то всплыли сами собой. Напрягала только темнота. Единственным источником света было крохотное пятнышко неба с каждой секундой уносившееся все дальше от журналиста. Но, скоро он ощутил под ногами каменное дно, а одна из стен вдруг оборвалась и превратилась в проем тоннеля.

Из темноты неожиданно возникло пучеглазое горбатое чудовище. Гризов вздрогнул и схватился за автомат.

– Прибор надень, – посоветовало чудовище голосом Голуза, – темновато здесь.

Гризов перевел дух и сообщил наверх о том, чтобы высылали рюкзак.

– В сторону отойди, – опять посоветовало чудовище.

Буквально через пять секунд на то место, где стоял журналист, грохнулся увесистый рюкзак. Гризов отцепил конец и, порывшись в глубине рюкзака, извлек оттуда прибор ночного видения. Теперь все вокруг стало бледно зеленым, не хватало только вампиров из подземелья. Зато можно было рассмотреть окрестности. На дне колодца было гораздо просторнее. Рядом стоял Голуз в таком же костюме с рюкзаком за спиной и автоматом в руках. Чуть дальше, где виднелись расходящиеся в разные стороны тоннели, дежурил Коля Быстрый.

С едва слышным шорохом сверху появился старшой. Легким движением руки он сдернул веревку и принял прилетевший сверху рюкзак. Прибор ночного видения уже был на нем.

– Все в норме?

Голуз кивнул.

– Пока да, никого. Но что-то эта тишина мне не нравится.

Костян смотал веревку, засунул ее в рюкзак, надел его на плечи и осторожно двинулся вперед. Дойдя до тоннелей, пошептался с Колей о впечатлениях и приказал.

– Идем в том же порядке. Проверим правый тоннель. Интервал десять метров. Голуз выдвигается первым.

Чудовище, до сих пор стоявшее рядом с Гризовым, прикрепило к стене колодца какой-то радиомаячок, и осторожными шагами устремилось в тоннель, который уходил вглубь песков, все ниже и ниже.

Продвигаясь третьим по тоннелю, Гризов настороженно озирался по сторонам в поисках чего-то необычного. Кладка стен была самая настоящая: древние выщербленные камни. Воздух сухой, но не такой как наверху. Дышать можно. Никаких современных проводов и металлических дверей. Только происхождение решеток не давало покоя.

Так они шли довольно долго по каменистой почве. Больше часа. Тоннель начал петлять, ещё трижды разветвлялся. На каждом из поворотов Голуз ставил маячки и двигался дальше. А когда они набрели на широкий зал, своды которого терялись в вышине, даже устроили совещание. В одной из стен Голуз обнаружил высеченные в камне огромные

пятиметровые статуи каких-то горных старцев с бородами и кривыми мечами. Вид они имели устрашающий.

– Как ты думаешь, – спросил журналист, приблизившись, у Коли Быстрого, – кто это?

Коля долго смотрел на зал, дальние концы которого терялись во мраке даже в приборе ночного видения. Потом перевел взгляд на изваяния старцев и также долго смотрел на их жесткие лица и оружие.

– Не знаю. Какая-то секта, наверное. А может быть, предводители тайного ордена. Мысль, конечно, есть. Но, не уверен. Их же в этих местах в древности было великое множество.

– Думаешь, мы в тайном городе?

– Может в городе, хотя жилища пока не видно, – проговорил неуверенно Коля, а потом пошарил ногой и откинул носком ботинка какую-то кость, – а может, здесь просто было жертвенное место.

Гризов в ужасе стал смотреть себе под ноги в поисках скелетов и нашел целых пять. У каждого из них не было головы и правой руки. Стоявший молча позади них Костян, прислушавшись к разговору, сказал:

– Коля посмотри-ка стену за этими старцами. Может, найдем что интересное, кроме этих жмуриков.

Коля с автоматом наперевес осторожно двинулся вокруг статуй. Обойдя крайнюю статую старца, он исчез из вида. Радиомолчание длилось так долго, что Гризов уже решил, что Колю съели местные духи подземелья.

– Здесь дверь, – раздалось в наушниках у остальных спецназовцев, – причем хорошая дверь. Древняя, но петли смазывали недавно.

Спецназовцы приблизились. Дверь действительно походила на вход в чертоги Алибабы. Испещренная арабской вязью, сводчатая, окованная пластинами из неизвестного металла, она казалась неприступной. Тем более, что никаких отверстий для ключей рассмотреть не удалось. Похоже, он открывалась изнутри.

Коля любовно погладил высеченные по металлу арабские буквы.

– Жаль будет выносить такую красоту, – и обернулся к Костяну, – да, старшой?

– Ага, – кивнул Костян, – давай взрывчатку. Сдается мне, за этой дверью местные старцы что-то от нас прячут. И думаю, что это не золото. Надо проверить.

Не успел он произнести это, как дверь ожила. Она сдвинулась со своего места и быстро отъехала в сторону. Из открывшегося проема ударил яркий свет, ослепивший спецназовцев, которые с дикими криками схватились за глаза, рухнув на колени. А затем из проема послышалось мощное шипение. В первую секунду Гризову показалось, что это шипят сотни разъяренных змей выползая из проклятой двери, но, когда он вдохнул воздух то все понял мгновенно. Последнее, что он помнил, прощаясь с жизнью, – была пятиметровая фигура каменного старца с кривым мечом в руке, нависшая над ним. И еще одно воспоминание отпечаталось в мозгу, смешавшись со старцем: Рушди Хезбаллах в окружении гвардейцев с короткими автоматами.

Но он не умер. Временно отключился, как робот, которому нажали на кнопку. Чувства возвращались медленно. Сначала он стал ощущать пальцы рук, потом их целиком. Потом ноги, поясницу. Вслед за этим появились покалывания в спине, опиравшейся на что-то мягкое, и лишь затем журналист осмелился открыть глаза.

То, что он увидел, больше походило на рубку космического корабля. Все русские: Гризов и трое спецназовцев, лежали на мягких анатомических креслах в полном обмундировании. Рюкзаки, приборы ночного видения и автоматы были свалены в кучу на небольшом пятачке перед ними. Стены широкого помещения были увешаны мониторами, на которых, словно в калейдоскопе мелькали, сменяя друг друга, цветные картинки. Приглядевшись, Гризову показалось, что картинки были довольно однообразны: взлетающие самолеты, нефтяные скважины, улицы городов, где вышагивали американские патрули,

мосты и виадуки, по которым ползли через КПП машины, железнодорожные станции, наспигованные составами с нефтью, корабли в процессе погрузки. Танкеры, сосущие нефть из терминалов. И маячившие за ними авианосцы. Сплошной урбанизм.

Гигантские мониторы были установлены на специальном пульте, за которым в большом мягком кресле вполоборота к русским сидел он: Рушди Хезбаллах., нажатием кнопок переключая изображения. Вдоль стен замерло несколько гвардейцев с автоматами в черных беретах и полевой иракской форме. Не оборачиваясь, видно почуял, что Гризов очнулся первым, Рушди нажал кнопку на пульте и проговорил на русском почти без акцента.

– Да, много дел вы натворили пока шли сюда.

Гризов перевел мутный взгляд на один из мониторов, где в этот момент возникло изображение пожара, бушевавшего на нефтяном месторождении. Антон сразу узнал его. Это оно, то самое, над которым они так хорошо поработали, что американцы, наверняка, до сих пор не могут потушить.

– Но, я не в обиде. Вы даже помогли мне, хотя я и собирался сделать это чуть позже. В назначенный час.

Он выключил монитор и повернулся лицом к Антону.

– А тебя я помню. Ты пытался подойти ко мне на авиашоу в России. Неужели, ты тоже солдат, как они? – он кивнул в сторону еще спавших спецназовцев, – Мои глаза находят между вами много различий, несмотря на оружие и одежду.

Гризов промывчал что-то нечленораздельное в ответ, язык не слушался, но потом поднатужился и ответил вопросом на вопрос:

– Что это было?

– Усыпляющий газ, – не задержался с ответом иракский военный, – Я не был до конца уверен, кто вы. Знал только, что не американцы. Это спасло вам жизнь. Если бы я хоть на секунду усомнился, то газ был бы удушающим.

Гризов громко прокашлялся и рывком сел на кресле.

– И на том спасибо.

– Что вы здесь делаете? – спросил вдруг Рушди.

– Ищем чего-то, – не задумываясь, ответил Гризов, – что именно не знаю. Я здесь вообще случайно оказался. Я ведь по-прежнему журналист, это вы верно подметили. А вот, что тут делаете вы, господин министр, я кажется, догадываюсь. Ведь вашей страны уже нет. Надо же где-то прятаться.

Рушди Хезбаллах рывком встал со своего кресла и сделал несколько шагов к журналисту. Внезапно, он выхватил у одного из гвардейцев автомат и приставил его к голове Антона. Холодный ствол уткнулся Гризову прямо в лоб.

– Ошибаешься, – прошипел он, – моя страна жива. Она всего лишь захвачена неверными собаками, для которых вся жизнь, – это наша нефть. Но они уйдут. Как приходили и уходили до них многие. Потому что я еще жив. И не смей мне говорить, что я скрываюсь от опасности! Ты многого не знаешь.

Гризова прошиб пот, отчего он, однако, быстрее пришел в себя. Мозг заработал с прежними силами, подпитавшись от скрытых источников организма. Говорят, что люди используют свои возможности процентов на двадцать, а остальные возможности спят до поры. Гризов в это верил, иногда ему отчего-то казалось, что он умеет летать.

Рушди отбросил автомат в сторону и сделал несколько нервных шагов. Остановился. Журналист за это время немного справился с собой и проговорил:

– Извините, господин министр, я не хотел вас обидеть. Где мы, кстати, находимся? Это что, секретный объект вашего правительства?

Хезбаллах сел в свое кресло за пультом и взял в руки древние четки, лежавшие прямо на клавиатуре. Казалось, он успокоился.

– Почему я должен тебе это говорить? – спросил он, пустив пальцы в бесконечный поход по костяшкам, искусно сделанным в виде человеческих черепов, – Ты мой пленник, тот, кто вторгся с оружием в мое обиталище без спроса. Я могу сделать с тобой что угодно.

Достаточно одного движения пальцем. И все же, чутье говорит мне о том, что ты не тот за кого себя выдаешь. Иначе ты никогда не нашел бы меня.

Антон попытался вдуматься в смысл, но никем другим кроме журналиста, попавшего в переплет, он себя не ощущал. Само собой с языка сорвалось:

– Да я вас и не искал.

Рушди Хезбаллах усмехнулся и посмотрел на Гризова, по-прежнему сидевшего подавшись вперед на своем кресле.

– Похоже, ты и сам еще не осознал, зачем ты здесь. Дух, который привел тебя сюда, только начал просыпаться. Он уже руководит тобой, но ты этого не понимаешь, а когда поймешь, то поймешь сразу все.

Бывший министр обороны Ирака встал и сделал несколько шагов вдоль стены с мониторами. Гризов инстинктивно приготовился к новым угрозам с оружием, но этого не случилось. Рушди Хезбаллах прошелся до угла помещения, где находилось сразу две двери под охраной четырех гвардейцев, и медленно вернулся обратно, перебирая четки.

Антон за это время осмотрел своих спутников: все спецназовцы спали крепким сном и, судя по всему, просыпаться в ближайшее время не собирались. Бодрствовал почему-то только он один. Видно, хитрый Рушди действительно хотел с ним поговорить, а остальным дал подышать газом подольше или велел вколоть чего-нибудь сонного. На востоке это запросто. Главное, чтоб не смертельного. А то с него станется.

– Твои друзья спят, потому что я хотел поговорить с тобой, а не с ними, – словно в ответ на размышления Антона сообщил Рушди Хезбаллах, – я ничего не имею против русских, вы помогали нам оружием, техникой и людьми. У ваших шейхов свои интересы в моей стране. Но это, моя страна. И я хочу вернуть ее себе. А потому мы будем дружить до тех пор, пока интересны друг другу. Последние десять лет Ираком фактически руководил я, а не Саддам. Он был моей марионеткой, как выражаются на Западе, но марионеткой вздорной и сохранившей видимость власти. Постоянно путавшейся под ногами. Но устранить его совсем я не успел. Именно поэтому Ирак не смог хорошо подготовиться к войне, которая была неизбежна. Что с ним будет теперь не важно. Важно то, что будет дальше с Ираком. Чтобы оправдать свое существование армия США должна постоянно воевать, лить чужую кровь, особенно кровь тех, кто живет на нефтяных месторождениях. Так велят им свои духи. А наша армия должна лить кровь американцев. Но Саддам больше занимался парадами и болтовней о своих силах, которые дряхлели на глазах, в то время как американцы, словно вампиры, сосали соки из сотен стран мира и наливались силой. Но наши духи велят мне прогнать захватчиков с этих древних и святых земель. И я их прогоню. Ирак ослаб, но не умер, и я не дам им ни минуты спокойной жизни.

Рушди снова сел за свой пульт стал переключать кнопки. Перед Гризовым замелькал калейдоскоп картинок: аэродромы, вокзалы, порты, административные здания. Похоже, всевидящее око Рушди опутало всю страну, о чем не подозревали ни американцы, ни тем более простые жители Ирака.

– Мы находимся в древнем и священном городе-крепости ассасинов. Когда-то он стоял на поверхности сирийских нагорий, но затем ушел под землю. Я немного расширил его и перестроил. Никаких караванных путей здесь не было, они проходили гораздо южнее или севернее. Ассасинам лишнее внимание было ни к чему. Они очень любили строить неприступные крепости в горах и оттуда разить своих врагов, тайно или явно, сохраняя свою власть незыблемой. Хороший прием, я взял его на вооружение.

Гризов несколько секунд колебался, рассказать ли Рушди про приближавшуюся партию американцев, и, наконец, решился.

– Когда мы шли сюда, точнее летели на захваченных американских вертолетах, недалеко отсюда мы повстречали американцев: пять «Хаммеров», солдаты, вертолеты. Ну, с вертолетами мы сами разобрались. Они что-то ищут, наверное, вас.

Вместо ответа Рушди переключил кнопку на пульте, и перед Гризовым возникла безжизненная пустыня.

– На этом месте всего день назад лежали обгоревшие останки ваших вертолетов. Я позаботился о том, чтобы никто их не нашел.

Он нажал еще раз на кнопку. И журналист увидел, что по пескам, поднимая тучи пыли, передвигается отряд из пяти «Хаммеров». Два из них завязли. Вокруг копошились солдаты, пытаясь вытащить тяжелые машины. Хезбаллах приблизил изображение, которое явно транслировалось через спутник, и Гризов смог даже разглядеть лицо офицера, который словно почуяв его взгляд, поднял лицо вверх и посмотрел в небо. Это был тот самый американский генерал.

– Американцы ищут здесь не меня, – проговорил иракский министр, – я для них враг известный и понятный. Но, о местонахождении моего подземного города не знает никто. Меня они не найдут. Они ищут здесь то же, что и вы. Десять дней назад духи сообщили мне, что появишься ты, и что я должен помочь тебе в твоём деле. Поэтому ты здесь.

– В моем деле? – удивился Гризов, – я и не знал, что у меня есть здесь особое дело, кроме как выбраться из этой пустыни, после того, как найдем то, что нужно военным.

– Вы ищите не там.

Антон помолчал, размышляя.

– Честно говоря, я вообще не в курсе, что мы ищем.

– Вы ищите штабной вертолет ВВС США, который пропал в Ираке месяц Иаке месяц назад. Вылетел из Багдада на юг, сбился с курса и исчез. Что находилось в нем, об этом тебе расскажут твои спутники, когда очнуться. А остальное ты сделаешь сам. Вам надо выбраться отсюда, но двигаться следует на север. Духи укажут тебе дорогу.

– Но ведь американцы тоже ищут этот вертолет и могут найти, пока мы здесь. Вертолет не иголка. Его можно засечь со спутника.

– Американцы ищут его уже месяц и не могут найти. Это место в точности не ведомо даже мне. Духи хранят его ото всех и откроют лишь тому, кто должен его найти. Но ты прав, в последнее время я стал ощущать, что сила американцев растет. И дело тут не в перебросках техники. Бездушная техника лишь железо, даже напичканная компьютерами.

В этот момент сбоку послышалось шевеление. Один за другим, словно по команде, очнулись Костян, Коля Быстрый и Голуаз. Сели на своих креслах, замахали руками, стали настороженно озираться по сторонам. Костян, оценив обстановку, бросил короткий взгляд на лежавшее перед ними оружие. Гризов этот взгляд вовремя перехватил.

– Не надо, – предупредил он, – мы не в плену.

Глава четырнадцатая. «Подземный город ассасинов»

Костян недоверчиво покосился на стоявших с автоматами наперевес иракских гвардейцев и уточнил:

– А где?

– В подземном городе ассасинов.

На лице Костяна отразилось недоумение.

– Короче, мы в гостях у министра обороны Ирака Рушди Хезбаллах, – проговорил Гризов и указал на человека в кресле, – Он перед вами.

– Слышали про такого, – ответил Костян, внимательно изучая сидевшего перед ним человека, – только в гости обычно приглашают по-другому.

Рушди наконец соизволил перевести на него взгляд своих пронзительных глаз.

– Я знаком с традициями гостеприимства, но вас пригласить по-другому было нельзя. Сюда ко мне гости не приходят без приглашения. Вы же вломились без спроса, да еще хотели взорвать вход в мое убежище. А потому благодарите Аллаха, что вообще еще живы.

– Спасибо Аллаху, – миролюбиво повторил Костян, – только что дальше делать будем, хозяин?

– Я достаточно осведомлен о вас и о ваших целях, – сказал Рушди, – поэтому не будем терять время. Следуйте за мной. Я покажу вам, где вы и что вам следует делать дальше.

Оружие оставьте здесь. Мы еще вернемся.

Сказав это, иракский министр, который по представлениям Гризова занимал в колоде карт, составленной жадными до дешевых сенсаций американцами, место не ниже пикового туза, проследовал к видневшимся в отдалении дверям. Гризов двинулся следом. Спецназовцы, оглядываясь по сторонам, последовали его примеру. По бокам и позади них двигались верные министру охранники из личной гвардии.

Когда Рушди Хезбаллах подошел к первой двери, она сама собой отъехала в сторону, открывая вход в коридор, резко уходящий влево. Коридор, больше походивший на освещенный тоннель, через несколько минут вывел их в обширный зал, залитый светом. То, что предстало глазам журналиста, удивило его не меньше, чем, если бы он увидел Эйфелеву башню посреди местных песков.

Спецназовцы находились на огороженном перилами балконе, прямо под которым раскинулся высеченный в скале древний город ассасинов. Кто это такие, Гризов решил попозже расспросить Колю Быстрого, тот наверняка знал. Перед удивленным журналистом возвышались отлично сохранившиеся настоящие средневековые крепостные стены с узкими окнами-бойницами. Дальше за ними виднелись дома с колоннами и узорчатыми лестницами, сгрудившиеся вокруг центральной площади. Посреди которой даже отсюда был виден фонтан в виде павлина. Из горла каменной птицы вверх била струйка настоящей воды. В дальней части города возвышалась мечеть, купол которой блестел в лучах искусственного света. С левой стороны балкона вниз вела лестница и небольшая дорога, серпантином спускавшаяся вниз. По этой дороге вполне мог проехать небольшой автомобиль.

Неожиданно раздался рев моторов, и на балкон из замаскированных пещер действительно выехало три небольших джипа. Рушди сел в первый и дал знак Гризову сесть рядом, а спецназовцам указал на второй джип в месте с двумя гвардейцами. Остальные охранники с автоматами расположились в третьей машине.

– Ну, что ж, – сказал он, перед тем как машины тронулись с места, – раз уж вы оказались у меня в гостях, я хочу показать вам восьмое чудо света, мою резиденцию. Такого вы нигде и никогда больше не увидите.

Джипы покатались вниз, ловко поворачивая на узенькой, высеченной в скале дороге. Антон вспомнил, как однажды ездил по военно-грузинской дороге. Впечатления были схожими: с одной стороны скала, с другой пропасть. Одно неверное движение рулем и ты труп в виде лепешки из костей и мяса.

Через несколько минут конвой достиг нижнего уровня и выкатил на узкие улочки подземного города, освещенные ровным электрическим светом ламп, которые находились здесь повсюду, заменяя солнце. Скоро на встречу стали попадаться люди в гражданской одежде, хотя Гризов ожидал увидеть здесь только военное поселение. Впрочем, любой араб, похоже, с пеленок готов к войне. Прохожие шли по своим делам, несли корзины с едой, одежду или инструменты. Но, чтобы они не делали, все при виде своего вождя приветствовали его поднятием руки, а военные вытягивались во фронт и отдавали честь. В остальном, наметанный глаз журналиста отметил, что люди здесь продолжительное время живут по своему распорядку. На котором, захват страны не очень сильно отразился, если вообще здесь что-нибудь изменилось с тех пор.

– Давно вы здесь обосновались? – не выдержал журналист.

Рушди сделал неопределенный жест. «Ну да, подумал Гризов «давно здесь сидим»». Он обернулся и посмотрел на своих собратьев по оружию. Спецназовцы ехали смирно, внимательно рассматривая окрестности на случай бегства. Судя по всему, они не понимали, за что журналист удостоился такой чести, – ехать с министром в одной машине. А может, уже думали, что Гризов их предал и подставил. Ведь задание еще не выполнено. В жизни все бывает. Так что, журналист уже предчувствовал разбор полетов, который неминуемо состоится в случае выхода из этого подземного чертога.

Джипы подъехали к фонтану и остановились.

– Это моя гордость, – сказал Рушди, указав на каменное изваяние павлина, – высечен

известным скульптором из Дамаска с моего любимого павлина. Божественная была птица.

Гризов похвалил павлина, но гораздо больше его удивила вода, вырывающаяся мощной струей из горла этой райской птицы.

– Откуда здесь, уважаемый министр, посреди пустыни, вода? – спросил Антон, – у вас, что проложен водопровод из Багдада?

– Не забывай, что ты уже не на поверхности, – посоветовал Рушди, – а в глубине земли, даже под пустыней есть вода. Здесь начинается один из восточных истоков великой реки Евфрат, которая несет свои благословенные воды через Армению, Турцию, Сирию и весь Ирак, орошая его земли и делая их плодородными уже много веков. Еще со времен древнего Шумера и Аккада. Кстати, ты очень скоро познакомишься с этой рекой.

– А вы здесь часом поля не возделываете? – начал ерничать Гризов, на которого немного давили все эти каменные изваяния старцев на домах и белый электрический свет, от которого у журналиста начинался приступ клаустрофобии. Ему становилось не по себе от мысли, что он может больше не увидеть настоящего солнечного света.

– Мы производим здесь все, необходимое для жизни, – без тени улыбки ответил Рушди Хезбаллах, – в том числе овощи и фрукты. У нас здесь есть даже своя атомная электростанция, не считая запасной ГЭС, так, что энергии, света и тепла для жизни растений под землей хватает.

– Атомная электростанция? – удивился Гризов, – но зачем вам здесь атомная электростанция? Для потребностей освещения высеченных в камне исторических памятников хватило бы и вашей запасной ГЭС.

Министр усмехнулся в усы.

– Я не только сохраняю, то, что уже создано, – сказал он, два сигнала водителю возобновить движение, – я еще, и думаю о будущем. Сейчас вы увидите, что ждет нашу многострадальную страну, стонущую под игом захватчиков, в скором времени.

Колонна джипов покинула площадь и, обогнув еще несколько зданий и мечеть, снова въехала в освещенный тоннель. На этот раз тоннель оказался длиннее, по наблюдениям журналиста не меньше трех километров. Судя по всему, слуги и последователи Рушди глубоко ушли под землю, задавшись целью достигнуть ее центра. Они работали здесь как гномы, прорывая бесконечные тоннели, расширяя их до размеров больших площадей и опутывая их паутиной недр. Наверняка они даже обнаружили здесь какие-нибудь сокровища или хранили вдали от посторонних глаз припрятанное с поверхности. За все время пути Антон разглядел лишь многочисленные кабели, тянувшиеся вдоль стен, несколько ответвлений тоннеля, и пару джипов попавшихся навстречу. Подземная жизнь шла по своему, неведомому европейцам и американцам, распорядку.

Когда первый джип колонны выехал в следующий каменный зал, залитый светом, Гризов понял, что его догадки по поводу образа жизни гномов были не далеки от истины. Это был уже не древний город ассасинов. Здесь начинались его промышленные новостройки, воздвигнутые волей тайного хозяина современного Ирака.

На сколько хватало глаз, тянулись ангары и корпуса, в которых кипела работа. Повсюду сновали люди, небольшие машины и погрузчики. Никакого дыма над заводскими корпусами не было видно. Подземные жители просто не могли себе этого позволить. Трубы, между тем были, только, причудливо изгибаясь, они уходили прямо в каменную толщу породы.

– Безотходное производство? – поинтересовался Гризов.

– Почти, – довольно усмехнулся Рушди Хезбаллах, – безотходного производства, к сожалению не бывает. Но эти заводы строили ведущие европейские и американские инженеры.

– Американские? – удивился журналист, – и кто-нибудь остался жив?

Рушди улыбнулся. На этот раз хитро.

– Да, все живы. Просто, приехав один раз по контракту, они все решили остаться жить и работать здесь. У них отличные условия. Аллах милостив.

Гризов промолчал. Он решил не спрашивать, по своей ли воле остались здесь работать американские инженеры, платят ли им зарплату и бывают ли у них выходные. С того возвышения, где остановилась колонна автомобилей, было видно почти все, что находилось в этом месте. Часть корпусов была похожа на административные или сборочные, во всяком случае, там ничего не варилось и не отливало. А вот ряд огромных корпусов, находившихся в дальнем конце сводчатого зала, вполне походил на кузницу, где ковалось оружие победы. Все это очень заинтересовало Гризова, тем более, что он не понимал, зачем Рушди показывает им все свои секреты. Разве что, он не собирался оставлять их в живых. В любом случае выбора у Гризова не было, как всегда, с тех пор как он попал в Ирак.

– Хотите посмотреть? – поинтересовался иракский министр, словно прочитав мысли журналиста.

Антон молча кивнул. Хезбаллах сделал знак рукой, и колонна двинулась дальше. Когда джипы въехали в расположение промышленной зоны подземного города ассасинов Гризов заметил, что появление высокого начальства не вызывало здесь ступора и остановки работ, все ограничивалось коротким, но ярким приветствием. Во всяком случае, так вели себя все встречавшиеся по дороге. Как военные, так и гражданские. У журналиста начало складываться впечатление, что тайный вождь Ирака вел себя почти по-европейски, гораздо демократичнее, чем его предшественники. Хотя мысль о том, что это все лишь внешняя часть медали Гризова не оставляла. Он был почти уверен, что при случае, этот демократичный вождь, имевший связи в европейских государствах, России и даже США, не остановится при необходимости отрубить головы сотне другой отступников или сбросить бомбу на спящий город с неверными. Такова природа власти на всей планете, ничего не поделаешь.

Джип остановился у одного из ангаров, а затем въехал внутрь. Охрана, узнав своего вождя и отсалютовав ему, беспрепятственно пропустила всех. Оказавшись под крышей, Джип медленно поехал между рядов сборочного конвейера, словно давая возможность лучше рассмотреть весь процесс. Рушди не выходя из машины, обвел рукой содержимое ангара.

– Здесь мы собираем стрелковое оружие. У нас много воинов, а будет еще больше. Нам нужно много оружия.

Гризов осмотрелся. Вдоль ангара было установлено шесть автоматизированных линий конвейера, хотя роботы помогали только на отдельных операциях «пододвинь-отодвинь», а собиралось большинство оружия все же вручную. На трех линиях собирали автоматы, на двух тяжелые пулеметы, а на последнем, – переносные ракетные комплексы из которых так удобно сбивать вертолеты. Между рядов то и дело сновали охранники и люди в гражданской одежде, проверяя качество сборки. Видимо, это и были те самые инженеры, оставшиеся здесь до полной победы ислама над американцами.

Гризов, хотя и не был военным, немного разбирался в оружии по работе. Взглянув на ракетный комплекс, он догадался, что это был российский комплекс «Игла», а одна из линий была полностью заточена под сборку автомата «Калашникова», не узнать который было невозможно. Имел ли Рушди Хезбаллах лицензию на сборку всего этого оружия, можно было даже не уточнять. Давние связи с Россией по линии вооружений тут прослеживались без особого усилия. Хотя, рассмотрев соседние линии, журналист с удивлением увидел американскую «М-16», а за ней автоматы бразильской армии. Остальное легкое оружие и крупнокалиберные пулеметы были ему не знакомы.

Рушди снова понял его без слов.

– Мы готовы бить врага любым оружием, даже тем, которое выпускает его собственная страна. Это я об американцах, – добавил он, – двинемся дальше.

Русским десантникам, ехавшим сзади, похоже, было на что посмотреть в течение этой импровизированной экскурсии в подземный арсенал. Коля Быстрый вертел головой по сторонам, старясь лучше все рассмотреть. Гогуаз и Костян с интересом наблюдали, как иракцы собирают родной автомат «Калашникова». О чем они думали в этот момент, Гризов

догадывался.

Сделав круг по ангару стрелкового вооружения, объемы производства которого Гризов мог представить себе с трудом, джип с иракским министром и русским журналистом выехал на основную линию движения и, миновав пару ангаров поменьше, въехал на территорию более крупного здания, с виду напоминавшего настоящий завод тяжелого машиностроения. Рядом с ним журналист как раз заметил нечто похожее на мартеновскую печь, придуманную и построенную у себя на родине французом Мартеном в 1864 году. Несколько устаревший, но все еще использовавшийся способ для переработки чугуна и стального лома в сталь. Этот способ просуществовал в развитых странах до конца двадцатого века. Все пространство над мартеновской печью было опутано паутиной труб различной ширины, с безотходным производством здесь действительно были проблемы. Гризов подумал, что вся эта грязь должна была куда-то сбрасываться и конденсироваться. Либо наверх, либо где-то здесь же под землей существовали огромные отстойники со всеми ядовитыми и радиоактивными (припомнилась ему местная АЭС) отходами. Иначе местонахождение этой подземной кузницы было бы раскрыто американцами уже давно. Во всяком случае, они узнали бы о ней еще до захвата этой нефтеносной территории. Если конечно, пришло на ум Гризову, это место действительно находится в Ираке, а не в Сирии, и его не охраняют духи от чужого глаза.

Въезжая на территорию очередного завода Антон мысленно готовился к чему-то грандиозному типу производства артиллерийских пушек, но увиденное поразило его еще больше. Здесь собирали танки. Причем хитрый иракский вождь, похоже, стремился брать все лучшее и от своих друзей и от своих врагов. Время течет, друг может стать врагом и наоборот. Под крышей колоссального цеха, откуда над людьми нависали кран-балки, расположились сразу три сборочные линии. На одной собирались отечественные, проверенные временем танки «Т-80», давно поставлявшиеся в Ирак, которые иракцы могли копировать без труда, что они и делали. Гризов знал эти танки и заметил некоторые изменения, которые иракцы внесли в конструкцию и навесное вооружение. Судя по всему, местные инженеры не зря ели свой хлеб. Впрочем, жить захочешь...

Вторая линия, более навороченная технически, производила американские танки «Абрамс». Народу здесь также толпилось больше, поскольку танк был более сложен и напичкан электроникой, чем русский. В этом были его плюсы и минусы. Антону вдруг вспомнился разговор с немецким военным летчиком на одном из авиационных шоу в Финляндии, где он бывал по работе. Немец летал на «Торнадо», но хвалил русские «МиГи». Хвалил так: «У нас самолет напичкан таким количеством электроники, что и сесть негде. Как попадешь в грозу, сразу все вылетает к чертовой матери. Одни отказы. То ли дело на ваших «МиГах», ничего лишнего. Все просто, понятно и ломаться нечему. Ваши самолеты надежнее».

Тогда Антон испытал двойственное чувство. Это, конечно, хорошо, что наши самолеты надежнее. Только в современной войне на «простых» самолетах и с «Калашниками» в руках победу одержать трудно. Особенно в войне с американцами, когда еще задолго до боевых действий твою территорию обнюхают вдоль и поперек вражеские спутники, а простой вражеский пехотинец обвешан компьютерами и не может воевать без батареек. Хотя, как ни крути, иногда простота все-таки оборачивалась плюсом. К сожалению, только иногда.

На третьей сборочной линии рабочие в комбинезонах под охраной автоматчиков собирали английский танк «Челленджер». Этот танк заинтересовал Гризова больше всего. Насколько он знал, это был основной боевой танк английской армии. Тяжелый танк с мощным вооружением и составной броней «Чобхем», считавшейся практически неуязвимой. А углекислотный лазерный дальномер, инфракрасный прицел и полностью компьютеризированная система огнем обеспечивали попадание в цель с первого выстрела.

Гризов не мог оторвать восхищенного взгляда от этой боевой машины, а когда все-таки сделал это, то повстречался взглядом с Рушди.

– Хороший танк, – подтвердил иракский министр, – мне очень нравится. Мы привезли

один экземпляр из Омана, куда англичане продали восемнадцать штук.

– Но почему такой выбор машин? Американцы и мы, понятно. Но англичане?

– Это просто, если знать нашу историю. В семнадцатом веке Ирак вошел в состав Османской империи. В начале двадцатого века у нас началось движение за освобождение от турецкого владычества. Великобритания активно этому помогала. В августе тысяча девятьсот двадцать первого года Ирак снова обрел независимость. Тогда же был избран король Фейсал Первый, а Великобритания получила мандат на управление Ираком, через своего консула. Что и делала до тридцать второго года. Больше десяти лет англичане, под видом наших друзей, грабили нашу страну, как до этого грабили Индию и другие страны. Но надо было положить этому конец. И в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году произошел переворот, короля убили, монархию свергли, провозгласили республику. Затем произошло еще несколько переворотов, и, в результате последнего, к власти пришел Саддам Хусейн Ат-Тикрити. То есть, теперь ты знаешь, кто действительно тогда взял власть в свои руки. И вот англичане снова на нашей земле и они должны умереть. Я решил, что они будут умирать от своего же оружия. Так велят духи этих земель. И так будет.

Глядя на всю эту подготовку, Гризов не сомневался, что именно так и будет. Во всяком случае, Рушди не отступится от своего и ляжет костями, но достигнет своей цели. Другое дело, что в Междуречье с древних времен сходятся интересы очень многих. И не только местные духи быются за эти земли.

Журналист еще раз осмотрел цех по производству танков. В зале стояло не более десятка бронированных машин. Для освобождения Ирака от американцев и англичан этого мало. В высоте над их головами проплыла кран балка, неся орудийную башню очередного «Челленджера» к месту сборки.

– И это вся ваша бронированная армада? – поинтересовался Гризов, но тут же спохватился: смеяться на иракском министром не следовало до тех пор, пока не отдалиться от него на безопасное расстояние. А то он мог легко сменить милость на гнев. Но этого не произошло.

Вместо ответа Рушди сделал знак рукой водителю, и тот вывел джип из цеха. Свернув сразу за заданием цеха налево, они въехали в соседний ангар, напомнивший журналисту любимый футбольный стадион тех самых англичан, танки которых копировались сейчас по соседству.

Зачем иракский министр привез их сюда можно было не спрашивать. Это стало понятно сразу, как только, преодолев КПП на въезде, джипы остановились посреди огромного танкохранилища. Здесь, освещенные лучами прожекторов, выстроились, словно готовые к немедленному марш-броску на Багдад три колонны танков, ранжированные по моделям боевых машин. Здесь их были уже сотни. Колонна модернизированных «Т-80», американских танков «Абрамс» и английских «Челленджер». Все боевые машины были окрашены в песчаный цвет, и несли на своих башнях и бортах неизвестные до сей поры Гризову эмблемы: кривой меч на зеленом круге. Судя по всему – знак личной гвардии Рушди. Вдоль стен бесконечного, казалось, ангара расположились стеллажи со снарядами нужных калибров для танковой армады.

Сзади раздался приглушенный свист. Так Голуаз выразил свое впечатление от увиденного. Глядя на всю эту мощь, Гризову вдруг пришла в голову странная мысль «ведь мы находимся глубоко под землей». Эта очевидная мысль настолько поразила журналиста, что он не удержался от вопроса:

– Но, уважаемый Рушди, как же все эти танки, несущие смерть захватчикам Ирака, выйдут на поверхность? Ведь город ассасинов расположен очень глубоко под поверхностью пустыни, даже по поверхности которой, как я полагал, танки тоже передвигаются с большим трудом.

Рушди Хезбаллах усмехнулся. На этот раз самодовольно. Он явно был удовлетворен произведенным впечатлением.

– Ты прав, мы зарылись глубоко под землю, чтобы враг не нашел нас. Но это не значит,

что сюда можно войти и выйти только через те норки, по которым пробрались вы. Этот город не единственный из числа моих тайных крепостей. Они повсюду. Вся земля древнего Аккада и Шумера наполнена тайными убежищами для сынов Аллаха, подобными этому. Все эти крепости связаны друг с другом надежными коммуникациями. И каждая из них скрыта от глаз врагов. Пока еще я не готов к решительному удару и несу смерть захватчикам из своего укрытия. Но, ждать осталось не долго. Настанет день, и вся моя гвардия выйдет на поверхность и разящий меч повсюду настигнет врага.

– Коммуникациями? – переспросил журналист любопытство которого все возрастало, – значит ли это, господин министр, что у вас здесь имеется подземная железная дорога для переброски войск в отдаленный районы Ирака или, может быть, даже подземный аэродром с боевой авиацией?

– Ты и так уже видел многое, – сказал Рушди, – такое, что недозволено знать ни одному из смертных. Но, Аллах разрешил мне открыть тебе это, а значит, нет греха в том, что ты увидишь и остальное.

Новый знак рукой и колонна покинула ангар, где ждала своего часа танковая мощь тайного властелина Ирака. Сразу за ангаром начинался новый тоннель, дорога по которому заняла не меньше десяти минут и, как показалось Гризову, пошла немного вверх. Как и во всех других тоннелях, здесь имелось множество ответвлений, а что хранилось там, журналисту оставалось только догадываться. Понемногу справившись с шоком от увиденного во многочисленных подземельях этого магрибского колдуна, Гризов уже догадывался, что его ждет дальше. И он не ошибся.

Глава пятнадцатая. «Река времен»

Закончив свой путь по тоннелю, колонна джипов остановилась перед массивными воротами, преграждавшими движение вперед. На этот раз, начальник охраны, разместившейся в КПП перед воротами, не просто отсалютовал своему вождю. Он сделал несколько строевых шагов вперед, ритуальным жестом вскинул вверх кривую саблю и крикнул:

– Карающий меч обрушится на головы неверных, господин!!!

Судя по всему, этот ангар охраняли самые преданные слуги Рушди. Сам Хезбаллах отсалютовал в ответ начальнику охраны и приказал:

– Тарик, я хочу показать гостям наших птиц.

Начальник охраны развернулся и подал знак солдатам в будке КПП. Тотчас пришел в действие скрытый в скальной породе механизм, и массивные двери отворились, пропуская колонну внутрь.

В том, что Гризов увидит там самолеты, он уже и не сомневался. Но когда он увидел, какие именно это были самолеты, у него перехватило дух. В этом ангаре, в отличие от других, света было мало. На стенах горели лишь лампы аварийного освещения, отчего раскинувшие крылья в стороны десятки самолетов походили в полумраке на коршунов, задремавших в клетке, но готовых в любой момент бросится на врага.

В первом ряду стояли пять самолетов. Гризов узнал их сразу. Хищный клюв. Размах крыльев почти пятнадцать метров, потолок – восемнадцать тысяч, максимальная скорость, – две тысячи пятьсот пятьдесят километров в час. Два турбореактивных двигателя. Тридцатимиллиметровая пушка, восемь тысяч килограмм боевой нагрузки, – ракеты «воздух-воздух» Р-77, ракеты «воздух-земля», управляемые и обычные бомбы. Отличная машина в умелых руках этот одноместный всепогодный ударный истребитель «Су-35». И что самое интересное как две капли воды похож на те пропавшие, несколько лет назад в лесах дальневосточного региона России. И стоит их здесь ровно пять штук, все как на подбор.

Гризов пригляделся. Нет, не пять, пятнадцать. Второй и третий ряд был также укомплектован «Су-35», а вот четвертый, пятый и дальше уже состояли из «МиГов». И лишь

где-то в конце наметанный глаз журналиста разглядел знакомые силуэты французского «Миража». Что было отрадно. Судя по всему ни американских, ни английских самолетов, в отличие от танков, на вооружении у Рушди Хезбаллаха не находилось. Хотя, возможно, им просто не все показали.

Глядя на стоявшие перед ним в полумраке «Су-35» Гризов все гадал «они, не они?», но разобраться в ситуации в этой обстановке не представлялось возможным. Журналист успел заметить только, что самолеты стоят с подвешенными боекомплектами и готовы к бою, что не добавило ясности к его размышлениям. Иракский лидер не зря дружил с российскими генералами, чему Гризов сам был свидетелем, а потому мог просто купить их, как покупал другое вооружение, а покупал он много. Тем более, что Рушди Хезбаллах командовал всеми военными силами Ирака и кому, как не ему это было возможно сделать. Получалось, что в его положении красть самолеты не было никакой необходимости.

– Теперь вы знаете, что американцы не могут спокойно себя чувствовать даже в воздухе, где давно полагают себя хозяевами положения, – проговорил, выдержав эффектную паузу Рушди, – благодаря вашим самолетам и моей воздушной гвардии, обученной умелыми инструкторами, я очень скоро лишу их этого спокойствия навсегда.

Гризов продолжал внимательно осматривать стены и дальний конец ангара. Ведь самолет, не танк и не предназначен для долгого передвижения своим ходом по земле. Значит, они уже близко к поверхности и где-то здесь должен быть выход на эту самую поверхность. Ведь должны же самолеты как-то вылетать отсюда. А в том, что они могут взлететь прямо отсюда, Гризов почти не сомневался, чтобы там ни говорил Рушди на счет коммуникаций между тайными базами. Зачем таскать самолет по подземной железной дороге, когда он может летать сам?

В этот момент земля содрогнулась, а со стен ангара посыпалась штукатурка. Гризов насторожился: что это, авария на одном из заводов Рушди или что-то происходит на поверхности?

Почти мгновенно замигал огонек срочного вызова на портативно пульте связи, расположенном на приборной панели джипа. Министр медленно взял трубку, несколько секунд слушал доклад неизвестного собеседника, багровея на глазах:

– Что!!!? – заорал он в трубку, – немедленно принять ответные меры. Я возвращаюсь на главный пост.

Новый мощный удар заставил содрогнуться стены подземелья. От одной из них откололся камень и, рухнув, со звоном задел крыло ближайшего истребителя. Иракский лидер выскочил из джипа. Быстрым шагом вместе с двумя охранниками он направился к выходу, где находился КПП. На полдороги Рушди остановился, приняв решение. Овернулся к машинам.

– Случилось непредвиденное, – проговорил он, обращаясь к журналисту, – враги нашли мое убежище и атакуют его. Пришла пора расстаться. И вам и мне надо действовать. Тарик проводит вас к подводной пристани и снабдит всем необходимым. Помните, искать надо на севере. Прощайте. Аллах велик!

Гризов оглянулся на сидевших во втором джипе спецназовцев, которые сразу напряглись, услышав, что запахло жареным. «Как бы бежать не решились, промелькнуло в мозгу у Гризова, дров не наломали». Но к счастью, Костян сидел пока смирно, он все слышал и догадался, что их не собираются кончать в этом подземелье. Как минимум перевезут в другое, а там посмотрим. На самолете отсюда все равно не сбежать.

Через несколько минут появился начальник местной охраны и сел на место Рушди. Выбравшись тем же путем назад из ангара с самолетами, колонна снова поехала назад, но затем свернула влево и устремила по ответвлению тоннеля в неизвестном направлении. Ехали так долго. Минут двадцать, на протяжении которых высеченный в каменной породе тоннель шел все время вниз. Гризов почему-то с самого начал не сомневался, что Рушди его не обманет. Хотя и знал, что восток, дело тонкое. Но к нему вдруг пришло неизвестно откуда взявшееся спокойствие, что все идет именно так, как должно. Сам себе он этого объяснить не

мог, но какое-то шестое чувство подсказывало ему, что все правильно, хотя вокруг и начало происходить что-то странное.

За время движения вниз гулкие удары и сотрясение земли стали почти не слышны. Но зато скоро послышался совсем иной шум, – шум бурлящего потока. Джип, в котором сидел Гризов, выехал из тоннеля и оказался на небольшой освещенной пристани. Журналист в очередной раз не поверил своим глазам, – он находился на пристани, которая была оборудована в гроте, на отвесном берегу подводной реки, текущей здесь, наверное, уже тысячу лет. А там высоко над ним, в нескольких километрах, была пустыня, где этой воды не было вообще. Где любой заблудившийся путник отдал бы за каплю жидкости целое состояние. Поистине, пути Господни неисповедимы.

У пристани был пришвартован мощный моторный катер белого цвета с большим прожектором на носу и двумя поменьше по бортам. Катер был суперсовременным, комфортабельным и, судя по надписям на моторе и корпусе, американским. В центре виднелись два ряда сидений, на которых легко могли уместиться пять-шесть человек. На корме лежали оружие и рюкзаки спецназовцев, погруженные людьми Рушди заблаговременно. Увидев это, Гризов обрадовался, хотя осторожность все равно нельзя было терять. С другой стороны, если Рушди решил их убить, то он их убьет. Поэтому журналист решил положиться на судьбу.

Тарик, сидевший рядом с шофером, молча указал на катер. Два раза Гризову повторять не пришлось. Он выскочил из машины и, сделав несколько шагов по гладким камням ступеней, первым оказался в катере. За ним в лодку прыгнул Костян, почти сразу туда же спустились Коля Быстрый и Голуаз, устроившись за рулем.

Костян проверил снаряжение, Голуаз оружие. На первый взгляд все было на месте. Спецназовцы, ощутив себя почти на свободе, с наглостью поглядывали на гвардейцев Рушди, которые не спешили уезжать.

– Похоже, мы должны уйти первыми, – предположил Гризов.

– Ну что ж, – согласился Костян, усаживаясь впереди на сиденье рядом с Голуазом, – первыми так первыми. Не будем нарушать законов восточного гостеприимства, а то еще продырявят напоследок. Заводи это корыто, Голуаз.

Голуаз отвязал причальный конец веревки и повернул ключ зажигания, торчавший в замке. Взялся за удобный обтекаемый руль. Мощный мотор утробно заурчал, выбросив фонтан брызг из-за кормы, и заставил катер двинуться вперед. Гвардейцы с автоматами на джипах светлым пятном быстро уплыли назад. А катер со спецназовцами провалился в темноту шумящего грота.

– Включай прожектора, водила, а то сейчас налетим на камушки, – подколот Голуза старшой, у которого через армейский юмор выходил стресс после внезапного пленения, как показалось журналисту.

Голуаз нашарил нужную кнопку на приборной панели, – темноту прорезал широкий луч и два луча поменьше, направленные вперед. Оказалось, что река почти сразу заворачивает вправо и включи они свет чуть попозже, их путь был бы не долгим. Но Голуаз успел заложить вираж. Каменные своды грота, в котором текла подземная река, нависал над ними метрах в трех, так что жить было можно, а ширина реки в том месте, где они сели в катер не превышала и десяти метров.

Однако, как скоро выяснилось, они еще не покинули поземных владений Рушди, – метров через сто дорогу им преграждала металлическая сеть. Чего больше боялся Рушди, атаки из глубин земли или бегства своего персонала, понять было трудно. Но уйти из подземного царства было не легче, чем в него войти.

– Е мое, – сплюнул Костян, оглядывая стены в поисках ответвлений грота или пристани, – он что, нас утопить решил?

Но в этот момент решетка, создав водоворот, стала отъезжать в сторону, выпуская катер на волю. Похоже, за ними по-прежнему наблюдали видеокамеры. Гризов вспомнил о сотнях мониторов в центральном посту Рушди и помахал рукой невидимому наблюдателю,

когда они проплывали то место, где недавно была решетка.

– Ну, поплыли к центру земли, – сказал Коля Быстрый.

Казалось, что его такая перспектива совсем не пугала. Гризов в очередной раз подивился выдержке спецназовцев, которым похоже, что на земле, что под землей, сам черт братом так и не доводился.

Когда решетка встала на свое место позади катера, Голуаз осторожно прибавил газу и чудо американской техники, груженое русскими спецназовцами устремилось во мрак, разгоняемый лучом прожектора. Костян, сидевший на переднем сиденье, обернулся к журналисту и спросил, перебивая плеск волн и шум мотора.

– Поговорим?

– Поговорим, – вздохнул журналист, давно ожидавший этого вопроса.

– Отчего это наш неожиданный хозяин подземелья был с тобой так ласков? Ты что, его закадычный друг?

– Да какой друг, – не выдержал и съярничал Гризов, – Так, водку пили вместе пару раз.

– Ты не юли, – предупредил старшой, – сам понимаешь, мы не дома. Тут долго разбираться некогда. С чего это вдруг он так к тебе потеплел душой, что решил по своим законам тайным на машинке покатать? Ты часом не голубой? Я так думаю, даже в этом случае, он бы так к тебе не расположился.

– Это ты верно заметил. Получается, что я не голубой, – ответил Гризов, – с главным разобрались. Теперь об остальном. С чего он ко мне расположился, точно и сам не знаю. Тем более, что за пять минут до вашего пробуждения он мне в лоб автоматом тыкал. Думал уже на тот свет отправит.

– За что?

– Да пошутил я, что, мол, он тут под землей отсиживается, а наверху его страну американцы кромсают, как хотят.

– Это ты зря, – покачал головой старшой, – среди арабов тоже патриоты попадают. А этот как раз из них. Давай дальше.

– Ну а дальше, совсем пошла мутность какая-то, – проговорил Гризов, – сказал он мне, что забрели мы в древний город каких-то ассасинов, где он скрывается до поры, не просто так, не по своей воле, а якобы это меня духи привели сюда. Типа простой смертный дороги в этот город никогда не отыщет, если ее не знает или его не духи ведут.

Грот круто повернул налево, Голуаз повторил его изгиб, заложив лихой вираж. Костян качнулся, но быстро принял прежнее положение и снова обернулся к журналисту.

– Ну-ну, – только и сказал он, – либо у мужика от долгого сидения взаперти крыша съехала, либо ты у нас и правда не простой смертный, журналист. Сам то, как думаешь?

Антон посмотрел на каменную стену грота, проплывавшую мимо, на бурлящую черную воду, сквозь которую двигалась лодка, на луч прожектора, терявшийся в темноте, и неуверенно ответил.

– Честно говоря, я уже не знаю. Вроде бы я журналист обыкновенный. Ну, то есть, очень даже хороший журналист. Но этот Рушди так долго мне про мою особую миссию вкручивал, что я уже и сам в нее скоро поверю. Вот и предчувствия мои в последнее время обострились, глюки какие-то мерещатся.

– А в чем твоя миссия, мужик? – уточнил Костян.

– Да вертолет какой-то, найти, который вы якобы ищите, да не там. Мол, вам его без меня не найти ни за что.

После этого в темноте грота, освещаемой прожекторами катера, повисла тишина. Был слышен только шум воды, перекрываемой привычным шумом мотора. Костян молчал минут пять. Коля с интересом уставился на Гризова, словно его впервые в жизни увидел. А Голуаз при этих словах даже обернулся назад, чтобы посмотреть на того, кто их сказал, забыв, что ведет катер по узкому извилистому гроту.

– Что найти? – наконец выдавил из себя старшой.

– Да вертолет какой-то американский, – повторил Гризов, – сказал, что упал он месяц

назад, а вы его как раз ищите, но не там.

– Вот бляха-муха, – выругался Костян, – а эта падла откуда знает про вертолет!? Скоро в этой долбанной пустыне не останется ни одного бедуина, который бы не слышал про штабной американский вертолет.

– Да простым бедуинам он как раз ни к чему, – вставил слово Коля Быстрый, – а вот этому арабскому шейху подземелья он бы как раз сгодился. Шейх ведь американцев тоже не любит. Может, он его уже нашел и распотрошил, а нам голову морочит, пуская по ложному следу.

– Нет, – заявил журналист, – он его тоже найти не может. Он мне сам сказал.

– Ну да, это же теперь твой лучший кореш, – кивнул Костян, – ему можно верить на слово. Кстати, ты мне так и не ответил, где вы с ним снюхались?

– Да я на родине давно расследую одно дело о наших пропавших самолетах на Дальнем востоке, факты собираю уже много лет. Там эскадрилья «Су-35» пропала в полном составе. Вот в процессе поиска и наткнулся на двух генералов, одного корейского и одного иракского. Вот этого самого Рушди. Он тогда этими самолетами интересовался. Попытался я проследить его связи в России, да особенно ничего не получилось. Но один раз мы с ним лицом к лицу на закрытом авиасалоне встретились, вот он меня и запомнил. А самолеты, кстати, как вы сами видели в ангаре стоят. Только те это или другие, выяснять было некогда.

– Нас самолеты не интересуют, – отрезал Костян.

– Так значит, вы действительно ищите штабной вертолет? – уточнил Гризов.

Костян сплюнул в бурный поток, обтекавший борт катера.

– Ищем, брат, ищем. Только тебе от этого теперь не легче будет. Раз ты узнал о цели нашего увеселительного путешествия, то идти тебе с нами до конца. И даже если жив останешься, придется тебя волочь в Москву для дознания.

Как ни странно эта угроза журналиста нисколько не испугала.

– Ну, раз уж погибать, так с музыкой. Тем более, что Рушди по поводу моей миссии сказал, что, мол, вы мне сами расскажете о том, что в вертолете. Поскольку, вам без меня, его все равно не найти. Так что, – рассказывайте. Один черт, я теперь с вами повязанный до самого конца.

Костян посмотрел на Голуза, потом на Колю Быстрого.

– Ох, и влетит же мне по первое число. Ладно, возьму грех на душу, но помни, если почую что, – первая пуля твоя.

– Да ладно, не стражай, – отмахнулся Гризов, – если бы не я, вы бы вообще не проснулись в этом чертовом подземном городе ассасинов. Кстати, Коля, а кто это такие?

– Журналист прав, – кивнул Голуз.

Костян еще несколько секунд боролся с собой, но, в конце концов, выдавил:

– Мы ищем штабной вертолет США, который...

– вылетел из Багдада на юг около месяца назад, сбился с курса и пропал, – закончил за него Гризов и, не обращая внимания на отвисшую челюсть старшего, сказал, – это я слышал от Рушди, давай дальше, не томи.

Костян поперхнулся, но продолжил.

– Вертолет... По данным нашей разведки разбился где-то в этом районе пустыни. В нем находился высокопоставленный чиновник министерства обороны США, который вывозил из страны данные по секретному плану нападения США на Ирак, которое должно было состояться независимо от мнения мирового сообщества. Он перевозил также информацию по сфабрикованной легенде об оружии массового поражения и секретные инструкции по бактериологическому оружию, которое США собирались применить в Ираке, если война пойдет не так успешно, как планировалась и затянется.

– Бактериологическому? – переспросил журналист, – а почему сразу не кинуть атомную бомбу и дело с концом?

– Потому что американцы, прежде всего, ценят имущество и деньги. Ирак – это новое имущество, которое Буш решил присвоить. А если бросить атомную бомбу, то ценное

имущество будет надолго испорчено. Гораздо проще применить бактериологическое оружие, которое очистит Ирак от всей живности, но зато сохранит имущество целым. Потом промыть, вычистить. Так сказать, провести предпродажную подготовку. Ибо люди, тем более, такие как иракцы, которые не любят американцев, с точки зрения демократа Буша это вообще не люди, а мусор, отходы цивилизации. А отходы, как известно можно сжечь, взорвать, или на худой конец вытравить.

– Вот скотина, – вырвалось у Гризова, – знал же, что скотина. Но чтоб такая.

– Короче, – продолжал вводить журналиста в курс дела Костян, – Пока этот план не был запущен в дело. Ирак захватили по первому плану. Но еще не вечер, поскольку в стране не спокойно. Арабы народ нервный и долго терпеть захватчиков не будут. Ну, а судя по последним впечатлениям, от этого подземного министра скоро можно ожидать хорошей встряски на всех уровнях. Так что, если мы найдем вертолет первыми и доставим информацию на родину, то «бомба» для США обеспечена. И еще есть надежда повлиять на ситуацию. Ведь, несмотря на все свои технические прибабасы, американцы свой вертолет, похоже, еще не нашли. Да и друг твой, тоже вон, утверждает, что не нашли. Так ведь?

– Говорит, что так, – кивнул Гризов, – А еще говорит, что и сам точно не знает, где вертолет. Но, что не здесь, не на юге, это наверняка. Сказал, мы не там ищем. Что нам надо двигаться на север, а там мне духи укажут дорогу.

– Опять духи, – сплюнул Костян, – Интересный маршрутец твой новый друг нам подкидывает. Главное, точный. Как по компасу. Строго на север. Но, похоже, ничего не остается. Назад уже не повернуть.

– Ну, да, – согласился Гризов, – эта река, как он мне рассказывал, приток Евфрата. Она течет на север. Надо проплыть по ней до места выхода на поверхность, а там...

– Интересно, – подал голос Коля Быстрый, – сколько нам по ней плыть? Судя по припасам еды на корме, не один день. Хотя запасов бензина не наблюдаю и запасного генератора энергии тоже. Я, конечно, оптимист. Но, может, твой арабский друг решил, что мы любим долго плавать в темноте на веслах, и решил нам доставить это удовольствие?

– А, может быть, эта речушка вытекает на поверхность небольшим ручейком или источником, и нам вообще из-под земли не выбраться? – поинтересовался Голуаз, обернувшись, – может, это он нас так изобретательно кончает?

– Не знаю я, – мотнул головой журналист, – Поживем, увидим. Ты лучше Коля, пока светло, расскажи мне кто такие эти ассасины, чей город модернизировал Рушди. Интересно.

Голуаз вернулся к рулю и стал смотреть вперед, туда, где, петляя черными изгибами, неизвестно куда несла свои воды подземная река. Костян тоже смотрел вперед, размышляя над чем-то.

– Интересно? – переспросил Коля, – ну тогда слушай, что смогу расскажу. Название Ассасины происходит от арабского слова «хашшашин» – «употребляющие гашиш», под этим именем в средневековой Европе получила известность ветвь исмаилитов, отличавшаяся строгой дисциплиной.

– Дисциплинированные наркоманы? – переспросил Гризов, – однако.

Коля не обратил на его восклицание особого внимания и, наклонившись вперед, чтобы Гризов лучше слышал, продолжал свой исторический рассказ:

– Орден ассасинов основан в Иране персом Хасаном ас-Саббахом, который умер в тысяча сто двадцать четвертом году. После него главой его иерархической системы стал Шайх аль-Джабаль, известный крестоносцам в популярном переводе как «Горный Старец». Ему помогали две группы подчиненных: «верховные проповедники» и группы «обреченных», находящиеся на более низкой иерархической ступени, готовые действовать или погибнуть, слепо подчиняясь приказу.

– Понятно, – кивнул Гризов, – бесплатные боевики.

– Из захваченной Хасаном горной крепости Аламут, расположенной к северо-западу от иранского города Казвин, в последующие двести лет ассасины распространили свое влияние на многие области мусульманского мира, создав цепь укрепленных горных фортов в

северном Иране и Сирии, проводя политику тайных убийств своих врагов.

– Это понятно, – опять кивнул Гризов, – местные иезуиты.

– К концу одиннадцатого века, – продолжал вещать Коля, перекрикивая шум подземной реки, – Ассасины прочно укрепились в северо-западной Сирии. Непреступной цитаделью служила им расположенная в этом районе горная крепость Масйаф.

– Интересно, – перебил его Гризов, – это не та самая крепость?

– Бананы из ушей вынь, – посоветовал Коля, – я же сказал в северо-западной Сирии. А мы, при всем желании, сейчас можем быть только в ее юго-восточной части, или вообще на западе Ирака.

Антон промолчал.

– На тот момент главой ордена в Сирии был Рашид Ад-Дин Ас-Синан. В свою очередь ставший «Горным Старцем», он проводил политику террора в отношении прибывающих крестоносцев. Гонял рыцарей и в хвост и в гриву. Никого не жалел.

– Молодец, – согласился журналист, – наш человек. Чего их жалеть? Кто с мечом к нам придет...

– Так продолжалось до тех пор, пока не пришли монголы.

– Монголы? – удивился Гризов, – Здесь, в Персидском заливе? А чего они здесь забыли? Отсюда до их родной Монголии, то бишь Орды, путь не близкий. А уж в те времена...

– Что забыли, точно не знаю. Может быть, ассасины им чем-то не угодили. Монголы не могут долгое время усидеть на одном месте. Их все время тянет воевать. Как бы далеко не требовалось идти, все равно придут и побьют. Вот и тогда, к тысяча двести пятьдесят шестому году иранские крепости ордена ассасинов были разрушены монголами под предводительством Хулагу-хана. А в тысяча двести пятьдесят восьмом году уже вся территория современного Ирака была разорена монгольскими захватчиками.

– Вот упертые ребята, – кивнул головой журналист.

– Пятнадцатью годами позже, в тысяча двести семьдесят третьем году, укрепления в Сирии были уничтожены мамлюкским правителем Бейбарсом I, и сирийские ассасины рассеялись по другим странам. Сейчас потомки некоторых из них проживают в Индии, Сирии, Ираке, Омане и даже на Занзибаре.

Гризов некоторое время помолчал, слушая уже ставший привычным шум реки и мотора. Потом махнул рукой назад, туда, откуда они недавно уплыли.

– Так может и этот, большой иракский человек Рушди Хезбаллах, – проговорил он, – их потомок? Раньше они курили гашиш и боролись с крестоносцами, а теперь с американцами.

– Все может быть, – ответил Коля, – только мы этого наверняка никогда не узнаем. Да и какая разница. Лишь бы с вертолетом и рекой не наколол. А там, пусть он будет хоть папуас.

Глава шестнадцатая. «Путь воды»

Журналист посмотрел на часы, стрелки которых показывали пять утра по местному времени. Получалось, что «в гостях» у Рушди они провели чуть меньше суток, а журналисту показалось, что всего несколько часов. По всей видимости, добрую половину этого времени все находились в отключке. А с того момента, как они отчалили на катере от подземной пристани, прошло уже почти два часа. Время под землей летело незаметно. Это всегда так, когда не видишь солнца.

Более-менее разобравшись со своим положением в команде и ближайшим будущим, Гризов задумался о том, что сейчас творится наверху. Если верить своим ушам, то в момент осмотра боевой авиамощи личной гвардии Рушди, произошло нападение на его секретный город. Получается, что американцы все-таки вычислили по каким-то приметам местонахождение логова своего главного врага и нанесли упреждающий удар. Причем, удар этот был не похож на комариный укус, а значит, о его мощи были осведомлены.

Скорее всего, подземный город бомбила стратегическая авиация или, что тоже возможно, начался обстрел «томагавками» с кораблей и подводных лодок в Персидском заливе. Все это могло означать только одно, если Рушди не бахвалился перед журналистом своей силой, и способен привести в исполнение хотя бы половину угроз, которые произнес, то следует ожидать массовых антиамериканских восстаний на поверхности этой жаркой страны. А может быть и полномасштабной войны. Кто его знает, что еще утаил в своих пещерах Рушди и сколько у него тайных слуг. В ошибочную бомбардировку Гризов не верил. Зачем бомбить пустыню? Можно, конечно, было предположить, что ракета сбилась с курса. Но чтобы сразу несколько, это вряд ли.

Получается, что американцы действительно что-то знали о Рушди. Или недавно узнали. Ну, а если так, то очень скоро здесь начнется очередная «Буря в пустыне», точнее – уже началась, потом «Шок и трепет», а следом наступит «Мертвая Тишина». Если, конечно, Иракский лидер не имеет туза в рукаве. Но для русских, Рушди прав, лучше всего было уносить сейчас отсюда ноги, даже если для этого придется плыть сквозь темноту по подземной реке. А о том, что будет, когда прожектора погаснут, Гризов старался не думать. Глядя на их прыгающий свет, Антон вдруг заметил, что впереди река резко расширяется, словно впадает в подземное озеро, а своды грота опускаются низко к самой воде.

Голуаз тоже это заметил и сбавил скорость. Катер медленно, почти только течением реки, внесло в это подземное озеро. Низкие своды, внезапно нависшие над головами спецназовцев, также быстро исчезли, уйдя ввысь. Как ни старался Гризов теперь рассмотреть своды грота над собой, они тонули в вязкой черноте, которую луч прожектора, разрезая впереди, только усиливал в других местах. Левого берега подземного озера было не видно, впрочем, как и правого. У Гризова разыгралось воображение: ему казалось, что здесь либо живет какое-то подземное чудовище, либо они уже попали в царство мертвых. Журналист, вглядываясь в черную даль, с напряжением ожидал, что из нее вот-вот выплывет им навстречу лодка Харона со своим ужасным гребцом.

Похожее нестроение передалось всем. Журналист это чувствовал. Хотя спецназовцы ничего и не говорили, сохраняя вид крепких парней, которым никто не страшен, их пальцы машинально сжали свое оружие крепче. Местечко было жутковатое, как ни крути.

– Где это мы? – проговорил, наконец, Голуаз, первым нарушив воцарившееся молчание, и удивился местной акустике, – что это за подземное озеро, черт возьми?

Его голос эхом разнесся над поверхностью бесконечной воды и, отразившись от невидимых стен, вернулся обратно. Слышимость была отличная.

В этот момент в луче прожектора возникла человеческая фигура огромного роста. В ней было не менее пяти метров. Костян вскинул автомат, но не выстрелил. Удержался. Через несколько секунд стало ясно, что это статуя из белого камня. Она стояла на вершине колонны, уходящей в глубину.

– Тьфу ты, – сплюнул Костян, чуть опуская автомат. Его потянуло перекрестится. – Это еще что за подземный музей?

Катер обогнул колонну справа. Проплывая мимо Гризов, рассмотрел стоящую на ней статую подобно. Это был воин или монах в длинном балахоне, с кривым мечом в правой руке, который он опускал вниз так, словно рубил кому-то голову. Его глаз было не видно из-под капюшона, а лицо заросло бородой.

– О, господи, – пробормотал журналист, – Коля, это что, опять эти ассасины? Как же глубоко они спрятались от людей.

– Да кто их знает, – тихо ответил Коля, провожая взглядом исчезающую во мраке статую, – может быть они, а может, и нет. Тут ведь этих сект было, не меньше чем у нас. Хотя и похоже на тех горных старцев, которых мы видели у входа в подземный город.

– Смотрите! – едва не выкрикнул Костян, указывая вперед.

Прямо по ходу катера, который двигался очень медленно, а течения здесь почти не было, возникла еще одна колонна, на которой стояли сразу три статуи. Двое воинов по бокам держали мечи поднятыми вверх, а средний с ожесточением рубил им воздух у себя под

ногами.

Пока Голуаз обводил катер вокруг этой композиции, журналист вдруг заметил, что берега озера выступили из черноты и стали видны. Но это были не просто берега. В рыхлой каменной породе, на сколько хватало мощности боковых прожекторов, и справа и слева виднелись высеченные изваяния старцев. Точнее одного старца. Он был также одет в балахон, обрит наголо и имел длинную и пышную бороду. Оружия при нем не было. Неизвестный старец просто стоял и буравил взглядом темноту подземного зала. Словно хотел прогнать непрошенных гостей, вторгнувшихся в его подземные владения. Глядя на это многократно повторенное изваяние, Гризову показалось, что он встретился взглядом с многоликим старцем. И взгляд этот был полон ненависти. Все здесь было пропитано ненавистью. Казалось, каждый камень был враждебен к тем, кто сидел сейчас в катере.

– Черт, – пробормотал Гризов, у которого мурашки поползли по коже, когда его посетила странная мысль: он где-то уже видел и чувствовал этот взгляд, хотя это и казалось нереальным, – что-то не нравится мне здесь. Поскорее бы убраться отсюда.

Коля Быстрый, между тем, тоже занимался наблюдениями, но другого рода.

– Судя по всему, – сказал он, – это тоже ритуальный зал. А этот старец был у них за главного. Наверное, даже считался божеством. Ну, уж непререкаемым авторитетом точно. Сенсей, который мог послать на смерть любого. Может быть, это сам Хасан ас-Саббах или его преемник Шайх аль-Джабаль.

– А эти на колонне, что – «группа обреченных»? – поинтересовался у соседа Гризов.

– Вполне вероятно, – кивнул Коля, указывая на новую группу воинов, выплывающих из темноты, – эти фигуры изображают законы или заповеди, которые следовало помнить и чтить в секте. Но меня интересует даже не это. Оставим изваяния для археологов. Я вот о чем думаю, старшой. Когда-то здесь было сухо, уверен. Ведь не плавали же они здесь на лодках? Горные старцы, – не знатные мореходы. Просто либо река изменила русло за многие сотни лет, либо его поменяли не так давно.

– Думаешь, дело рук Рушди? – переспросил Костян, – но тогда он не потомок ассасинов. Не уважает храмы предков.

– Не уверен, что это Рушди, – ответил Коля, – может быть, он здесь и не бывал вовсе, и не знает о существовании еще одного тайного убежища ассасинов. Времени прошло не мало. Река могла сама затопить пустоты в земле. Наша планета, как выясняется, ужасно пористая на ощупь. Хотя, судя по тому, как у него в верхнем городе все устроено и оснащено, он вполне мог затопить этот храм для своих технических надобностей. Или что-то хотел скрыть здесь.

– Если он бывал здесь, то возможно, и дальше плавал по этой реке, – подхватил мысль старшой, и даже повеселел от этого предположения, – а значит, вероятно, что и сам использовал этот путь для тайного выхода на поверхность. Если так, то у нас все же есть шанс, мужики. Голуаз, дави на газ.

Услышав команду, осторожный Голуаз все же не стал сильно газовать. Неизвестно, какая скульптурная композиция еще могла вынырнуть из темноты прямо навстречу. После контакта с такими массивными старцами на скорости, потом костей не соберешь и очень быстро пойдешь на корм рыбам. Кроме того, не следовало забывать, что это наверняка затопленный зал. Кто его знает, что может находиться сразу под поверхностью воды.

Поэтому Голуаз ускорялся плавно. Вода позади забурлила. Катер чуть быстрее двинулся вперед. Через несколько минут движения таким ходом, все увидели, что колоннада из бесконечных фигур горного старца стала иногда прерываться арками, сквозь которые вода уходила в сторону, рождая новые гроты и возможные пути для движения. Глядя на это, Гризов с ужасом подумал, что будет, если в противоположном конце этого бесконечного, казалось, зала, они наткнутся на добрый десяток ворот и попадут в подземный лабиринт, который уже начал вырисовываться по бокам. К его большому облегчению, когда путь им преградила каменная стена, заполненная изваяниями старца, арка в ней оказалась всего одна. Причем, она была настолько широкой, что катер спецназовцев проник сквозь нее без особого

труда, скользнув лучом прожектора по отделанному грубым орнаментом краю.

Однако, за аркой оказался еще один зал поменьше. Луч прожектора сразу же достал до дальней стены, в которой виднелась большая двойная арка, что не могло не обрадовать спецназовцев. А посреди зала из воды торчала двускатная крыша портика, стоявшего на четырех колоннах, тонувших в темной воде.

Голуаз осторожно подвел катер к портику.

– Интересно, что там под ним? – спросил вслух Гризов.

– Похоже на гробницу, – предположил Коля Быстрый, – неверное, там под водой саркофаг или высеченный в камне гроб.

– Ну, ты оптимист, – проговорил Костян, – умеешь поднять настроение.

– А может, там не гроб, а сундук, – вдруг сказал Гризов, – То самое сокровище, горного старца, которое он тут охраняет.

– Кончай байки травить, журналист, – успокоил его старшой, – может, хочешь нырнуть, проверить?

Катер медленно огибал торчавший над водой портик, словно крышу дома в весеннее половодье. Антон немного свесился через борт, пытаясь заглянуть под крышу, и вдруг ему показалось, что совсем неглубоко под поверхностью что-то блеснуло отраженным светом. «Золото!!! – пронеслось в голове у Антона, – древние сокровища!!!» От неожиданности Гризов разжал пальцы и рухнул в воду, поднимая волну в стоячей воде.

Вода оказалась очень холодной. Гризова моментально пробрало до костей и стало сводить конечности. Но даже это не могло заставить журналиста отвести взгляд оттого, что блестело на дне. Это был не сундук с золотом. Это был кривой меч, лежавший на высеченном из камня ложе метрах в трех от поверхности. Барахтаясь под водой, Гризов вдруг ощутил силу этого меча. Ему почудилось, что если он сейчас нырнет и завладеет оружием, то станет всесильным и сможет победить всех своих врагов, как древние богатыри. Сможет силой оружия решить все свои проблемы и достичь всего на свете. Его неудержимо потянуло к этому мечу. И он уже собрался нырнуть, как вдруг железная рука схватила его за шиворот и вытащила на поверхность. В последнее мгновение пребывания под водой, в рассеянном по поверхности свете прожекторов Гризов успел заметить, как длинное черное тело метнулось из угла подводного зала к нему, и пришел в ужас. Но в следующую секунду сильные руки подхватили его и втащили на катер.

– Ты чего, журналист, – весело пробормотал Костян, – я же пошутил.

Едва выплунув воду, Гризов стал показывать пальцем на воду и захотел объяснить, что видел в последнюю секунду, но изо рта вырвалось только:

– Там...там...это...

Но в тоже мгновение в паре метров от катера забурлило, и на поверхности показалась скользкое тело какой-то длинной твари. Извиваясь, оно снова ушло под воду, блеснув гладкой чешуей в свете прожекторов.

– Мама моя родная! – заорал Костян и на этот раз не выдержал.

Он схватил автомат «Калашникова» и начал палить по воде в том месте, где только что показалось тело морского зверя. Тоже самое сделал и Коля Быстрый: он поднял автомат и дал несколько очередей в черную воду рядом с катером. Эхо от выстрелов едва не оглушило самих бойцов. Кое-где с потолка и стен в воду посыпались камни. В ответ жуткий обитатель глубин прошелся под катером, слегка задев его своей спиной. Катер со спецназовцами подбросило над водой, едва не ударило о колонны портика и почти перевернуло. На этот раз Костян чуть не вылетел из него в воду, но успел схватиться за металлическую ручку, вделанную в борт.

– Чего стоим? – заорал Костян, удержав равновесие, – гони отсюда Голуаз к чертовой матери, а то нас тут сожрут подводные твари. Гони, родной!!!

Голуазу не пришлось повторять. Он и сам был ужасе, а потому надавил на газ и катер вырвался из замкнутого пространства через двойную арку на свободу. Точнее в другой зал. Казалось, этому подводному чертогу не будет конца.

Новый зал был огромен. Почти такой же, как первый, в котором стояли статуи старца и воинов. Но этот зал был каким-то странным. Сразу у входа в него спецназовцы увидели торчавшее над водой высокое ограждение из легких соединенных колонн, которые перегораживали всю эту часть зала и размыкались только по середине, создавая довольно широкий проход. Туда и устремил свой катер Голуаз. Коля неотрывно смотрел назад: не преследует ли их морской змей. Но его было не видно. Во всяком случае, на темной поверхности, что не обнадеживало. На всякий случай Коля дал несколько очередей в воду, разнесшиеся эхом по всему залу.

– Ну как, подстрелил? – крикнул ему Костян с переднего сиденья.

Коля пожал плечами.

– А черт его знает. Пока не всплывал.

– Ты, наверное, испугал его до смерти грохотом. Животные, они пугливые, – вяло пошутил старшой, на которого вид морского змея тоже наводил ужас.

Мокрый Гризов молча сидел, вжавшись в сиденье и вцепившись в ручку, размышляя о том, что было бы, если бы его вовремя не вытащили из воды.

Голуаз вел катер по широкому проходу между торчавших из воды колонн, которые постепенно становились все ниже и ниже. А скоро и совсем исчезли. Катер снова оказался на безбрежной поверхности.

– Похоже на парадную лестницу, – кивнул назад Голуаз.

– Чего? – переспросил Костян.

– Думаю, мы только что «спустились» по парадной лестнице, командир – повторил Голуаз, – очень было похоже.

– Парадный вход, обычно там, где входят и выходят, – выдал житейскую мудрость командир, – если ты прав, то это значит, что мы недалеко от выхода из этого подземного царства.

– Возможно, – кивнул Голуаз, – вопрос только: сколько еще нам пилить до выхода на поверхность.

В этот момент сзади раздалась автоматная очередь, грохот от которой опять сотряс стены.

Костян и Голуаз обернулись назад, схватившись за автоматы.

– Ты чего палишь?

Коля Быстрый несколько мгновений смотрел в темноту за кормой, и лишь потом ответил:

– Показалось, наверное.

Но никто его за это не осудил. Как говорить, лучше лишний раз выстрелить, чем самому словить пулю. Второй раз увидеть эту мокрую чешуйчатую спину никто не хотел. А уж, какая у этой твари морда, лучше и не знать вообще.

Минут через десять прямолинейного движения сквозь мрак, спецназовцы увидели долгожданную стену и проход в ней. Небольшая, едва заметная арка, в которую вытекала подземная река, продолжая свой путь в земной толще. Голуаз, не раздумывая, завел катер в грот. Этот грот оказался в два раз уже и ниже, чем тот, что вел из подземных укреплений Рушди.

– Похоже, что в глубине под нами только что остался первый город ассасинов, – выдвинул гипотезу Коля Быстрый.

– Но ведь они тогда еще не умели строить атомные электростанции и железные дороги. Тем более, подземные, – вступил в разговор Гризов, к которому постепенно возвращался дар речи, – Но на поверхность им выходить все-таки было надо каким-то образом. Значит...

– Значит, – закончил за него Коля, – мы сейчас и двигаемся по одной из их тайных троп. По которой, вероятно, и выходили на свет Божий древние любители гашиша.

Грот был очень извилистым и узким. Постоянно петлял, держа людей в напряжении. Кроме того, еще не вышла из памяти встреча с морской змеей. Голуазу приходилось все время притормаживать и возвращать катер на курс, чтобы не врезаться в стену грота,

который, по наблюдениям Гризова, становился все уже и уже.

Так они двигались вперед около трех часов. За это время стены грота приблизились к катеру на расстояние метра, теперь он скользил словно по узкой и глубокой канаве, так что развернуться уже не было никакой возможности. Еще через час мотор вдруг чихнул и заглох.

– Приплыли, тазики, – оформил ситуацию Голуаз, – бензин кончился.

Костян помолчал немного, а потом приказал:

– Значит, дальше идем на веслах, пока свет есть. А пока приказываю перекусить. Неизвестно, сколько еще нам пилить по этой древней канализации.

Коля Быстрый молча достал мешок с едой и раздал содержимое остальным. Русские сублиматы подопечные Рушди не тронули. Даже доложили от себя еще кое-что: свежих овощей, вяленого мяса, какие-то мясные штуки в полиэтиленовой упаковке, консервы, лаваш, лепешки с сыром, бутылки с водой и лимонадом.

Некоторое время Костян смотрел на все это великолепие из подземного оазиса с подозрением. Служба обязывала. Но потом разрешил есть. Конечно, от Рушди можно ждать всего, но пока еще они живы.

Ели молча. Новой информации и переживаний хватало с избытком, еще не все успели переварить. Перекусить по-царски, после долгих мытарств было очень даже приятно. Мокрый Гризов, который уже начал немного замерзать, не очень жарко было под землей, с радостью откусил огурчик и зажевал им кусок мяса. Потом отпил иракского лимонада. Вкусно. Особенно с голодухи. По телу, после возобновления жевательного процесса разнеслась радостная дрожь. Биологический механизм, работающий на органическом топливе, под названием тело, завелся и заработал на полную мощность. И тут же обнаружилась усталость. «Рано, – приказал телу Антон, – еще рано. Вот выберемся на поверхность, там и отдохнем».

– Закончить прием пищи, – приказал старшой, – Коля и журналист на весла.

Гризов вздрогнул, услышав про прием пищи. Давно забытые чувства всколыхнулись в нем: армия, дежурства, разводы, построения, неуставщина, наряды и долгожданный дембель. Впрочем, с дембелем выходила неувязка. Когда Гризов стал дембелем он, как ни старался, не мог ясно припомнить. Всплывали только смутные ощущения: как-то разом вдруг бац и превратился в дембеля. А подробности в мозгу не сохранились. Странно.

Антон достал со дна катера весла, передал одно Коле и вставил свое в модно отделанную уключину. Весла едва не цеплялись за каменные стены сузившегося грота. Поднатужились, потянули на себя, и массивный катер сдвинулся с места. Свет к счастью еще был. Немного помогало течение, которое было здесь, как ни странно, очень вялым. Обычно реки в горах текут быстрее. «Но, мы и не в горах, – подумал Антон, – мы в пустыне, то есть почти на равнине. А это кое-что объясняет».

Гребли так еще час, за который продвинулись не значительно, но продвинулись. Видно Гризов никак не мог выдать нужный темп и уставал быстрее, чем Коля. Потом их сменил Голуаз с Костяном, и катер пополз чуть быстрее. Коля остался на руле. Через час свет прожекторов постепенно стал угасать. На гребцов это повлияло как допинг. Они подналегли на весла, заставив катер продвинуться вперед еще на несколько сотен метров.

– Давай, Голуаз, навались, – пыхтел Костян, вращая изо всех сил весло, – Светлого времени нам осталось не много.

Когда свет стал уже таким тусклым, что видимость сократилась почти до десятка метров, Гризов, рассматривавший свои мозоли на ладонях, оторвал от них глаза и вдруг увидел, что грот закончился. Катер уткнулся в вертикальную стену. В этот момент прожектор мигнул на прощанье и погас. В освободившееся от света пространство хлынула темнота.

Глава семнадцатая. «Горячая поверхность»

– Ну, вот и финиш, – произнес Голуаз в крошечной темноте.

Повисла мрачная пауза. И вдруг Гризов каким-то уголком мозга вспомнил, что в последнюю секунду, перед тем как свет погас совсем, его блуждающий взгляд зацепился за нечто в углу, похожее на высеченные в скале ступени.

– Эй, ребята, – произнес Антон, – можете мне не верить, но там были ступени.

– Что там было? – переспросил Костян, и, не дожидаясь ответа, приказал, – Коля, фонарик быстро.

Коля завозился на корме, но, в конце концов, отыскал нужный предмет. Раздался щелчок, и узкий луч света рассек тьму, заскользив по стене.

– Где ступни? – уточнил Костян.

– Кажется правее, – пробормотал журналист.

Коля перевел луч вправо, и тут же спецназовцы увидели выщербленные от времени ступени, которые уходили вверх по стене, образуя узкую, едва заметную лестницу.

– Молодец, журналист, – похвалил старшой, – настало время поразмять конечности, господа мореходы. Швартуемся, берем поклажу и вперед, на встречу солнцу. Первым по тропе ассасинов как всегда, Голуаз.

– Есть, командир, – ответил из темноты Голуаз.

Спустя пять минут, бросив бесполезный катер, группа уже карабкалась по ступеням в неровном свете фонарика, забросив на спину рюкзаки, а на шею свои автоматы. Как вскоре оказалось, фонари есть у всех в рюкзаках. Даже у Гризова, который полз сразу за Голуазом. Высеченные чьей-то сильной рукой в рыхлой породе ступени вели круто вверх, но все-таки не так круто, чтобы понадобилось альпинистское снаряжение. Пространство вокруг быстро исчезло, ступени ушли вглубь породы, стены обступили людей. Стало ясно, что они поднимаются по древней лестнице. «Лестница в небо из подземного царства мертвых», – мрачно пошутил Антон сам с собою.

Похоже, этой тропой часто пользовались в древности для выхода на поверхность. Такой вывод журналист сделал, рассмотрев, насколько отполированными и одновременно разрушенными были ступни, тускло отсвечивавшие в лучах фонаря. Наверняка, это был тайный лаз владельцев затопленного подземелья, этих горных старцев, ушедших глубоко под землю для сохранения своей тайной власти на поверхности.

Спецназовцы карабкались молча минут двадцать, слышалось только сопение, шарканье подошв, да приглушенный лязг автоматов, цеплявшихся иногда за камни стены. Шум воды, постоянно стоявший в ушах последние часы, скоро исчез совсем. Видно, в этом месте подземная река уходила вниз или в сторону, а люди поднимались вверх. Вскоре, Гризов стал замечать, что луч его фонаря светит рассеянным светом. Присмотревшись, Антон вдруг понял, что вокруг действительно стало светлее. А еще через несколько минут сверху раздался радостный возглас Голуаза.

– Пришли, мужики! Я вижу свет!

Услышав это, Гризова почему-то неудержимо потянуло заорать, что было сил «Земля!!!», подобно морякам, скитавшимся после кораблекрушения по океану в утлой лодчонке долгие месяцы и, наконец, узревшим сушу.

Журналист приблизился к Голуазу, который стоял рядом с прорубленным в скале выходом на поверхность, но не выходил, дожидаясь остальных. Заглянул через плечо. Вот она земля. Вот она, долгожданная суша. Настолько долгожданная, что боязно выходить. Что там ждет детей подземелья, плутавших по нему так долго, и уже почти разучившихся видеть свет?

– О чем задумался, журналист? – вывел его из состояния задумчивости голос Коляна, – пора выходить на свет Божий. Задержались мы у твоего Хезбаллаха, а время не ждет. Топай помалу, я прикрою.

Гризов протиснулся вслед за Голуазом наружу. Тайный лаз ассасинов выходил на поверхность посреди скал, которые были сейчас за спиной, и справа. Слева был обрыв и ущелье. Откуда-то снизу слышался грохот падающего с большой высоты водопада. В воздухе стоял легкий запах распыленной воды. Станный запах для пустыни.

От прорубленного отверстия вдоль скалы вела тропа, по которой мог пройти только один человек. Он по ней и шел сейчас, щурясь от яркого солнца и зорко всматриваясь в окружающие его высоты.

– Странное место. Где это мы? – спросил Гризов вслух, но ответа не дождался и осторожно двинулся по тропе, прижимаясь рюкзаком к скале и стараясь не смотреть вниз. Он конечно горы в юности любил, но вылезти из-под земли и проплыть по бурливой реке, чтобы тут же упасть в пропасть, это было уже слишком.

Метров через двадцать тропа круто заворачивала за выступ скалы, уходя в сторону от пропасти. Добравшись до этого поворота, Гризов чуть не наступил на Голуза, который лежал прямо на тропе, спрятавшись за камнем и сжимая в руках автомат. Голуз знаком приказал Антону заткнуться и лечь рядом. Что журналист и сделал, инстинктивно почуяв опасность.

Тропа в этом месте расширялась до небольшой площадки, где могли запросто разместиться человек пять. Своеобразный отстойник, где можно было собраться небольшой группой и отдохнуть перед началом движения вниз. По краю тропы шло небольшое возвышение из валунов, за которым можно было укрыться от случайных взглядов. Гризов полагал, что укрываться здесь особенно не от кого, но он ошибся.

Лежа на каменистой почве, стараясь не обращать внимания на впившиеся в живот острые камешки и навалившуюся на спину тяжесть рюкзака, Гризов разглядел внизу, метрах в пятидесяти, интересную картину. Там, появляясь, словно из-под земли, брала начало небольшая горная речка, быстро уносившая свои чистые воды вниз. Левый ее берег, над которым сейчас нависали спецназовцы, и где проходила тропа, был высоким и обрывистым. А вот правый, как ни странно, довольно ровным. Точнее, там лежало несколько огромных камней в притык друг к другу. Камни эти были словно на заказ: плоские и ровные как блины. Каждый диаметром метров пять.

К своему удивлению, на одном из этих камней журналист узрел черный и пузатый вертолет с опознавательными знаками ВВС США, опустивший лопасти винтов к земле. Судя по виду, это была не боевая машина огневой поддержки, а штабной вертолет. Сердце журналиста радостно забило, но Гризов сразу же понял, что это не ТОТ штабной вертолет. Тот должен был быть как минимум разбитым и без живых людей. А ЭТОТ был целехоньким, да к тому же людей вокруг было, – хоть отбавляй. Даже многовато для столь отдаленного района Ирака.

По периметру расположилось пять морпехов с винтовками «М-16», двое из которых вяло озирались по сторонам, щурясь на солнце и явно не ожидая увидеть здесь людей. Остальные трое, отложив оружие, брились и умывались в реке, радостно отфыркиваясь холодной водой. Пилота в кабине не было, видно, отлучился по нужде. Рядом с вертолетом, стоял во весть рост американский офицер и курил сигару. Едва взглянув на офицера, Гризов сразу его узнал. Это был тот самый офицер, которого он видел из вертолета, когда они с Колей пролетали над стоянкой американцев в пустыне. У Гризова неприятно засосало под ложечкой.

– Что будем делать, старшой? – раздался над ухом журналиста яростный шепот Коли Быстроного.

Гризов повернул голову и осмотрелся: двое замыкавших группу спецназовцев уже лежали ярдом, незаметно подобравшись к авангарду.

– Как всегда, – брать транспорт.

– Незаметно?

– Думаю, можно не церемонится, – проговорил Костян, – скрытно подойти дальше речки не удастся, а спускаться все равно надо. Так что, Коля идет вниз, а мы его прикрываем отсюда. Как только его обнаружат, – открываем огонь на поражение. На всякий случай прикрутить глушаки, может они здесь не одни, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь.

Спецназовцы молча вскрыли свои рюкзаки, извлекли оттуда длинные черные цилиндры, направили на автоматы. Журналист пошарил в недрах своего, нашел аналогичную

деталь и тоже прикрепил. Оказалось, не так сложно.

Пока Гризов прикручивал глушак к дулу автомата, Коля Быстрый бесшумной змеей уже уполз вниз по тропе, скрывшись из виду.

– Мы с Голуазом берем крайних охранников с оружием, – инструктировал Гризова старшой, параллельно прицеливаясь между двух валунов, за которыми прятался, – а ты пали в тех у реки, в кого попадешь. Только аккуратно, своих не порань. Офицера берем в плен. Поговорить надо.

Гризов кивнул. Он и сам был не прочь потолковать с офицером: уж больно часто тот попадался ему на глаза.

Американцы закончили бриться и уже натягивали свою форму, когда вдруг снизу, метров с десяти от реки, по ним полоснула короткая автоматная очередь. Двое рухнули в воду замертво, так и не успев натянуть форму. Третий схватил винтовку и открыл ответный огонь. Вооруженные охранники тоже присоединились к обстрелу Коли Быстрого. В ответ глухо застучали автоматы Костяна и Голуаза. Охранники с оружием, получив порцию свинца в грудь, повалились на камни. Гризов опомнился и тоже вступил в бой, всадив половину обоймы в последнего американца, который успел избежать смерти сразу после бритья. Но сверху он был как на ладони и даже Гризов не промахнулся. Скорее перестарался: изрешетил американца так, что на его теле даже издали виделось множество рваных ран.

– Патроны береги, – осадил его старшой.

Все было кончено. Охранение вертолета уничтожено в мгновение ока. И только офицер продолжал стоять и курить посреди пяти залитых кровью трупов, как ни в чем не бывало. Он смачно затягивался сигарой, шурился на солнце, и медленно выпускал дым кольцами, словно наслаждаясь последними минутами жизни. Эту картинку смазал резкий хлопок одиночного выстрела от реки. Офицер выронил сигару и рухнул, схватившись за левую ногу. Коля не смог простить ему такой наглости и неуважения к русскому оружию.

– Пошли, – приказал старшой, – только осторожно, где-то еще прячется пилот.

Первым на другой берег горной речки ступил, само собой Коля Быстрый. Следом за ним все к вертолету приблизились остальные. Коля, тем временем, осмотрел берег, проверил трупы и связал раненого офицера, который даже не пытался отстреливаться. Голуаз залез в вертолет и проверил все там. Костян с Гризовым обошли стоявшую на камнях боевую машину вокруг.

Тотчас метрах в двадцати они увидели последнего американца, который быстро, но тихо, почти беззвучно, скакал с камня на камень, пытаясь уйти вниз.

– Какой тихий американец, – покачал головой старшой, поднимая автомат.

– Это же пилот! – крикнул Антон.

– Пилот нам не нужен, – ответил Костян, продолжая целиться, – у нас свои пилоты есть.

Затем он спустил курок и одной пулей прострелил американскому пилоту голову. Как раз в тот момент, когда тот уже почти скрылся из виду, перескакивая на очередной камень.

Покончив с последним неизвестным в уравнении, старшой и Гризов вернулись к вертолету. Коля Быстрый уже приволок пленного офицера и прислонил его к колесу бронированной машины. Это был крепыш с загорелым лицом и почти белыми волосами. Под одеждой угадывалось накаченное тренировками тело.

– Ну, что сволочь, – обратился к нему Костян по-русски, – рассказывай, что ты здесь делал?

В лице американского офицера не было ни тени страха, он лишь немного морщился от боли и искоса поглядывал на захвативших его солдат отсутствующим взглядом, словно смотрел сквозь них в даль.

Гризов разглядел погоны, судя по всему, это был полковник американских войск морской пехоты. Хотя Антон мог отдать руку на отсечение, что видел именно этого офицера в пустыне, а еще раньше, стоящим за штабной машиной во время убийства Наташи и

американских женщин из пикета. Но тогда он был штабным генералом.

Похоже, офицер и не собирался запираяться. Но он и не боялся. Это было видно сразу. В лице его сквозила такая уверенность в своих силах, что Гризову даже показалось, что, либо этот генерал-полковник курил сигару, свернутую из листьев анаши, либо был каким-то зомби. Но смерть его, похоже, не пугала.

– Назовите себя и скажите, что вы делаете в этом районе? – Костян, немного подумав, неожиданно легко перешел на английский. Гризов даже удивился, не ожидал от старшего таких познаний в языках.

– Роберт Рафт, генерал морской пехоты США, – проговорил офицер, морщась от боли.

– Что вы здесь делаете? – повторил Костян.

Рафт усмехнулся, медленно перевел взгляд на Гризова, и ответил:

– Ищу его.

Костян тоже внимательно посмотрел на Гризова и переспросил:

– Его? Но зачем?

– Я получил приказ из штаба оккупационного командования найти и уничтожить русского журналиста Антона Гризова. Любой ценой.

Костян покачал головой, словно был сильно удивлен.

– Вы даже знаете, как его зовут. Замечательно. Наш журналист, как выясняется, очень популярная фигура у американского командования. Неужели вы так боитесь тех фотографий, которые он сделал? Вы ведь на них тоже есть?

Рафт кивнул.

– Есть. Но дело не в них. Его смерти хотят гораздо выше, чем в штабе. Скандал с фотографиями всегда можно замаять. Вы же знаете Америку: она кичится свободной прессой, но может управлять ей очень жестко, а при необходимости, – жестоко. Свобода прессы ограничивается болтовней о сексе и поп звездах. Вы думаете, прессе простят попытку замарать власть? Когда угодно, но не сейчас.

– А что особенного происходит сейчас?

Американский генерал снова усмехнулся.

– Раз вы здесь, думаю, вы в курсе.

На этот раз улыбнулся Костян.

– Ирак велик. Как вы узнали, что мы появимся именно в этом районе?

Генерал Рафт осмотрел измазанную форму спецназовцев и ответил:

– По запаху.

В ответ на это Костян приставил дуло автомата к его лбу.

– Шучу здесь только я. А ты, жирная американская задница, имеешь только одно право, – отвечать на вопросы, чтобы иметь хотя бы надежду на спасение своей убогой жизни. Еще раз начнешь шутить без команды, разговор закончим быстро. Уразумел?

Ральф молча улыбнулся, откинув голову назад. Ему, похоже, было все равно. Гризову пришло на ум, что такой вид бывает у людей, которые точно знают о себе, что долго они на этом свете не задержатся. Минутой позже, минутой раньше, разницы нет.

– Ну? – повторил Костян.

– Получил координаты этого места из штаба.

Старшой немного опешил.

– Из штаба? Вы что знали, где именно мы выйдем на поверхность?

– Я ничего не знал. Мне просто сообщили координаты этого места, полученные, наверное, от разведки, и вот я здесь. Я даже понятия не имел, с какой стороны вы можете появиться. Мы прибыли всего полчаса назад. Мне было приказано прибыть сюда и ждать вашего появления. Источник информации был абсолютно уверен, что вы появитесь здесь рано или поздно. А мое дело выполнять. Единственное, чего мы не знали, это сколько вас. Но это уже не имеет значения...

Ральф сплюнул и снова поморщился от боли.

– Поясни, – старшой аккуратно ткнул его дулом автомата в лоб.

– Я должен был выйти на связь десять минут назад. Но...не вышел. Так что сюда уже летят вертолеты поддержки, а район оцеплен и поставлен под усиленно наблюдение из космоса. Вы обнаружены. Вам не уйти. А я свою задачу выполнил.

Костян посмотрел в небо, а затем быстро и аккуратно спустил курок. Одиночный выстрел разнес череп генерала американских морпехов вдребезги, немного забрызгав борт штабной машины.

– Все в вертолет, – приказал старшой, – времени у нас, как все слышали, мало.

Забросив рюкзаки со снаряжением внутрь, группа спецназовцев по очереди забралась в вертолет. Гризов залез последним, бросив короткий взгляд на изуродованное лицо убитого американца. Что-то подсказывало ему, что этот американец не последний, вставший у него на пути домой.

Голуаз, устроившись за штурвалом, запустил мощный двигатель, и спящая стрекоза мгновенно ожила. Лопасты винта закрутились в бешеном танце. Тяжелая с виду машина оказалась легкой на подъем. Вертолет быстро оторвался от земли и почти вертикально взмыл над ущельем. Внизу спецназовцы разглядели место, где только что произошел их короткий бой. Это было небольшое ущелье с водопадом. Далеко позади за горами виднелась бескрайняя пустыня. Вытекавшая из ущелья подземная река текла вниз и через пару километров вливалась в другую, более мощную, что несла свои воды на восток. Судя по всему, это и был Евфрат. Получалось, что Рушди их не обманул. На этом берегу реки невысокие горы постепенно переходили в скошенные предгорья и дальше становились зеленой равниной у самой воды. А на другом берегу все было наоборот: постепенно равнина становилась горами, окутанными желтой песчаной дымкой. Утомленное солнце клонилось к закату.

Когда мощная машина легко перенесла свое бронированное тело с четырьмя русскими в воздушное пространство над другим берегом Евфрата, Костян неожиданно повернулся к Гризову и спросил, прищурившись:

– Ну, куда дальше путь держим, журналист?

– Понятное дело, на север, – не сразу отозвался Антон, выныривая из своих размышлений об убитом американце. Он даже на всякий случай проверил на месте ли фотокамера с отснятыми кадрами убийства Натальи. Оказалась на месте. – Искать надо там. В предгорьях.

Старшой развернулся и вперил взгляд в песчаную дымку над горами прямо по курсу.

– Ну что ж, – проговорил он сам себе, – на север, так на север. Назад уже дороги все равно нет.

Вертолет оказался комфортным. Даром, что военный. В креслах было удобно сидеть, в иллюминаторы смотреть, обшивка салона уютная, а в мини-баре Коля Быстрый обнаружил миниатюрные бутылки и банки с водкой, джином и пивом, а также колбасные закуски. В ответ на его вопросительный взгляд, Костян разрешил воспользоваться содержимым. Но в ограниченных размерах: по паре банок на выбор, кроме водки. Иначе и про войну забудешь, а расслабляться было еще рано. Ведь, если Рафт не соврал, а он наверняка не врал, их уже засекли со спутника, и с минуты на минуту следовало ожидать атаки. Хорошо если только вертолетов. А то могли послать на выполнение задания парочку истребителей или вообще засадить ракетой с авианосца или с наземной точки. Чего зря технику гонять, если знаешь, что в переговоры с тобой вступать не будут. А ни в какие переговоры Костян по чужой инициативе вступать не собирался.

Пользуясь временным затишьем и комфортом, старшой достал свой ноутбук и связался с отечественным спутником. Засек координаты, отправил их в центр и сообщил всем. Гризов это оценил. Оказалось, что группа, сделав полукруг через пустыню, действительно вышла на поверхность в верховьях Евфрата, а впереди лежал северный Ирак: Мосул, Киркук, а на подходе к ним зона свободная от полетов, над которой уже несколько лет хозяйничали английские и американские самолеты.

Узнав об этом, Коля Быстрый сообщил, потягивая трофейное пиво, что под Мосулом,

находятся развалины столицы Ассирийского царства – древней Ниневии, а в зоне, свободной от полетов, имеются величественные развалины и других ассирийских городов. Южнее Мосула, расположен уникальный город Аль-Хадр, возведенный в первом веке до нашей эры. Точнее его неплохо сохранившиеся развалины.

– Обязательно сходим туда на экскурсию после задания, – похвалил его за хорошую память старшой, – а ты часом не знаешь, не в этих развалинах лежит наш вертолет?

– Думаю, что нет, – ответил Коля, – там много туристов бывает. И вообще местность населенная. Сразу бы нашли.

– Да, тут ты прав, – заметил Костян и снова обернулся к журналисту, – а ты, наш уважаемый компас, что думаешь? Где искать, север-то большой?

– А я уже ничего не думаю, – спокойно проговорил Гризов, допивая банку джина, – духи укажут.

Костян чуть не вывалился из вертолета.

– Духи укажут? Вот ты как заговорил. Похоже, крыша все-таки съехала. Так нам долго придется рыскать по просторам гостеприимного Ирака. Может, посоветуешься тогда с духами быстрее, а то у нас горючка кончается. Хватит на час полета, не больше. А воздушный бой мы не вытянем.

Антон спокойно кивнул.

– Посоветуюсь.

Он не мог объяснить этого спецназовцам. Но с момента встречи с американским генералом, Гризов почуял, что игра подходит к концу. Рафт не обманул, – их обнаружили. Нашли. ЕГО нашли. И нашли не американские военные, а кто-то более могущественный и сильный. ТОТ, кто стоит за ними. Их покровитель. И Гризова не покидало чувство, что он знает этого покровителя. И что, все, встречавшееся на его пути до этого момента, все случившиеся с ним за много лет события, в последнее время словно нанизывались на одну очень длинную невидимую нить, которая скоро должна была собраться в клубок. Собраться здесь, в Ираке. И тогда он, Антон Гризов, надеялся понять, почему же он так плохо помнил все, что с ним было в армии. Почему воспоминания об армии чаще всего приходили только по ночам вместе со смутной тягой к полетам и превращениям. Почему армия снилась ему только в каких-то фантастических декорациях.

Сейчас он раздумывал обо всем этом, допивая вторую банку джина и разглядывая в иллюминатор проплывавший внизу Ирак. Вертолет повернул правее от прежнего курса. Предгорья сменились на зеленые плодородные долины, которые местные жители с древнейших времен орошали с помощью прорытых каналов, система которых опутала все Междуречье. Именно здесь когда-то производилось все богатство Шумера и Аккада.

Довольно долго летели над этой долиной, на которой иногда виднелись коробочки людских поселений и нити проселочных дорог. Затем, вертолет проплыл над широкой полноводной рекой, блеснувшей золотой чешуей на закатном солнце, за которой до горизонта тянулись все те же однообразные плодородные долины. Это была вторая иракская водная артерия, – река Тигр, на которой стояло множество городов, включая Багдад.

– Поворачивай на север, – приказал старшой пилоту, – ты же слышал, журналисту духи сказали, что искать надо в предгорьях.

Послушный твердой руке Голуза штабной вертолет ВВС США сделал вираж и устремился вверх по реке в направлении Мосула, а потом отклонился вправо. Очень быстро зеленый цвет равнин внизу сменился на желтый, а потом и на коричневый. Горы снова приближались.

Глава восемнадцатая. «Башня Воспоминаний»

Еще через пятнадцать минут полета, когда под днищем вертолета уже окончательно исчезла зелень, стрелка прибора который показывал уровень топлива в баке, легла на бок. Голуаз постучал по нему пальцем, но стрелка по-прежнему не подавала признаков жизни.

– Садись, – приказал Костян, – наверное, это знак.

Глянув на экран локатора, старшой увидел как к вертолету с юга и запада приближается восемь низколетающих целей. По четыре с каждой стороны. Это были американские вертолеты.

– Садись быстрее, – повторил свой приказ Костян, – а то встретимся с духами гораздо раньше намеченного. Не хотелось бы получить ракету в бок при заходе на посадку.

Голуаз понимающе кивнул, бросая массивный вертолет резко вниз. Конечно, два крупнокалиберных пулемета для ближнего боя здесь все-таки имелись, и небольшая ракетная установка под днищем, но для серьезного воздушного боя с вооруженным до зубов противником этого было недостаточно.

Проведенная сразу после захвата машины разведка показала, то никаких секретных документов на борту нет, как нет и полетного задания, вспомогательных карт местности и шифров. Словно это был не штабной вертолет, а взявшаяся из ниоткуда машина с заданием такой секретности, которое ни бумаге, ни электронике нельзя было доверять в принципе. Самым ценным из захваченного имущества на борту оказался мини-бар.

Все это, конечно, мало понравилось Костяну, но ответов на вопросы, кроме как у духов, просить было не у кого. Американцы, между тем, приближались. Они наверняка точно так же видели захваченный русскими вертолет на своих локаторах и пытались просчитать действия.

Мельком взглянув на экран, старшой заметил на локаторе, помимо точек, означавших американские вертолеты, признаки незнакомого поселения. Похоже, совсем близко, километрах в десяти на север, находились развалины одного из древних городов. Хотя это сейчас не интересовало Костяна. Идти в город было все равно, что застрелится самому. Там наверняка много американских постов. Наоборот, будь у них чуть больше горючего, Костян конечно, попытался бы забраться подальше в горы. Но выхода не было. Знак предписывал садиться. А там, – будь что будет.

Голуаз высмотрел внизу среди холмов небольшую площадку для посадки и направил на нее с машину. Но, он не успел еще приземлиться, оставалось метров пять до контакта с каменистой поверхностью, как один из американских вертолетов, подобранных ближе всех, выпустил по русским ракету.

Гризов почуял ее задолго до пуска. Он напрягся и снова ощутил что-то странное. Ему показалось, что его дух вошел в контакт с ракетой, изменив ее курс. Едва не задев хвост штабного вертолета, ракета врезалась в соседний холм, опалив спецназовцев близким дыханием смерти. Видимость мгновенно пропала, все вокруг заволочло дымом и тучами песка. Взрывной волной вертолет качнуло в сторону, Голуаз не удержал машину, которая зацепила винтом за другой холм и, погнув его, рухнула брюхом вниз.

– Быстро наружу, рассредоточится по холмам, – кричал Костян, яростно выбрасывая рюкзак с оборудованием наружу сквозь разбитое стекло, – вести прицельный огонь по вертолетам. Уходить в сторону гор!

Голуаз уже был на земле. Отдав указания, Костян покинул машину через запасной люк. Журналиста, у которого все гудело в ушибленной при падении голове, Коля Быстрый вытащил наружу вместе с рюкзаком и приткнул за ближайшим валуном.

Гризов ничего не слышал и понимал происходящее с трудом. Вместо того, чтобы лежать там, где его бросили, Антон вдруг встал и, покачиваясь, побрел куда глаза глядят. Он видел, как спецназовцы стреляют вверх, как кричат ему что-то и машут руками, но смысл слов до него не доходил. В мире установилась абсолютная тишина и покой. Гризов улыбнулся им в ответ, сделал несколько шагов и рухнул на теплые камни, теряя сознание.

Когда он очнулся, вокруг было темно. Голова не болела, слух вернулся. Черная ночь укрыла предгорья. Гризов медленно поднялся и сел, озираясь по сторонам. Но взгляд не смог проникнуть сквозь окружавший его мрак. Рядом никого не было. «Где же они все? Может быть, я уже умер, – как-то отстраненно подумал Антон, – но тогда почему я чувствую холод,

ведь мертвые ничего не чувствуют».

Постепенно, его глаза привыкли к темноте, и Антон разглядел вдалеке огонь. Маленькую яркую точку. Казалось, что это горит одинокий костер в бескрайней пустыне, укутанной ночным небом. Пламя его колебалось, танцуя.

Словно почуяв неведомый зов, Антон встал и побрел в сторону яркой точки, единственной на всей земле. Он медленно шел меж холмов, спотыкаясь о камни. Огонек то пропадал ненадолго, то вновь возникал, подобно путеводной звезде. Очень скоро холмы закончились, и Гризов вновь ощутил пустыню. Днем солнце и раскаленный песок могли сжечь все живое, а ночью пустыня была дико холодна. Ветра не было, но Антон ежился, кутаясь в свою военную куртку.

Так он шел по песку, увязая в нем, очень долго. Показалось, целую вечность. Но огонь костра оставался все таким же далеким, не приближаясь ни на шаг. И когда Гризов уже начал ощущать страх, что заблудился в ночи, он, наконец, вышел к огню.

Это был костер, сложенный из редких кустиков саксаула. Огонь горел ярко, потрескивая. Вокруг него, скрестив ноги по восточному обычаю, сидели двое бородатых воинов, одетых в длинные одежды и золотые доспехи поверх них. Справа от каждого лежал кривой меч, на лезвие которого плясали языки пламени. В первую секунду Гризов решил, что бредит: эти воины были одеты так, словно пришли из далекого прошлого. У них не было ни винтовок, ни автоматов. Только кожаные одежды, доспехи и кривые мечи. Они молча смотрели на танец огня. Гризов остановился в трех шагах от костра, как вкопанный, не зная, что делать дальше.

– Мы давно ждем тебя, – произнес один из воинов, – наконец, ты пришел.

Антон не мог придумать ответных слов. Не знал, что говорить. Но, странное дело, он уже не чувствовал страха. Боль и усталость ушли из тела. Никакой агрессии от этих людей не исходило. Скорее, Гризов поверил, что пришел туда, где его действительно ждали.

– Я заблудился, – наконец выдал из себя Антон, – и потерял своих друзей.

– Твои друзья живы и ждут тебя, – ответил второй воин, – но прежде, чем вернуться к ним, ты хотел услышать ответы на свои вопросы. Ведь так?

Гризов кивнул.

– Тогда, пойдем, – воин встал во весь рост, расправив плечи, – Меня зовут имам Аль-Хади. А это мой брат имам Хасан Аль-Аскари. Мы, – потомки двоюродного брата пророка Али ибн Абу Талиба. Нам велено проводить тебя в Самарру. Там ты получишь ответы и узнаешь все, что должен узнать.

Он подал кому-то знак рукой. И вдруг, из темноты показались вооруженные конные всадники. Гризов насчитал их не меньше дюжины. В высоких золоченых шлемах и разукрашенных восточной вязью доспехах. Двое из них держали свободных скакунов под уздцы.

Гризов, никогда раньше не ездивший на коне, с неожиданной для себя легкостью взобрался в седло, взялся за богатую уздечку и пришпорил скакуна, устремившись в след за пригласившими его братьями. Отряд быстро удалился от огня. Так быстро и бесшумно, что Гризову начало казаться, будто кони не касаются копытами песка, а летят над ним. Огонь исчез. Теперь их путь освещала только полная луна.

За время этой скачки, Антон почти не управлял своим конем. Тот, похоже, прекрасно знал дорогу и нес туда седока. Впереди скакали два брата-воина, чуть позади за ним Антон, почти отпустивший уздечку. Остальные всадники бесшумной тенью скользили по ночной пустыне за его спиной.

Вскоре отряд поднялся на высокий холм и неожиданно остановился. Поравнявшись с конем Аль-Хади, Гризов придержал и своего скакуна. Отсюда, с вершины холма, при свете луны открывался сказочный вид на ночной город, возникший перед всадниками. Бесконечная крепостная стена опоясывала и охраняла собой сотни спящих зданий, поражающих своей красотой. В лунном свете спали дворцы, увенчанные куполами. Повсюду возвышались многочисленные мечети. Но выше всех, из центра огромного города,

неудержимой стрелой, стремился в небо изящный даже ночью, минарет. Его стены, закручиваясь спиралью, уходили в самое небо.

– Что это? – спросил восхищенный Гризов.

– Это великая Самарра, столица Аббасидов, – ответил ему имам Аль-Хади, и добавил, обернувшись к Антону, – Спускайся. Тебя ждут. Конь приведет тебя к нужным дверям. А наш путь окончен.

Сказав это, всадники повернули скакунов и исчезли в ночи, блеснув на прощанье доспехами. А Гризов снова остался один. Теперь он еще менее был уверен в том, что не умер. И еще меньше представлял, где он и что с ним происходит. Антон продолжал взирать на спящий город с надеждой и вдруг, на вершине самого высокого минарета зажегся огонь.

– Мне туда, – решил Антон.

Конь, повинаясь звуку его голоса, оттолкнулся копытами и поскакал вниз к городским воротам. Когда Гризов был уже в сотне метров, массивные ворота Самарры, весившие на первый взгляд столько, что и сотня быков не сдвинет с места эту массу, сами отворились внутрь с тяжелым скрипом, словно приглашая гостя.

Никакой охраны и вообще людей, Гризов не заметил въезжая в главные ворота столицы Аббасидов, которые тут же закрылись за ним сами собою. Дома восточного города нависали темными громадами над одиноким путником, а лунный свет позволял видеть только их силуэты. Копыта скакуна застучали по мостовой, отдаваясь гулким эхом. Но, похоже, этот стук никому не причинял вреда. Ни одной живой души ему не встретилось на пути. Город казался пустынным. Лишь бесконечные улицы Самарры сплетались в причудливую вязь.

Минарет, что увидел Гризов с вершины холмы, был высок, но отсюда его было не усмотреть. Куда двигаться Антон не представлял, а потому снова отпустил поводья и вверил свою судьбу мудрому скакуну. Через некоторое время, миновав площадь, на которой стояла соборная мечеть, затем еще несколько бесконечных улиц, конь привез Гризова на широкую площадь. На дальнем конце этой площади, тонувшей в полумраке, он увидел огромный красивейший дворец. Множество куполов и башен венчали его. Наверное, это был дворец халифа. А прямо перед дворцом, посреди площади, возвышался, уходя в небо тот самый спиралеобразный минарет с единственным входом, возле которого скакун, несший Гризова, остановился. Антон поднял голову и посмотрел вверх. Там, на огромной высоте, из узких окон по черному небу разливался во все стороны яркий свет.

– Похоже, я приехал, – сказал сам себе всадник и слез с коня. А, погладив его по загривку, добавил – хороший конь.

Скакун посмотрел на своего седока, блеснул мудрым глазом и, медленно повернувшись, побрел в сторону городских ворот только ему ведомой дорогой. Антон проводил взглядом единственную живую душу в этом городе, вздохнул, и шагнул внутрь минарета сквозь открытую дверь.

Он оказался на узкой, высеченной из камня лестнице и начал медленно подниматься вверх. По стенам, шагов через двадцать, были развешаны светильники с горящим маслом, которые отбрасывали причудливые тени на каменную кладку стен. Получалось, что, выйдя из освещенного одним светильником места, идущий по лестнице вверх, ненадолго пропадал во мраке. Но затем снова выходил на свет, разливаемый следующим светильником.

Поднявшись на три уровня, Гризов стал замечать, что темные зоны между светильниками все увеличиваются. Теперь он брел сквозь мрак, держась рукой за холодную каменную стену, по несколько минут. Во всяком случае, так ему казалось.

Пройдя пятый уровень и оставив за спиной колеблющееся пламя, Антон вступил в очередную полосу черноты. Несмотря на открытую внизу дверь, о которой он знал, воздух здесь казался стоячим и даже затхлым, впитавшим запахи времени. Словно в башне никогда не бывало сквозняков. Пытаясь нащупать ступеньку, Гризов зацепился за что-то и неловко упал, больно ударившись головой.

Когда журналист открыл глаза, поднялся и сел: ни спереди, ни сзади, ни с лева, ни справа не оказалось никого и ничего. Зато вдруг стало светло. Он находился в большой и

белой шестигранной комнате, стены которой излучали ровный мягкий свет. Однообразные стены башни и светильники куда-то подевались. Единственным предметом было его собственное тело, висевшее в десяти сантиметрах от пола. Голова была необыкновенно ясной, хотя, он не мог бы поручиться, что это именно его голова. И видел он себя как бы со стороны, что было ново и непривычно.

Откуда-то издалека пришла мысль «Где я?», но показалась она какой-то странной и неуместной. Следом пришли и мысли-ответы: «Там, где всегда покой», «Там, где не бывает тревог». И вдруг, между этими ответами, невесомым назойливым облачком снова всплыл вопрос, показавшийся, как и все вопросы в этой комнате лишним «Так, где же я?».

Свет, излучаемый стенами, сделался ярче. Антону показалось, что эта шестигранная комната начала вращаться вокруг собственной оси, и в тоже время все его чувства говорили, что она стоит неподвижно. И вот появилась ещё одна мысль-ответ, ясная, четкая и спокойная: «Ты в гостях у своей смерти».

И тогда он вскочил, и босые стопы его коснулись светящейся матовой поверхности пола, теплого и жутко холодного одновременно. Исчезла былая легкость, у тела появился вес, и вместе с тем дикая боль пронзила его, словно удар молнии. Он сделал шаг, – не может идти! Но Гризов рванулся изо всех сил к стене и коснулся ее рукой. И вдруг стены рассыпались, и наступил мрак.

Антону ударил в ноздри запах затхлого времени. Он снова был в башне. Сделав над собой усилие, Гризов поднялся еще на несколько ступеней, миновал лампу, источавшую невероятный свет и снова вошел в темную зону. И тут же перед ним, замелькали картины из прошлого, дикой болью пронзая мозг. Словно кто-то вынимал длинные иглы у него из головы, осторожно, одну за другой, разрешая застоявшейся крови снова начать свой бег по кругу.

... Когда в далекой уральской деревушке Берестово на свет родился маленький мальчик Герман Бергмозер, радиоразведки не было и в помине, а мировая парапсихология находилась еще на уровне средневековых представлений. Только-только начиналась эпоха радио. Новорожденный уже с младенчества проявил странные способности, – когда бабка-повитуха попыталась его перекрестить крестным знамением, неведомая сила подхватила ее и вышвырнула во двор. По какой-то роковой случайности бабка угодила прямо головой в колодец и захлебнулась.

Спустя десять лет малолетний Герман, названный так своими учеными родителями в честь уездного врача Германа Петровича Колюева, вылечившего его мать от лихорадки, расшумелся на игрище со своими друзьями и случайно толкнул проходившего мимо старца Викентия. А когда старец попытался приструнить расшалившегося мальчика, тот, вместо извинения, послал старика к черту. Старец, обомлев от услышанного, чуть было не проклял мальчика на веки вечные, да пожалел и не стал. Вернувшись домой, почтенный старец вдруг почувствовал резкую боль в сердце, горле и ногах, заставившую его слечь в постель. К вечеру у него пошла кровь горлом, а сердце остановилось.

Когда Бергмозеру исполнилось пятнадцать лет, отец повел его на крестный ход. Там, увидев животворящую икону, мальцу сделалось худо, но вскоре он пришел в себя, а в небе над церковью началась страшная круговерть. Поднялся ветер. Возникла огромная воздушная воронка, засосавшая в себя всю окрестную живность и посевы. Люди едва успели разбежаться, а церковь рухнула. В конце концов, все жители деревни умерли от неясных болезней или подались в болота, и никто более о них не слышал с тех пор. Чудом уцелел только сам Герман.

С каждой пройденной ступенью тело Гризова наливалось тяжестью. Отрывать ноги от холодного камня становилось все труднее, а в голове продолжался бег отрывочных

воспоминаний, возникавших в хаосе и нанизанных одно на другое, словно лоскуты цветной материи. Антон шел сквозь эти воспоминания, как сквозь туман.

...Закрытая темная комната. Глядя, как привязанный к стулу пыток Антон пытается сделать хоть малейшее движение рукой, полковник пояснил:

– Осведомлен о вашем могуществе. Именно поэтому принял меры предосторожности. Ваша телесная и духовная субстанции сейчас зажаты во всех тоннелях смерти и жизни моим сильнейшим заклятием, которое держит вас в физическом объеме, данном вам этим веком, и не позволит освободиться от него и сделать что-либо помимо моей воли. Вы маг и я маг. Вы – белый, я – черный. Если бы вы могли лизнуть мое сердце, то отравились бы – в нем только яд.

Но, кроме всего, вы маг плененный, вы – мой раб. И я могу держать вас во временном заточении бесконечно. Я бы очень хотел сделать с вами что-нибудь дикое, но вы не простой смертный. И вы, признаюсь честно, мне сейчас нужны для того, чтобы проникнуть туда, куда мне путь заказан в силу неинтересных причин. Уничтожать вашу сущность просто так, без пользы для наших сил, в высшей степени глупо, выражаясь человеческим языком. Разметать вас по времени я всегда успею. А менять ход истории вы в состоянии только добровольно, по собственному желанию. Поэтому нам придется договориться.

Еще одна игла выскочила из черепа. Катя. Я любил ее и потерял. Странно.

– Отпусти ее, скотина, – сказал он тихо и злобно.

– С какой стати? Она – моя рабыня, так же как и ты – раб. Я могу сделать с вами все, что захочу. Но просто и быстро убивать людей за миллион лет я устал. С тобой веселее, тебя можно помучить вечностью. А она-то – простой человек, из плоти и крови. Красной крови. Люблю этот цвет. Ей умирать придется как можно дольше.

– Отпусти ее, скотина. – повторил Антон, чувствуя как в нем закипает лютая злоба.

Бергмозер медлил с ответом, разминая пальцами сигарету.

– Это ведь я ее тебе подставил перед самой армией. И развел вас потом, чтобы от страстного желания возникла меж вами космическая энергия. Два поля, создающие любовь, притягивают к себе с небес дикое количество энергии. Ваш отец небесный вас любит. Но он глуп и расточителен. А я – энергетический вампир, и мне эта энергия очень даже нужна, тем более, что получить ее от таких глупых созданий, как люди проще простого. Горите себе синим пламенем в огне любви, а энергию забираю себе я для правильных дел.

Антон сжал кулаки.

– Ты что же думаешь, – продолжал неторопливо рассказывать Бергмозер, – что магу такой категории позволено просто любить земную женщину без всяких последствий? Ты думаешь, что я не воспользуюсь этой слабостью отца небесного? Какой же ты глупый волшебник.

Антон бросил Кате, бившейся в молчаливой истерике за невидимой и непроницаемой стеной, полный страдания взгляд. Они были так близко и так бесконечно далеко. Сила их слившихся воедино душ делала их при встрече с вампиром только слабее. И все это происходило из-за него, если верить этому психопату-полковнику. Антон подошел к невидимой стене и погладил заплаканную девушку по лицу. Она тоже приникла к преграде с другой стороны, пытаясь дотронуться до него пальцами. Наблюдавший за этой сценой Бергмозер дико расхохотался. Затем он перестал насмехаться и спросил:

– Ну, что, будем подчиняться или сразу превратить вас в коллапсирующие звезды? Может быть ты предпочитаешь прятаться от стыда на темной стороне луны? Если я использую всю твою энергию и достигну своих целей, то, кто знает, может я и разрешу вам соединиться. Выбирай, младшой. У тебя есть только одна возможность.

Антон погладил заплаканную щеку девушки через невидимый барьер. Приник к нему и как бы поцеловал Катю. Затем быстро развернулся и сказал, словно выплюнул слова из

глотки:

– Говори, чего хочешь, тварь!

Иглы продолжали выскакивать, кровь потекла быстрее. Антон, спотыкаясь, преодолел еще один уровень башни.

...Спустя короткое время он воплотился на своем командном пункте. Все. Теперь можно было действовать. Никаких противников в России у него больше не оставалось. Единственный, кто мог как-то помешать ему, думал, что находится на другом континенте, а находился в другом мире, и не мог вернуться оттуда живым. Он вошел в тот мир через неправильную дверь и теперь был запечатан закланием как джин в бутылке. Странно, но белый маг не знал, что каждая видимая простым людям страна на этой планете имеет своего невидимого покровителя и живет в своем времени. Каждая страна в своем времени, своем мире. И эти миры не должны пересекаться. Так думают покровители, потому что мир тяготеет к единому. Бог ведет его к единому. Если позволить миру жить без покровителей – исчезнут границы, исчезнут и покровители, настанет Бог. Бергмозер хотел, чтобы настал сатана. Бог сейчас не в силе. Будь по-другому, Бергмозера уже давно не существовало бы ни в одном измерении.

Герман подтолкнул Антона в ту неправильную дверь с единственной целью – избавиться от него, потому что в тайне боялся как непобедимого мага. Но маг оказался глуп. Теперь он был бессилен изменить ход вещей на одной шестой части планеты в своем мире, потому что для этого необходимо было вернуться обратно той же дорогой – через один из тоннелей смерти, – а эта дорога была для него закрыта до тех пор, пока существует бессмертный дух Бергмозера. Тоннели соединяли миры мертвых, но Антон – белый маг, преодолев тоннель, он стал для этого мира не то чтобы мертв, но как бы параллелен, а значит неопасен. Он был обречен, бесконечно ходить по ту сторону стекла, не имея возможности проникнуть за него. А Бергмозер мог проникнуть куда угодно, ибо был мертв в человеческом понимании. Теперь он владел современной Россией почти безраздельно, а скоро завоюет Америку и весь оставшийся мир, а потом и миры. Все тоннели смерти, до десятого, были ему подвластны. Антон же не мог знать обратного хода на пути мертвых.

Гризов уткнулся лбом к железную дверь. Сталь была холодной, как и все в этой башне. Туман перед глазами сгустился до такого состояния, что Антону показалось, – он ослеп. Огромная тяжесть, все, что он втащил с собой на вершину башни, вдруг разом обрушилась на него, и Гризов упал. Вперед. В открывшуюся перед ним дверь.

...воззвав к высшим духовным силам своей души, Антон распространился по Евразии, одновременно распылившись по всем православным храмам, католическим костелам, мусульманским мечетям, буддийским пагодам, и душам хороших людей. Он висел незримым облаком под куполами церквей и над вершинами Тибетских гор в ожидании помощи. И она пришла. Слившись с энергией мира, Антон внезапно для себя стал видеть цветные души всех форм жизни на планете Земля. Были они белые, красные, желтые – в зависимости от взгляда на мир. Но как же много было кругом серого цвета – равнодушия. Вся западная Европа была серой, – она всегда со всеми соглашалась. Америки Антон не увидел вообще. А Россия сейчас была удивительно пестрой, – хотя и здесь преобладал серый цвет, не редки были вкрапления красного, желтого и синего. Сновали во все концы сгустки черного. И вдруг он увидел ЕГО. ОНО копошилось все в том же подземном недостроенном бункере президента, только значительно глубже. ОНО извивалось и клубилось. ОНО было ужасно черным и огромным.

– Я нашел тебя. – прошептал Антон на тысячах языков планеты.

Миллионы частиц его энергии заструились обратно, сгущаясь в единое. Они рождали

новые сочетания молекул, новые формы жизни, новые жизнетворные бактерии, все новое, новое, новое. И вот, собравшись в один, необычайно мощный энергетический сгусток, они родили воина...

Антон открыл глаза. Туман, застилавший их, исчез. Там, где он лежал, царил полумрак, едва разгоняемый единственной свечой, стоявшей на столике. Гризов приподнял голову и осмотрелся. Круглая комната, каменные стены, две двери, потолок. Столик у второй двери, на которой и стоит свеча. Дверь открыта, через нее задувает легкий ветерок. Рядом с этой дверью и столиком стоит бородатый шейх, одетый в длинный восточный халат. На голове его чалма, в руках с тонкими пальцами, – четки.

– Где я? – выдавил из себя Гризов.

– На вершине башни Воспоминаний, – спокойно ответил шейх, перебирая четки, – ведь ты же пришел сюда, затем чтобы вспомнить все. Вспомнил?

Гризов приподнялся на локте, сел.

– Да, – неуверенно ответил он, – кажется. Вспомнил.

– Значит, – проговорил шейх, – не нужно тебе рассказывать о том, кто ты. Надо лишь сказать тебе о том, кто я. Так ведь?

Антон кивнул, вставая напротив шейха во весь рост. Шейх оказался выше. Он был высоким и худым, как древний звездочет из сказки.

– Выйдем на балкон, – предложил он, – оттуда лучше виден мир.

Гризов молча последовал за хозяином башни, через вторую дверь, которая действительно вела на небольшой балкон, приютившийся под островерхим куполом башни. Там едва помещалось два человека, но им хватило места. Оттуда действительно был виден огромный древний город, раскинувшийся у подножия минарета, и бездонное небо, усыпанное яркими звездами.

– Это спиралеобразный минарет, возведенный много столетий назад по повелению халифа Аль-Мутаваккиля Первого, из династии Аббасидов, – пояснил шейх, – то есть, по моему повелению. Его строили пятьдесят лет лучшие зодчие востока, а когда закончили, я понял, что нет на свете более желанного для меня места. Я покинул свой дворец и поселился на вершине минарета. С тех пор нахожусь здесь. Здесь я провел долгие годы, здесь и умер. После этого минарет стал для меня башней воспоминаний.

Гризов посмотрел на старика, выглядевшего вполне живым, но после подъема на эту башню, он больше ни за что не мог поручиться.

– Вот уже многие сотни лет прошли с тех пор, как я стал охранять равновесие этих земель, – старик воздел руки с четками вверх, словно обращаясь к звездам, – За это время взлетела высоко на небо и закатилась счастливая звезда великой династии Аббасидов, ведущих свой род от Аббаса, дяди Мухаммеда. Я помню, как Аль-Мансур перенес столицу халифата из Дамаска в Багдад, новый город, который он построил на реке Тигр. Как расцвела наша династия при Харуне Ар-Рашиде и Аль-Мамуне, чьи дворы стали центрами нашей культуры. Я помню, как после разрушения Багдада монголами Аббасидов изгнали в Египет, где правили мамлюки. И, наконец, я помню, как султан Селим Первый принял титул халифа, отправив Мутаваккиля III в заточение в Константинополь. Я не забыл ничего, ибо сотни лет наблюдал за жизнью своих потомков, пытаюсь помочь им.

Старик замолчал, глядя на звезды.

– Вы охраняли их покой? – уточнил Гризов.

Старец едва заметно улыбнулся.

– Покой? А что такое покой? – спросил он сам себя, перебирая четки, и сам же ответил, – затишье между войнами? Или войны, это обрамление краткого покоя, когда смертные думают, что так будет всегда, и не хотят размышлять о будущем?

Гризов молчал.

– Покоя нет, путник, – проговорил халиф Аль-Мутаваккиль, – Я это понял, проводя сотни лет в башне воспоминаний. Все это время я лишь старался хранить равновесие этих

земель, понимая, что оно недостижимо надолго. Время властно даже над покровителями.

– Вы, – покровитель древнего Междуречья? – затаив дыхание, спросил Гризов.

– О, нет, – покачал головой старец, – У Шумера, Аккада, Лагаша и Элама был другой покровитель. Черный. Он был силен и жесток. Управляя царями Междуречья, он заставил эти народы идти к земному процветанию через кровопролитные войны, постоянно истребляя друг друга. Он питался их энергией смерти. И почти добился своего. Сначала пустыня зацвела, а потом цветущий край пришел в запустение. Тогда я еще верил в покой. Едва став бессмертным, я схлестнулся с ним и победил, став покровителем вместо него. Мне казалось, что теперь наступит вечный покой. Но я ошибся. Покровители соседних земель не хотели покоя. Они хотели постоянно питаться энергией войны. Они были молодыми. Словно стаи саранчи, их воины нападали на мою страну, разрывая ее на части. Покою пришел конец. И вот тогда я понял: люди сами по себе ничего не решают. Очень много зависит от покровителя. И я понял, что Покровитель должен быть один, а покровители должны исчезнуть. Мы, – часть времени. И я узнал, что когда-нибудь так и случится. Но, сначала мне пришлось долго воевать, чтобы возвращать моей стране свободу, которую у нее постоянно отнимали. Я постепенно слабел. Земные цари менялись один за другим, не видя моей поддержки. За последние двести лет черных покровителей стало гораздо больше. Их хозяин силен. Они захватили много земель за большим морем, и теперь настал час, когда они решили навсегда захватить всю землю. И мы должны принять этот бой.

– Значит, покровители тоже смертны? – удивился Гризов.

– Нет, – ответил халиф Аль-Мутаваккиль, – но они устают от бессмертия. И хотят уйти. На их место приходят новые покровители. За последние сотни лет очень многое изменилось в нашем невидимом смертном мире. Очень многие покровители отдали душу дьяволу. А когда это происходит, начинаются новые войны. Мир поворачивается. И так будет до тех пор, пока не наступит самая последняя битва покровителей, которая их рассудит.

Антон помолчал, впитывая все услышанное.

– А когда это случится?

Халиф усмехнулся.

– Ты хочешь знать?

Антон неуверенно кивнул.

– Она уже началась. Мир пребывавший в относительном покое, снова начал изменяться. Покровители разных времен, сошлись в последней битве. Скоро земля будет стонать. Она уже стонет. Все имеет свое начало и свой конец. Устал и я.

Гризов поднял глаза на миллиарды звезд, взиравшие на него с небес, и проговорил:

– Вы хотите уйти?

Аль-Мутаваккиль взглянул на звезды своими мудрыми глазами, а потом перевел взгляд на стоявшего рядом Антона.

– Эта битва не для меня. Она, – для тебя, путник. Ты уже вступил в нее. Но твой первый бой произошел случайно, по незнанию. Потому, ты все забыл, хотя и вышел победителем. Так захотел твой покровитель.

– Но, ведь теперь я снова все вспомнил? – воскликнул Антон, – и вспомнил именно здесь. Почему здесь и кто привел меня сюда? Наташа?

Халиф кивнул.

– Тебя привел сюда твой покровитель, а она указала тебе нужный путь на перепутье. Иначе, ты ушел бы в другую страну.

– Она жива? – Гризов расправил плечи.

– Теперь вы в разных мирах. Ты увидишь ее, если захочет он.

Антон замолчал на несколько долгих минут.

– Но для чего я здесь?

Халиф медленно покачал головой.

– На мою землю скоро придет новый покровитель. Вместо меня. Он будет на ней последним. Но союз черных покровителей не хочет его впускать в тонкий мир, потому что

он несет в себе свет и начало конца. Черный покровитель из-за моря послал своего слугу уничтожить меня и моего преемника. Ты уже знаешь посланника. Того, о ком я говорю. Ты встречался с ним и однажды уже победил. Но, не уничтожил.

Антон кивнул, глядя в глаза халифу.

– Я его пожалел.

– Теперь он стал вдвое сильнее, – сказал Аль-Мутаваккиль, – но и ты предупрежден. Я вижу твое будущее. Оно в огне. Ибо на твою землю тоже приходит новый покровитель. Твой. От тебя теперь зависит судьба и моей земли, и твоего покровителя и еще многих, чьи судьбы переплетены. Тебе придется снова стать воином эфира.

Гризов ничего не ответил. Можно было не отвечать. Он и так уже все знал.

– Прощай, – сказал халиф Аль-Мутаваккиль и выпустил четки из рук.

Маленькие белые бусины четок мелькнули и унеслись вниз, к подножию башни Воспоминаний. Гризов проводил их взглядом, а когда поднял глаза, рядом уже никого не было.

Глава девятнадцатая. «Недалеко от Самарры»

Еще через пятнадцать минут полета, когда под днищем вертолета уже окончательно исчезла зелень, стрелка прибора который показывал уровень топлива в баке, легла на бок. Голуаз постучал по нему пальцем, но стрелка по-прежнему не подавала признаков жизни.

– Садись, – приказал Костян, – наверное, это знак.

Глянув на экран локатора, старшой увидел как к вертолету с юга и запада приближается восемь низколетящих целей. По четыре с каждой стороны. Это были американские вертолеты.

– Садись быстрее, – повторил свой приказ Костян, – а то встретимся с духами гораздо раньше намеченного. Не хотелось бы получить ракету в бок при заходе на посадку.

– Нет, – вмешался Гризов, – не здесь. Лети дальше. Тяни до развалин.

Он наклонился к экрану локатора и постучал по очертаниям ясно различимых развалин древнего города, находившихся километрах в десяти на север.

– Ты сдурел, там наверняка много американцев, надо уходить в горы, – возразил Костян, но Гризов неожиданно резко оборвал его.

– Об американцах не беспокойся, старшой, я их беру на себя, – крикнул он, и добавил, обернувшись к Голуазу, – тяни к развалинам, дорогой. Тяни, это наш шанс. Нам надо именно туда.

Никаких окриков со стороны резко замолчавшего Костяна не последовало, поэтому Голуаз выполнил приказ журналиста. Не больше минуты он вел вертолет по приборам, а потом вдалеке показалась высоченная башня, стоявшая посреди остатков древнего города, и Голуаз стал править на нее.

Когда внизу замелькали остатки полуразрушенной крепостной стены, а точки на локаторе, обозначающие американские вертолеты, приблизились на критическое расстояние, журналист приказал пилоту:

– Садись.

И Голуаз бросил вертолет вниз. Туда, где была только пустыня. Зарывшись в песок, подняв целые его тучи вокруг себя, вертолет сел на холме, напротив древних ворот неизвестного города.

– И что теперь? – рявкнул Костян, хватаясь за автомат, – куда ты нас привез, Сусанин хренов? Американцы будут здесь через минуту, а мы видны как на ладони!

С этими словами он выскочил из вертолета и осмотрелся.

– Один песок кругом. Лучше бы сели прямо в городе, среди развалин. Там хоть есть где спрятаться.

Голуаз, покинув вертолет, настороженно вглядывался в небо, из которого скоро должны были посыпаться американцы. Он тоже оценил расстояние до развалин, посмотрел

на высоченный минарет, и, тряхнул автоматом, высказал свое мнение:

– Добежать не успеем. Это хана.

Костян обошел вертолет и остановился рядом с журналистом, который с безмятежным видом рассматривал горизонт с противоположной стороны.

– Хотелось бы объясниться перед смертью, – вежливо попросил он, – какого черта мы здесь делаем? Или ты с Рушди об этом договорился?

– Расслабься, – посоветовал ему Гризов, – все будет в порядке. Мы на месте. Об американцах не беспокойся.

– И как ты интересно, собираешься с ними разобраться? – поинтересовался Костян, – одним автоматом? Или в песок зароешься?

– Нет, – все также спокойно ответил Антон, – я зарюю их.

Костян вопросительно прищурился, словно услышал слова умалишенного. Вместо ответа Гризов указал на горизонт. Оттуда с бешеной скоростью приближалась стена песка.

– Бляха-муха, – только и сказал старшой, – Песчаная буря. Нам же самим каюк! Засыплет по самые гланды.

– Я же тебе говорю, расслабься, – посоветовал Гризов, – с нами все будет хорошо. Я тебе это обещаю. Садимся в вертолет и переживаем минут десять. За это время все само собой рассосется.

Костян еще раз посмотрел на Антона, затем на заходившие для атаки американские вертолеты, которые уже выстроились в боевой порядок, недоверчиво ожидая, как это все само собой будет рассасываться.

Сплошная стена песка быстро приближалась. И американские пилоты её, похоже, тоже заметили. Стройный атакующий порядок разваливался на глазах. Боевые «Апачи» меняли курс, разворачивались на полном ходу, пытались уйти назад и выше, подняться над бурей в пустыне.

Но, не успели спецназовцы забраться обратно в вертолет и задраить люки, как мощная волна песка прошла над ними, почти не задев, и обрушилась на американцев. Один за другим, она проглотила вертолеты, прожевала, перемолола и выплюнула остатки, разбросав их на огромной территории. А когда спецназовцы, спустя десять минут, осторожно вылезли из своего полужасыпанного укрытия, ни одного американского вертолета в воздухе не было. Погибли все, заживо погребенные под многометровым слоем песка. Едва успокоившаяся пустыня теперь была полна всякого мусора и напоминала декорации из фильма «Мумия возвращается».

Ничего не понимающий Костян тупо уставился на вертолет, из которого они только что вылезли.

– А нас-то, почему не засыпало? – задал он риторический вопрос, обращаясь ко всем сразу, но потом смекнул что-то, и добавил, обращаясь уже к журналисту, – А, Тоха?

– Зачем нас засыпать, – резонно ответил Гризов, – мы хорошие.

– Ну да, – согласился Костян, – а они плохие, понятно. Буря, она разбирается, кто есть кто. Тогда, может быть, скажешь, где нам теперь искать ТОТ САМЫЙ ВЕРТОЛЕТ?

Гризова этот вопрос, казалось, нисколько не смутил. Он пожал плечами и ответил:

– А чего его искать. Он здесь.

– Где, «здесь»? – переспросил Костян, поперхнувшись.

Антон указал на обнажившуюся из-под песка лопасть вертолетного винта, которая торчала метрах в двадцати от места посадки.

– Он под нами. Надо лишь немного копнуть.

Костян от неожиданности чуть не выстрелил в воздух.

Через полчаса они докопались до люка. У запасливых спецназовцев оказались с собой саперные лопатки, которым они с бешеной скоростью разбрасывали песок вокруг себя, рискуя поднять очередную песчаную бурю. О новом нападении американцев никто и не думал, лишь Костян изредка бросал нервные взгляды на небо.

К счастью пропавший вертолет лежал на боку, входным люком вверх. Первым о борт

похороненного под толщей песка вертолета со звоном ударились лопатка Голуза. Еще через полчаса, когда работников лопаты сменили, люк оказался очищенным от песка и его, поднатужившись, откинули в сторону. В нос спецназовцам ударил горячий запах трупного разложения.

– О, черт, – только и произнес старшой, зажимая нос, – противогазов то у нас нет. Придется наведаться в гости к мумии без них.

И он сам первым прыгнул в темное чрево вертолета. Все остальные, кроме Коли Быстрого, последовали за ним.

Зажав носы, чтобы не упасть в обморок от запахов разложившихся тел, включили фонарики, и принялись обследовать внутренности вертолета, который выглядел изнутри как расплюснутая давлением воды субмарина. Лучи заскользили сквозь темноту, рассекая ее словно мечи джедаев. Долго искать не пришлось. То, что они пытались найти рысая по пустыням, точнее то, что от него осталось, сидело в конце салона, накрепко пристегнутое ремнями к креслу. Голова была неестественно вывернута, едва не оторвана. Луч фонарика высветил кожаный чемоданчик, пристегнутый металлической цепью к полуистлевшей руке некогда высокопоставленного чиновника США.

Пока Гризов, борясь с полуобморочным состоянием, размышлял, как бы им отделить чемодан от руки, Костян просто поднял автомат и короткой очередью отстрелил руку американца. Затем взял чемодан, который оказался очень тяжелым, осмотрел на всякий случай темные углы вертолета и коротко скомандовал: «Всплываем». Голуаз за это время успел проверить содержимое кабины пилотов и вынести оттуда все карты и документы.

Выбравшись наверх, они рухнули на песок, и долгое время отплевывались, вдыхая полными легкими горячий воздух пустыни, показавшийся им сейчас чистым кислородом. Когда, наконец, всем полегчало, Гризов спросил у Костяна, сидевшего рядом с заветным чемоданчиком.

– Не посмотришь, что там?

Костян снова сплюнул на песок, скользнул взглядом по чистому горизонту, и ответил, внезапно серьезным.

– В штабе посмотрят. Наше дело найти и доставить по назначению. А твое, хоть ты и журналист и еще черт знает кто, не совать свой нос дальше положенного.

– Где же ты видел журналистов, которые не суют свой нос дальше положенного? – проговорил Гризов, – Это импотенты, а не журналисты.

– Может, оно и верно. Только чемоданчик этот надо срочно вывозить отсюда, а тебе, думаю, будет благодарность от командования, – добавил Костян.

– А почетную грамоту и десять долларов дадут? – уточнил Антон.

– Грамоту дадут, может даже орден, а вот про десять долларов забудь, – успокоил старшой, – не положено.

Но Гризова запрет старшого уже не трогал. Он просто посмотрел на чемоданчик и его взгляд беспрепятственно проник сквозь кожаную оболочку и титановый ящик с кодовым замком. Американцы полагали, что такая защита сможет уберечь их секреты от любопытных глаз и даже взлома с использованием пластиковой взрывчатки. Кроме того, в случае несанкционированного проникновения в титановом ящике имела своя бомба, которая должна была мгновенно распылить все секреты вместе с желающим их узнать.

Эта оболочка скрывала несколько папок с информацией по нападению США на Ирак с точными датами начала операций, которые никак не соотносились с датами заседания «ООН» по вопросам урегулирования ситуации в Ираке. Пачку CD-дисков с легендой об оружии массового поражения и точными адресами, где его следует найти. Секретные инструкции по бактериологическому оружию и штатив с пятью наглухо запечатанными колбами, в которых яростно бились о стены смертоносные бактерии, способные в короткий срок очистить Ирак от ненужного человеческого материала для более достойных.

Но, кроме этого, Гризов обнаружил еще один диск со странной информацией. Это были рекомендации восточного дивизиона разведывательного подразделения ЦРУ о

необходимости группировки американских кораблей выдвинуться в район восточно-китайского моря для поддержки наземной операции. Ситуация в Китае волновала и военное и экономическое министерство. Китай слишком быстро развивался и вооружался. Он мог очень скоро составить проблему для интересов США в восточном регионе. С этим следовало разобраться, пока Китай не окреп на столько, чтобы не прислушиваться к советам США.

– Понятно, – кивнул Антон, вставая на ноги, – я так и думал. Ладно, господа десантники, пора отсюда сматываться, как верно заметил старшой. Тем более, что на подходе эскадрилья F-16, которая летит сюда чтобы смести с лица земли эти живописные развалины вместе с нами. Надо поспешать.

Костян недоверчиво покосился на журналиста, но половину вопросов оставил при себе, словно вспомнив о чем-то. Уточнил только:

– И как ты предлагаешь сматываться? Бегом?

– Зачем бегом, – вежливо ответил Гризов, – у нас же есть вертолет.

– Ну да, – согласился старшой, – с пустыми баками.

– Почему с пустыми? – удивился Гризов, – тебе показалось. Там горючего, хоть других заправляй.

Костян чуть не захлебнулся слюной, но все-таки приказал:

– Голуаз, осмотри технику.

Голуаз сбегал в вертолет, забрался в кресло пилота, нажал несколько кнопок, пощелкал тумблерами, и, высунувшись из окна, радостно крикнул, ухмыльнувшись:

– Порядок, командир, горючки, – полный бак! Можно лететь.

Костян слегка побледнел. Но вскоре взял себя в руки, а в свои руки взял американский чемоданчик.

– Ну, это полдела, – заметил он философски, глядя в небо, но голос его слегка дрожал. Было видно, что старшой впервые в такой ситуации и ему трудно подбирать слова, – Надо ведь еще долететь. Мы на севере страны, а уходить нам на восток. До Ирана нужно добраться. А ПВО американцев, а система космического наблюдения, а истребители, наконец?

Гризов усмехнулся. Ему нравилось новое чувство, – ощущать себя надеждой российской армии.

– Не бойсь, командир, – сказал он весело, – долетим. «Траст-ми», как говорят глупые американцы глупым американкам. ПВО и космические глаза я беру на себя. Твоя забота, как ты верно заметил, доставить чемоданчик в штаб по секретным каналам. Кстати, будь осторожен, там бомба и то самое бактериологическое оружие, а не только бумажки секретные. Предупреди спецов, которые вскрывать будут.

У Костяна глаза округлились до невозможности. Но он, похоже, уже начал менять свое мнение и о духах, и о журналистах. Старшой собрал свои силы в кулак и ничего не спросил. Только перехватил чемоданчик в другую руку, накинул ремень автомата на плечо, бросил задумчивый взгляд на минарет, торчавший гигантской свечой посреди древних развалин, и зашагал к вертолету.

Когда погрузились и взлетели, Голуаз сразу же направил винтокрылую машину на восток, в сторону Иранской границы, где, судя по словам Костяна, находилось место выхода разведгруппы с оккупированной американцами территории. Под видом журналистов было уже не вернуться, их разыскивала вся американская военная разведка.

Проводив взглядом развалины Самарры, Гризов неожиданно полез в рюкзак и достал оттуда фотокамеру с пленкой, на которой было снято убийство Наташи и американских женщин. Протянул ее Костяну, сидевшему на этот раз в соседнем кресле и спокойно тянувшего пиво из мини-бара, который оказался снова забитым спиртным. Место второго пилота занял Коля Быстрый.

– Возьми, передай в штаб. Так сохраннее будет.

Костян покосился на него с недоверием.

– Сам и передашь. Может быть, еще разрешат опубликовать под своим именем.

Прославишься.

– Может быть, – согласился Гризов, – Но, пока, пусть полежит у тебя.

– А ты что? – напрягся Костян.

– Духи жаждут отмщения, – спокойно ответил Гризов.

Старшой молча взял камеру, положил ее в свой рюкзак и отвернулся к иллюминатору.

А Гризов вышел в астрал и окунулся в давно забытые ощущения: быть вольным сыном эфира, превращаясь по желанию, то в радиоволну, то в северный ветер.

Глава двадцатая. «Трепет камней»

Для начала Гризов направил вертолет, в котором летела его телесная оболочка вместе с тремя обычными смертными, по защитному энергетическому коридору, наделив его несколькими полезными свойствами. Вертолет стал абсолютно невидим, как для всех станций слежения вооруженных сил США, так и для пилотов, которые случайно могли столкнуться с ним в небе. Кроме того, горючее в его баках стало бесконечным, и вертолет мог лететь без посадок до самого Ирана, где и должен был благополучно приземлиться на секретной российской базе, неподалеку от городка Бахтаран. Там его уже ожидал теплый прием: баня, водка и посланцы из штаба.

Сам же Гризов рассеялся в эфире над Ираком и Персидским заливом, пытаясь определить очаги пребывания черного посланника. И нашел их довольно быстро. Бергмозер воплотился в десятках эскадрилий истребительной и бомбардировочной авиации, расквартированных по большей части на авианосцах залива и в Средиземном море, а также в Кувейте, Саудовской Аравии и долго соображавшей к кому присоединиться Турции. Часть его влилась в кровь танкистов, чьи бронированные чудища привычно кромсали Багдад, Басру, Эн-Наджеф, Мосул, Киркук и прочие поселения поменьше. Танкисты и морпехи, опутавшие Ирак сетью своих баз, также вальяжно расположившись на отдых в Кувейте, уже давным-давно считавшимся очередным штатом США.

Определив поле для будущих подвигов, Гризов решил для начал разобраться с эскадрилей F-16, которая летела к Самарре, чтобы смести с лица земли эти живописные развалины. Получив задание из штаба, летчики по дороге откровенно развлекались, разглядывая карту полета, на которой было обозначено столько огромное количество целей для уничтожения, что пилоты начали переживать о том, что им не хватит ракет.

Среди основных целей этой эскадрильи американцев была отмечена Самарра, находящаяся к северу от Багдада, по дороге на Мосул, и бывшая некоторое время столицей Аббасидских халифов. Там удобной мишенью для ракет мог стать знаменитый спиралеобразный минарет, возведенный в девятом веке по повелению халифа Аль-Мутаваккиля, два дворца той же эпохи, соборная мечеть и мечеть эмира Абу Дулафа. Кроме того, достаточно крупной целью для ракетного удара был священный для шиитов мавзолей двоих святых имамов аль-Хади и Хасана Аль-Аскари, потомков двоюродного брата мусульманского пророка Али ибн Абу Талиба.

Этот налет командование рассматривало как один из этапов борьбы с терроризмом. По точным данным разведки, в развалинах и еще сохранившихся дворцах Самарры прятались многочисленные террористы Аль Каиды, а по некоторым данным там мог находиться и сам Бен Ладен. Минарет халифа Аль Мутаваккиля наверняка использовался как лаборатория для производства наркотиков, в этом американцы были почти уверены. Все это следовало на всякий случай зачистить, то есть сравнять с землей.

Эскадрилья приближалась. Ведущий пилот с радиопозывным «Айс», увидев прямо перед собой обозначенный как цель минарет, вышел в эфир и сообщил всем:

– ОК, ребята, начинаем рок-н-ролл!

Самолеты разобрались по целям, пальцы пилотов легли на пусковые кнопки ракет.

– Повеселимся, парни. Быстрее перепашем эти древние арабские камни! А вечером на базе нас ждет шоу с девочками из «Плейбоя», это я вам обещаю, – сообщил в эфир «Айс» и

первым выпустил свой разрушительный заряд по минарету.

Ракета вырвалась из-под крыла боевой машины и унеслась к цели, но мощного взрыва не последовало. Буквально за сотню метров до минарета, ракета свернула в сторону и унеслась в пустыню.

«Айс» не поверил своим глазам и снова нажал на пуск. Вторую ракету также унесло в пустыню, где она и взорвалась, не причинив никакого вреда. Этот чертов минарет, никак не хотел быть снесенным с лица земли. «Айс» сделал вираж и пошел на второй круг, благо ракеты еще были. Когда его палец снова был готов коснуться пусковой кнопки, на мониторе бортового компьютера вместо карты вдруг появилось изображение восточного всадника с обнаженным мечом. «Айс» с недоверием воззрился на монитор и проморгал оптимальный угол атаки, а когда сделал третий вираж над Самаррой и зашел с нужной стороны, всадников на мониторе было уже двое.

Палец пилота застыл, словно замерз. Он не мог больше пошевелить ни рукой, ни ногой. Мог только, не отрываясь смотреть на монитор, на котором буква за буквой, появлялись слова, складываясь в какую-то фразу. А когда возникла последняя буква, то «Айс» непослушным языком едва смог прочесть вслух «Духи жаждут отмщения!!!».

В ту же секунду его самолет потерял управление и пролетев в нескольких метрах от минарета рухнул на камни сразу за городской стеной. Мощный взрыв потряс окрестности Самарры.

Остальные американские самолеты постигла та же судьба. Увидев на экранах мониторов изображение двух имамов, испуганные летчики немедленно повернули на базу, но было поздно. Неведомая сила сталкивала самолеты в воздухе или бросала их на землю, где они взрывались и догорали в песках. За несколько минут от эскадрильи F-16 не осталось ни одного самолета.

Уничтожив первых американцев в открытом бою, Гризов вошел во вкус и вдруг ощутил, что он не один. И в эфире, и в небе над Ираком. Он вдруг ясно почувствовал энергетическую мощь своего покровителя, но также ясно ощутил и мощь черного посланника из-за океана, который теперь видел его отчетливо во всех направлениях. Оставалось принимать бой и помериться силами.

– Один раз я тебя пожалел, – прошептал Гризов, – больше этого не будет.

И небо над Ираком озарилось вспышкой сверхновой звезды. Точнее сотен звезд. Это возникли из ниоткуда боевые самолеты российского производства, «Миги» и «Сухие», с эмблемой неизвестной армии на фюзеляже, – кривой меч на зеленом круге, – и разлетелись в разные стороны. Каждый из них знал, что должен делать. В каждом из них была астральная оболочка Гризова, а вместе они были единым телом. Интернациональная помощь началась.

– Рушди, – воззвал Гризов, – Пора выходить из подземелий. Выводи своих гномов.

Очередной душное утро в Ираке полковник четвертой танковой бригады оккупационной армии США Генри Джеферсон, по прозвищу «Джефф», в очередной раз начал со штатного нагоняя своему нерадивому помощнику Питеру Остину, а закончить решил проверкой блокпоста на границе охраняемой территории на южной оконечности Мосула.

Нагоняй полагался за то, что Остин, отвечавший за техническое состояние танковой бригады, так и не смог за целый месяц починить десять танков «Абрамс» подбитых еще во время восстания этих фанатиков-аборигенов из армии Мухтады Ассадра. Восстание, неожиданно охватившее многие подконтрольные оккупационной армии территории и города, вроде бы закончилось и перешло в фазу вялотекущего процесса с периодическими обострениями. Хотя крови эти аборигены попортили немало и еще продолжали портить.

Генри Джеферсон никак не мог взять в толк, что собственно не хватает этим бедуинам. Им же английскими языком с американским акцентом объясняют: Мы вас освободили от диктатора! Очень скоро у вас появятся все атрибуты свободной жизни: «Кока-Кола»,

игорные и публичные дома, порнография, модные журналы, джинсы, наши машины и компьютеры. Самим ничего делать не надо, только ходи в магазин и покупай. Живи да радуйся! А они в тебя из гранатомета. Генри Джеферсон искренне не понимал этих отсталых иракцев. Нет, как просвещенный военным училищем человек, он допускал, что где-то могут жить не так как в родной Америке. Но это означало только одно, – все эти места следовало зачистить и перестроить на американский лад. Гармония мира не знает границ.

Пообещав размякшему от жары Питеру Остину все муки ада за отсутствие прогресса в деле починки танков, Джеферсон сел в бронированный «Хаммер» с пятью солдатами и в сопровождении еще одного джипа охранения отправился на окраину Мосула. Проезжая по убогим выжженным солнцем улицам городка, полуразрушенного давними бомбардировками, полковник думал о том, как вообще здесь могут жить люди без кондиционеров и горячей воды. Нет, здесь, решительно следовало все перестроить на нормальный лад. Прежде всего, снести мечети, которые Джеферсона просто раздражали. Глядя на них, он с упоением вспоминал диснеевского вида храмы родного города мормонов в штате Юта. Правда, в мормонах Генри пробыл недолго. Находясь уже в военном училище, на первом курсе он познакомился с ловцами душ из секты почитавшей Хаббарда. Вот, где он познал настоящее откровение. Там ему быстро объяснили, в чем его слабости, а в чем призвание. Оказалось, что на религии можно неплохо подзаработать. А рассчитывая на помощь могущественного братства, быстро сделать себе карьеру в любой области. Надо только периодически проходить проверку на детекторе лжи, вовремя стучать на своих товарищей, попытавшихся отколоться и собирать компромат на остальных членов секты. Особенно, на известных всему миру людей, а таких было не мало: Том Круз, Джон Траволта, добрый десяток голливудских продюсеров, известные промышленники, юристы, банкиры, ну и, само собой, тысячи фигурок поменьше. И тогда будущее обеспечено, ибо братство было очень богатым. А поскольку деньги для американца, – это святое, то Генри Джеферсон, не долго думая, стал его членом и начал быстро продвигаться по службе. И даже здесь в Ираке он выполнял не только свои видимые всем обязанности. Ибо у братства имелись и более высокие, нежели облагодетельствование простых членов секты, задачи.

Подъехав к блокпосту, на котором плавилась от жары пять окрашенных в песочные цвет танков «Абрамс» и двадцать морпехов, Генри Джеферсон спрыгнул из машины на раскаленный асфальт разбитого шоссе и принял доклад от лейтенанта Корди, командовавшего этим местом.

– Сэр, – отрапортовал бравый Корди, американец итальянского происхождения, стоя спиной к шлагбауму, преграждавшему путь на Мосул, – За прошедшие сутки ничего существенного не случилось.

– Повстанцы уже давно не беспокоят? – деловито уточнил Генри Джеферсон изучавший смуглую физиономию лейтенанта. Ему не нравились итальянцы, но вслух пока он об этом сказать не мог. Пока еще не он был главным в армии.

– Давно, сэр, – отчеканил лейтенант, – Думаю, что почти всех мы уничтожили еще месяц назад, а остальные наложили в штаны и теперь будут сидеть смирно. У них нет шансов.

– Вы уверены? – снова переспросил Генри Джеферсон, – как охраняется блокпост?

– Уверен, сэр. Пост охраняется отлично. Наши танки, – лучшие в мире. Здесь никто не пройдет без моего разрешения, сэр.

– Отлично, Корди, – полковник отечески похлопал его по плечу, – продолжайте службу.

– Разрешите спросить, сэр, – лицо лейтенанта приняло озабоченный вид.

– Да, лейтенант.

– Это правда, что мы скоро уйдем и оставим Ирак местным властям?

Генри Джеферсон замолчал. Он как раз работал над этим вопросом по своей линии.

– Политики решили, что так. Мне лично это не по душе. Иначе, за что погибли наши ребята? Но мы военные. Мы выполняем приказы. Ведь так, лейтенант?

– Так точно, сэр! – рявкнул Корди.

– И если поступит приказ оставаться здесь до тех пор, пока не будет установлен полный порядок, ...новый порядок, вы выполните его лейтенант?

– Так точно, сэр! – рявкнул Корди еще громче, – почту за честь.

– Отлично, Корди, – повторил полковник, улыбнувшись, – Отлично.

В этот момент его внимание привлек столб пыли, внезапно поднявшийся над горизонтом. Генри Джеферсон поднял висевший на груди бинокль и не поверил своим глазам: по шоссе шла колонна танков «Абрамс» раскрашенная в песочный цвет, но на бортах и башнях красовалась эмблема неизвестной армии «кривой меч на зеленом круге».

– Это еще что такое? – пробормотал Генри, продолжая разглядывать в бинокль колонну приближавшихся танков, – что это за бригада? Откуда они здесь?

Морпехи насторожились. Прижав винтовки к груди, они также впились глазами в ползущую на них армаду. Колонна танков двигалась быстро. Едва показавшись из-за холма, она уже подошла к блокпосту на расстояние меньше километра, а конца её невозможно было разглядеть по-прежнему. С виду танки были американские, никаких сомнений, вот только эмблема.

Неожиданно головной танк повернул башню в направлении блокпоста американских морпехов и дал залп. Выпущенный снаряд угодил в крайний «Абрамс», защищавший своим корпусом пост слева. Попадание было точным. Раздался чудовищной силы взрыв, от которого американскому танку оторвало башню и сбросило на песок, превратив в кровавую кашу трех стоявших рядом морпехов.

Приближавшиеся танки развернулись строем для атаки и охватили подступы к Мосулу в полукольцо, подняв позади себя песчаную бурю. А Генри Джеферсон все стоял, как парализованный, не веря своим глазам: американские танки атаковали свои позиции. Что за чушь! Раздался новый залп сразу их нескольких орудий. Взрывом снесло будку КПП и перевернуло еще один «Абрамс».

– Защищайте, позицию! – крикнул пришедший, наконец, в себя Джеферсон лейтенанту, – это повстанцы!

А сам, пригнувшись, бросился к стоявшему поодаль штабному «Хаммеру».

– Гони в штаб бригады! – крикнул Генри Джеферсон шоферу.

Шофер успел сделать половину разворота на шоссе, когда очередной залп приближавшейся танковой армады накрыл обе бронемашины. На том месте, где только что был джип с телом полковника американской армии Генри Джеферсона, теперь дымилась огромная воронка.

Через десять минут, перемолов гусеницами блокпост американцев, в Мосул с юга вошла танковая армада под знаменем Рушди. Вторая колонна танков вошла в него с севера. Оставшиеся американские части сдались без боя. Город был захвачен всего за пару часов.

В лагере морпехов на берегу Эн-Наджефа, царил полный покой. После вчерашней пивной вечеринки с танкистами, также расположившимися на этой базе, сержант морской пехоты Джиг Бронсон, еле продрал глаза. Быстро сообразив, почему он это сделал, сержант вскочил с койки, выбежал из палатки и направился к полуразрушенной мечети, в которой вся база справляла нужду, когда солдатам было лень дойти до биотуалетов, расположенных в дальнем конце базы рядом со штабом.

Джиг быстро прошмыгнул мимо ребят из патруля с винтовками и банками пива в руках, с ужасом взглянув на пиво. Морпехи фотографировались между силуэтами бронированных «Абрамсов» с зачехленными орудиями.

– Эй, Джиг, – окликнул его дин из морпехов, – хорошо вчера погуляли!

Сержант только кивнул в ответ, осветив путь вымученной улыбкой. Оставив, наконец, за спиной пристань и заросший тростником берег, два ряда танков и бронемашин, Джиг приблизился к цели своей вылазки: впереди виднелась полуразрушенная мечеть. Собственно о том, что это мечеть, Джиг не догадывался. Для него, простого чернокожего паренька из

Луизианы, это был заброшенный дом с башнями и круглыми крышами.

Сержант скрылся в нем и только начал с облегчением сливать из себя ненужную в организме жидкость, как в небе раздался какой-то нарастающий гул. Сделав свое дело, Джиг вышел на открытое пространство и поднял голову вверх, чтобы увидеть источник шума, похожий на вой турбин самолетов.

Это и были самолеты, только не американские. С противоположного берега Евфрата заходило целое звено «Мигов». Джиг был хорошим солдатом и сразу опознал самолеты потенциального противника, о которых ему когда-то рассказывали в учебке. Это были определенно «Миги». Только вот откуда им здесь взяться? Все иракские ВВС были давным-давно уничтожены, еще на своих аэродромах. Никто из местных пилотов и подняться в воздух не успел, как все уже было кончено.

Но «Миги» были. Более того, они заходили для нанесения удара. Джиг смотрел на все это, как зачарованный. До сих пор, даже попав в Ирак, он наблюдал авианалеты только своих самолетов на позиции арабов, да и то чаще по телевизору. А теперь, нарушив привычный ход вещей, «Миги» сверкнув на солнце плоскостями, открыли огонь по военной базе США, стоявшей на берегу реки у захваченного Эн-Наджефа.

После первого залпа, от пирса и пришвартованного к нему катера охраны не осталось ничего. На этом месте до самого неба на глазах у изумленного сержанта мгновенно вырос мощный столб воды. Второй самолет уничтожил сразу несколько танков, находившихся поблизости от бывшего пирса. «Абрамсы» едва не разрывало на части прямым попаданием ракет, подбрасывало вверх, срывало башни, опрокидывало вверх гусеницами и зарывало в песок. Третий «Миг» превратил в груды искореженного металла несколько «Хаммеров». Четвертый нанес удар по штабу, где сейчас как раз проводили совещание высшие офицеры. Пятый накрыл веером разлетевшихся ракет сразу все казармы с морскими пехотинцами и личным составом танкистов. Меньше чем за пять минут военная база США в городе Эн-Наджеф перестала существовать. На ее месте осталось только перепаханное ракетами пространство.

А чернокожий паренек из Луизианы, чудом уцелевший в этой мясорубке, все стоял и смотрел на разверзшееся перед ним поле смерти.

Пулеметный расчет из трех человек, во главе с сержантом Старски, расположенный на крыше гостиницы «Аль-Рашид» в центре Багдада, уже полчаса не мог установить связь со своим командованием, находившимся на десятом этаже той же гостиницы.

– Шит! – сплюнул сквозь зубы Старски, ожесточенно встряхнув рацию, – эта железяка отказывается работать на такой жаре.

– Сэр, наверное, просто сели батарейки, – попытался успокоить командира один из солдат.

– Слушай задание, Мики, – решил, наконец, сержант, – пойдешь к начальству и доложишь, что мы уже полчаса наблюдаем какие-то странные перемещения арабов внизу на площади перед гостиницей и на соседних улицах. Похоже, они собираются что-то штурмовать, у них в руках есть оружие. Скажи, что нужно вызвать на всякий случай подкрепление.

– Понял, сэр, – Мики козырнул и исчез в люке, ведущем на пожарную лестницу.

Не успел он это сделать, как второй солдат указал вниз на прилегавшую к гостинице «Аль-Рашид» улицу и сказал:

– Сэр, смотрите, появились какие-то танки.

Сержант Старски поднес к глазам бинокль и с удивлением присвистнул. Мимо отеля, по направлению к мосту через Тигр, проходила колонна русских танков «Т-80» со странной эмблемой на башне. Даже с такого расстояния в бинокль был отчетливо виден кривой меч на зеленом круге. Ничего не понимая, Старски перевел взгляд на соседнюю улицу, где располагался рынок и увидел страшную сцену: разъяренная толпа арабов перевернула бронемашину и терзала тела четырех американских солдат. Тогда он поднял бинокль чуть

выше и посмотрел на набережную реки. Все мосты были захвачены вооруженными иракскими патрулями. На каждом из них стоял русский танк с неизвестной эмблемой, вокруг которого танцевали арабы с автоматами.

– А где же наши? – растеряно, пробормотал сержант себе под нос.

В этот момент снизу раздался громкий скрежет. Старски снова прильнул к биноклю и увидел, как последний танк из проходящей колонны таранил попавшийся ему на дороге «Хаммер» и сбросил его в реку. Затем танк сдал назад, словно собираясь продолжить движение, но вместо этого неожиданно застыл на месте. Его башня описала полукруг, а пушка начала подниматься высоко вверх. Через несколько секунд Старски отчетливо разглядел в бинокль жерло этой пушки, которое теперь смотрело прямо на крышу гостиницы «Аль-Рашид».

– Ничего не понимаю, – снова проговорил сержант, – А где же наши?

Больше он ничего не успел сказать. Точным попаданием пулеметный расчет был мгновенно снесен с крыши гостиницы.

За свои пятнадцать лет службе Её Величества королевы Великобритании майор морской пехоты Гамильтон повидал не мало. Но один штурм приграничного иракского городка Умм-Каср, который был взят британскими морпехами в самом начале последней компании в Ираке, стоил многого. Сколько боевых товарищей там полегло, Гамильтон уже никогда не забудет. Не ожидая сильного сопротивления, на рассвете английские морские пехотинцы высадились на побережье и были мгновенно переброшены под Умм-Каср, атаковав его с хода. Гамильтон надеялся уже к вечеру водрузить флаг Британии над главной мечетью города, но он ошибся. Арабы оказали ожесточенное сопротивление, словно им отступать было не куда, но было за что бороться. Дрались они страшно, майор никогда не видел, чтобы арабы так дрались за нефть. Ему и в голову не пришло тогда, что они дрались за родину.

Но Британия славится своими солдатами и моряками. В конце концов, несчастный городок был взят, и настала очередь Басры, через которую Хусейн качал свою нефть в обмен на продовольствие. Гамильтон справился и с этой задачей и теперь, вот уже почти год, исполнял нудные обязанности военного коменданта Басры. Ирак был подавлен. Армия уничтожена, Хусейн попал в плен, где его изучали как подопытного кролика. За спиной в заливе стоял на рейде американский флот и несколько английских кораблей. Опасаться было нечего и майор заскучал. Его снова тянуло в самое пекло. Хотелось разнообразить жизнь приключениями. И когда ему сообщили, что к Басре, форсировав реку, приближается танковый корпус неизвестного происхождения, он даже немного обрадовался, немедленно приказав выслать навстречу разведчиков и уточнить, что нужно американцам здесь, на уже давно подконтрольной территории. Однако, разведчики не смогли войти в контакт с командирами танкового соединения, и лишь успели сообщить, что это английские танки «Челленджер», после чего связь с ними неожиданно прервалась.

Заинтригованный решением собственного командования отправить в Басру подкрепление, не сообщив даже ему, Гамильтон направился на встречу колонне танков лично. Однако, когда прибыл на место встречи, на подступах к городу уже шел бой. «Челленджеры», мощным ударом прорвав оборонительные рубежи английских морпехов, поначалу принявших их за своих, уже кромсали улицы Басры сметая все на своем пути. Штабная бронемашина, в которой ехал Гамильтон, была подбита точным выстрелом из миномета, установленного на башне выскочившего из-за поворота навстречу «Челленджера». Джип опрокинулся на бок, а оглушенный, но еще живой, майор морской пехоты, молча смотрел, как его давит танк английского производства. Последней мыслью Гамильтона было «Черт побери, мы делаем хорошие танки».

Опрокинув англичан и американцев в персидский залив в районе Басры, войска Рушди повернули на юг и сходу вторглись в пределы Кувейта, отвоевывая вновь некогда захваченные земли цветущего государства. На севере Ирака, освободив Мосул, танки с

кривым мечом на зеленом фоне, взрезав оборону, на радость курдам вошли в пределы Турции. Никто не может безнаказанно дружить с «НАТО».

Уже целый час адмирал Гарри Уинслоу, находившийся на борту атомного авианосца «Джордж Вашингтон» принимал с побережья панические доклады, от которых его седые волосы с каждой минутой все отчетливее вставали дыбом. Уинслоу командовал ударной авианосной группой ВМФ США, запиравшей Персидский залив от проникновения нежелательных гостей. В группу, кроме авианосца, способного нести девять эскадрилий самолетов ударного типа F/A-18 и F-16, а также пятнадцать вертолетов, входило два ракетных крейсера, эсминец и атомная подводная лодка класса «Морской волк», необходимая для защиты от подводных атак на авианосец. Гарри Уинслоу не опасался морских атак, поскольку атаковать с моря, а тем более из-под воды было просто некому, арабы на это не способны, но устав есть устав. Подводная лодка должна присутствовать в составе охранения.

Сейчас, однако, на море было тихо, чего нельзя было сказать о положении на оккупированной территории Ирака. До сегодняшнего дня там все было спокойно. К периодическим нападениям на патрули и взрывам грузовиков Гарри Уинслоу относился как к мелкому хулиганству, не достойному вмешательства военного флота. Его задачей было, – заблокировать Персидский залив, всех впускать и никого не выпускать, кроме американских танкеров, до краев заполненных трофеей иракской нефтью. Каждый из этих танкеров обогащал Америку на миллиарды долларов за один рейс.

Но сегодня утром все изменилось. Со всех концов Ирака в штаб оккупационного командования, расположенный на авианосце «Джордж Вашингтон» стали поступать сообщения о нападениях неизвестной армии на американские блокпосты, военные базы и целые города. Буквально за один день ситуация до неузнаваемости переменилась. Невесть откуда появившаяся армия иракцев атаковала и захватила большинство городов, где американцы хозяйничали уже больше года. Не помогало ни танковое охранение, ни ответные авиаудары истребителей и штурмовиков. По земле Ирака в разные стороны катились неудержимым валом танковые армады неизвестного противника, а в небе над страной господствовали его самолеты, уничтожая любые летательные аппараты ВВС США, попытавшиеся встать на пути повстанцев. Космическая система слежения Nawstar вышла из строя, все запасные спутниковые системы тоже отказали. Армия мгновенно ослепла и оглохла. К обеду продолжали работать только радары ближнего обнаружения кораблей и радиосвязь с несколькими подразделениями на территории южного Ирака и Кувейта.

Читая поступающие в штаб сводки, Гарри Уинслоу не мог взять в толк, откуда появилась эта армия возмездия, ведь еще вчера все шло так хорошо: танкеры выкачивали и увозили нефть, а свободолюбивые арабы спокойно жили под железной рукой США. Все было ОК. Уинслоу был образованным человеком и знал многое о прошлом земель Междуречья, поэтому не очень удивился мысли, которая вскоре пришла ему голову: «Неужели это наказание за все, что мы здесь натворили?»

К вечеру повстанцы вышли на побережье и вторглись в Кувейт. Уинслоу послал на помощь армии три эскадрильи F/A-18. Связь с пилотами пропала почти сразу после вылета. Никто из них не вернулся на авианосец. Скоро стало понятно, что Кувейт снова захвачен врагом.

По прежнему ничего не понимая, адмирал по секретному каналу связался с президентом (к счастью этот канал еще работал) и получил разрешения провести атомную бомбардировку Багдада, а по крупнейшим городам восставшего Ирака применить ракетное оружие по плану «В». Едва успев отдать распоряжение готовить авиаудар по Багдаду, Гарри Уинслоу получил сообщение от операторов бортовой РЛС о том, что к авианосцу и кораблям сопровождения в Персидском заливе со стороны Ирака приближается армада самолетов неизвестного противника. Удалось определить, что в воздухе не меньше пятидесяти целей. «О Господи, – подумал умудренный опытом адмирал, – Пронеси. Второй «Перл-Харбор»

мне не пережить».

– Приготовится к отражению атаки, – приказал адмирал, – поднять в воздух все самолеты. Кораблям охранения обеспечить огневое прикрытие.

Разбросав свою астральную оболочку по десяткам «Мигов» и «Сухих» и оставив позади береговую линию Кувейта, Гризов с удовольствием распростерся над теплыми водами Персидского залива и рассматривал сквозь множество прицелов высокий борт авианосца «Джордж Вашингтон». Вся остальная военно-морская шушера его интересовала гораздо меньше. Ибо, какой же русский летчик не мечтает утопить американский авианосец...

«Джордж Вашингтон» приближался. Американские корабли блокировали самую узкую часть Персидского залива, которая называлась Ормузский пролив. Армада Гризова миновала над морем Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, оставив их справа по курсу, приблизившись к своей цели. В это мгновение Гризов уже знал, что победил. Дух Бергмозера покинул американцев под его ударами и вытек в другое пространство. Антон его выгнал, вытеснил собой. Куда, Гризов собирался разузнать чуть позже, а пока следовало навсегда разобраться с гордостью американского флота.

Ему на встречу, один за другим, взлетали американские истребители, пытаясь отразить нападение. Корабли охранения открыли ракетный и артиллерийский огонь. В воздухе запахло смертью. Но что они могли сделать с русским духом. Самолеты противника просто разрывало на части, когда они пытались атаковать надвигающуюся армаду. Когда возвышавшийся над волнами борт авианосца «Джордж Вашингтон» оказался уже совсем близко, Гризов вдруг неожиданно для себя заорал, что было сил, отозвавшись на всех радиоточках планеты:

– Б-А-Н-З-А-А-А-Й!!!

И бросился на авианосец. Его самолеты, как осы, ужалили эту громаду сразу в сотнях болевых точек. Русские ракеты впились в броню американского корабля. Прогрызли в ней дыры. Огромный корабль, мастодонт, казавшийся неуязвимым, вздрогнул. На его палубе и в трюмах начался пожар. То тут, то там, из прорванной броневого обшивки вырывались наружу языки пламени, словно внутри готовилось какое-то адское варево.

Гризов нанес второй сокрушительный удар. Новая волна самолетов накрыла раненый авианосец ракетной сетью. После серии взрывов, уничтоживших часть взлетной полосы на палубе и надстроек, «Джордж Вашингтон» накренился. Искореженные самолеты, из тех, что не успели взлететь, рушились с высокого борта корабля в море, оставляя за собой яркий огненный след, словно кометы.

Пытаясь спастись, авианосец дал задний ход, чтобы выйти из пролива на открытую воду, где было больше места для маневра, но зацепил килем мель возле мыса и намертво сел. Третья ударная волна Гризова заставила отколоться носовую часть охваченного пламенем авианосца. Вода хлынула в трюмы. «Джордж Вашингтон» перевернулся и мгновенно затонул, перегородив собою выход из Персидского залива всем кораблям охранения с которыми Гризов расправился за десять минут. Этой участи избежала только подводная лодка класса «Морской волк». Гризов изменил цели, введенные в её бортовые компьютеры крылатых ракет. Лодка сопровождала до берегов США десять танкеров с иракской нефтью, а затем потопила их одним ракетным залпом, устроив в десяти портах атлантического побережья экологическую катастрофу. Антон решил, что американцам следует ощутить на своей шкуре, что такое горящая нефть и зажаренные в ней птицы.

Глава двадцать первая. «Достигающий облаков»

Вернувшись из командировки, Гризов каждый день почти целую неделю вылеживал с книгой по несколько часов на берегу Финского залива в районе Зеленогорска, загораая и стараясь оттянуться по полной программе. Вечера проводил с друзьями, у которых и жил.

Экватор пройден, сессия сдана, можно и расслабиться. Жизнь опять потянулась размеренно и чудесно.

Однако память на этот раз никуда не пропала. Он по-прежнему знал, кто он и в каком измерении может существовать, кроме этого. Оставаясь телом на пляже под Питером, энергетической оболочкой Антон продолжал ощущать колебания мира. А были они далеко не везде положительными.

Успокоив ситуацию в Ираке, выбив американцев из Кувейта, он вернул войска Рушди в прежние границы. Турция, потрясенная сначала атакой и захватом своих крайних территорий, а затем их неожиданным возвратом со стороны Ирака, крепко задумалась над выходом из альянса. С соседями по карте лучше дружить.

Пропавшую эскадрилью «Су-35» Антон, в конце концов, ощутил. Но не в Корее, где ожидал больше всего от генерала Чжоу, который оказался одной из оболочек многоликого Бергмозера. А в Китае, на просторах маньчжурской равнины, неподалеку от городка Шеньян. Русские летчики находились в плену, но ещё были живы. Это давало шанс их спасти. Прощать Бергмозеру их пленение было нельзя, также как и ненужную смерть Лели.

Спецназовцы благополучно выбрались из Ирака в Иран. Вовремя доставили по назначению свой груз на родину. Одним из своих тел, Гризов проделал этот путь вместе с ними. Фотоснимки с кадрами съемки убийства американскими солдатами собственных женщин и русской журналистки обошли все газеты и телеканалы мира, наделав много шума. А поскольку американцы к тому времени уже покинули Ирак, все это настигло администрацию Буша на его территории. Закон маятника. Курс доллара стремительно обрушился вниз, предвещая катаклизмы и народные волнения в американской империи.

Сам Бергмозер, судя по следам энергетической грязи, протянувшихся из Ирака в Афганистан, Пакистан, Китай и обе Кореи, утек в эти отдаленные районы, и затаился там, словно ожидая Гризова для последней встречи. Судя по сводкам новостей, что-то там назревало. Быстро росло и уже начинало копошиться. Кроме того, как узнал Гризов, проникнув эфирным духом в секретную систему связи США, группировка американских кораблей уже вышла в район восточно-китайского моря для поддержки наземной операции. Следовало во всем этом разобраться. По возможности окончательно.

Гризов отложил книгу и, перевернувшись на покрывале, посмотрел на медленно падавшее за горизонт солнце. Морской ветерок пригнал запахи йода, приятно пощекотав ноздри. Волна за волной с шумом накатывала на берег. Антон перевел взгляд вверх. Там, очень высоко по неведомым маршрутам плыли кучевые облака.

«Интересно, – подумал Гризов, – правда, что древние люди когда-то пытались построить огромную башню, чтобы достичь этой неземной красоты, а их рассеяли за это по миру»? И, немного подумав, сам себе ответил «Охотно верю».

Санкт-Петербург, 2004.